

Ильинский мой, ты песня и легенда

Стихи, очерки,
рассказы, повести, песни

Ильинский, 2004 г.

К читателям

Ильинская земля во все времена была известна талантливыми, способными на добрые дела людьми. В 1579 году на месте нынешнего райцентра, в погосте Обва, стояла деревянная церковь, срубленная во имя святого пророка Ильи. Уже тогда первопоселенцы проявили здесь преданность вере Христовой и героизм выживания. Имена их известны.

Шел год за годом, один век сменял другой. На перепутье времен село Ильинское становится административным и, понятно, культурным центром Пермского имения Строгановых. С той поры выходцев с Обвы знают в Прикамье, российских столицах, за рубежом. Они учатся, торгуют, перенимают все передовое и возвращаются на родину. Архитектор Воронихин, гравер Пищалкин, лесоводы Теплоуховы, инженеры Вологдины и многие другие оставили в память потомкам нетленные памятники материальной и духовной культуры, воплощенной технической мысли.

Можно возразить: мол, то за рубежом, в столицах, а в самом Ильинском что? Да то же самое! Здесь жили свои художники и музыканты, поэты и писатели. Кроме того, одновременно они служили, учили, были мастерами и инженерами, управленцами. Один ильинский театр что стоил, он объединял все творческие направления выходцев из интеллигенции, мастеровых, крестьян. Вот только имена этих личностей сегодня, к сожалению, подзабыты, как и их дела.

Но ничто не проходит бесследно. Семена доброго прорастают, какие бы потрясения не случались, как, скажем, в предыдущем столетии. И ныне наше общественное сознание хранит духовный потенциал прошлого, являет его на свет Божий при удобном случае, независимо ни от кого. Безусловно, люди этого ряда - художники Иван Сыкулев и Рудольф Тюрин, композитор Михаил Камский, писатели Александр Спешиллов и Андрей Ромашов и другие, ушедшие от нас и живущие.

Опять, к сожалению, приходится констатировать:

творчество ильинцев сегодня мало кому известно. Наши поэтов, очеркистов, писателей знают в узком кругу почитателей, который нередко ограничивается их родными, друзьями, знакомыми. Заявить о себе публично удастся далеко не каждому. Потому и возникла мысль у «определенных лиц» издать сборник стихов, рассказов местных авторов. Воплощение идеи в реальность стало возможным благодаря полученному гранту третьего районного конкурса социальных и культурных проектов.

В предлагаемый читателям сборник вошли стихи, рассказы, очерки и песни, авторы которых проживают в Ильинском районе. В числе их учителя, журналисты, рабочие, служащие, студенты, учащиеся, среди которых есть уже и именитые, известные своими публикациями в районной газете, отдельных изданиях. Но есть и начинающие поэты и прозаики, это своеобразная «проба пера». Все они свое творчество посвящают родному краю, его людям, человеческим переживаниям, надеждам. А что получилось в итоге, судить уже вам, читателям.

К сказанному остается добавить, что идея издания книги и участия в районном конкурсе социальных и культурных проектов принадлежит директору Ильинской центральной библиотечной системы Нине Алексеевне Гилевой и библиотекарю Ильинской ЦБС Тамаре Николаевне Елькиной. Над сборником также работали Нина Ивановна Соловьева, журналисты Галина Коробова и Валерий Симонов.

Редакционный коллектив выражает благодарность главе местного самоуправления Ильинского района Леониду Киприяновичу Гуляеву за поддержку и помощь, оказанную в выпуске данного сборника на всех его этапах.

Вадим Афанасьевич БЕРЕСНЕВ

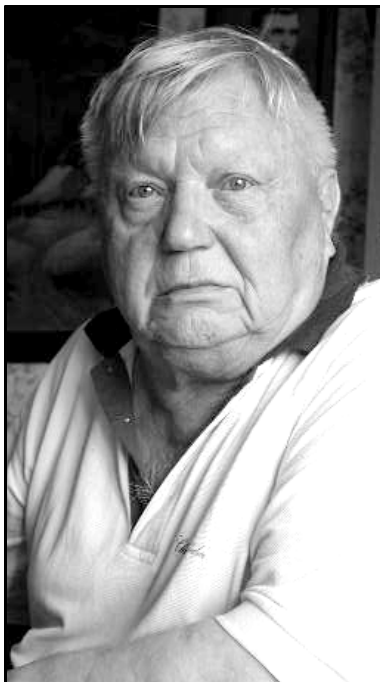
Из автобиографии

Мои дед и бабушка со стороны мамы родом из Очеры, приехали в Чусовской завод в конце 19 века с первенцем Иваном. Потом у них ещё были дети – девять душ. Отец, Афанасий Мартынович, работал директором детского дома в деревне Копально, что в 25 километрах от города Чусового, где и появился я на свет, как рассказывала мама, весом в 12 фунтов. Папа умер в 30 лет, и мать, которой было тогда 26 лет, пошла работать на завод, на котором трудилась до пенсии.

Я приехал в Ильинский в 1954 году, работал в колхозе «Большевик» кузнецом и тридцать два года в районной «Сельхозтехнике».

Сейчас мне 71 год, и можно кое-что подытожить. Самым удачным моментом в своей жизни считаю находку фотоархива Григория Яковлевича Шайдурова в 1963 году. Вот с этого времени жителям поселка стали доступны виды до-революционного села Ильинского: его жилые дома, общественные здания, обыватели, которые жили, любили и были такими доброжелательными и красивыми.

Из написанного мной – сотни статей, заметок, сообщений в местной газете. Из них одни, на мой взгляд, более, другие менее удачные. Из опыта литературного труда я сделал вывод – не все удается и не все бывает гладким даже на бумаге. Такова жизнь.

Как лечили у нас

При всех своих недостатках, земская медицина составляла гордость тогдашнего российского здравоохранения. Она, по словам Ф.Ф. Эрисмана, наглядно демонстрировала «сокровище, которому нет ничего подобного в Западной Европе».

Просматривая периодические издания конца позапрошлого и начала прошлого веков, медицинские обзоры в журналах Пермского уездного земства, убеждаешься в том, что наша земская медицина - это единственный в истории пример организованной общественной медицинской помощи сельскому населению в капиталистической стране того времени.

Пермский уезд в начале нашего века был разделен на 15 врачебных участков, 10 из которых содержались исключительно за счет земства и пять на основе особых соглашений, т. е. совместно земством и заводами. При каждом из земских участков имелись лечебницы. В селе Ильинском, например, или в селе Васильевском они помещались в собственных зданиях. Медицинская помощь больным, кроме

врачей, оказывалась фельдшерами и фельдшерицами-акушерками в медпунктах. Таких пунктов в уезде было 25 и два земско-заводских.

Стационарная помощь земским больным в лечебницах, приемных покоях и заводских госпиталях оказывалась (как это ни покажется странным) бесплатно. С иноуездных же и иногородних больных взималась плата – 30 копеек за день лечения. Амбулаторная помощь тоже была бесплатной, бесплатно отпускались и лекарства как из участковых аптек, так и фельдшерских пунктов.

Акушерская помощь оказывалась всем изъявившим желание ее получить. Нужно отметить то, что талонов на посещение врача в то время не давали. Акушерский персонал, состоящий на службе земства или заводов, получал за оказание земской помощи, кроме жалованья, особое вознаграждение – по одному рублю за каждый случай помощи роженице. Оспопрививанием в уезде частью занимался состоящий на службе земства вспомогательный медицинский персонал, с платою по 15 копеек за каждый

Персонал Ильинской земской больницы

В первом ряду (слева направо): Печенкина Екатерина Васильевна - аптечный работник, Ваулина Парасковья Александровна - фельдшер-акушер, Александр Иванович Прасолов - главный врач, Покончикина Евгения Васильевна - фельдшер-акушер. *(Фото из архива автора.)*

удачный случай прививки, удостоверяемый врачом. Вольноопределяющемуся акушерскому персоналу за оказание помощи при родах платили 3 рубля и еще 20-25 копеек за каждый случай прививки.

Как видим из вышеизложенного, медицинскому обслуживанию населения в царской России уделялось большое внимание. Содержание медицинского персонала, нормальные ставки жалования, периодические прибавки и предельные оклады были установлены в Пермском уезде целым рядом решений Земских собраний.

Так, в 1911 году земский врач получал 1800 рублей в год, через 12 лет служебного стажа он уже мог рассчитывать на 2400 рублей; фельдшер-акушер – 480, соответственно через 12 лет жалование увеличилось до 720 рублей; сестра милосердия – 240-360, и нянечка получала 120 – 180 рублей в год.

Медработник, если он поступил на службу, сам не увольнялся. Для этого нужен был или особый случай, или смерть служащего – так дорожили своей работой люди в земских лечебницах. Сoder-

жание одного больного обходилось Ильинской больнице в 56 руб. 96 коп., Васильевской лечебнице – 78 руб. 51 коп. в год. К сентябрю 1909 года было построено новое больничное здание в селе Ильинском. Больница сюда была переведена после освящения 10 сентября из старой наемной квартиры вместе с амбулаторией.

На усадьбе, отведенной для ильинской больницы, были возведены следующие здания: главный корпус, баня с прачечной, погреб. При больнице был устроен водопровод. По составленной в 1905 году смете, проект постройки оценивался в 20000 рублей. Расход на постройку составил 21606 руб. 24 коп. Васильевская лечебница с амбулаторией и аптечным помещением обошлась в 8894 руб. 06 коп. Обе стали работать в одно и то же время.

Как в поселке Ильинском, так и в селе Васильевском больницы были оборудованы водопроводами, а также смываемыми туалетами по способу дренажного очищения. За годы советской власти ни то, ни другое работать не стало, лечебные учреждения опустели до архаики. Да их никто толком и не ремонтировал, потому что страна шла семи-

мельными шагами в «светлое будущее».

Теперь расскажем о людях, лечивших больных. Главным врачом земской лечебницы в Ильинском был Александр Иванович Прасолов, работавший с 24 апреля 1903 года. Кстати, он награжден правительством орденом «Белого орла» за безупречную службу. Медперсонал: фельдшерица-акушерка Парасковья Александровна Ваулина, служащая с 20 июня 1882 года; фельдшер-акушер Семен Родионович Печенкин (с 1 апреля 1906 года); фельдшерица-акушерка Лидия Александровна Гулина (с 29 июля 1907 года); фельдшерица Евгения Васильевна Покончикина (с 9 декабря 1909 года); служащая при аптеке Екатерина Васильевна Печенкина – супруга Семена Родионовича (с января 1903 года).

Ильинский врачебный участок был организован в 1872 году. В состав его входили Ильинская, Сретенская, Кривецкая, Средне-Егвинская, Слудская и часть Богородской волости. В Васильевский врачебный участок вошли Васильевская, Челвинско-Русаковская, Усть-Гаревская и часть Богородской волости. Ильинский врачебный участок принял за

1910 год 52118 больных, Васильевский – 28919.

Какие периодические издания выписывало земство для врачебных участков? Для лечебницы поселка Ильинского были выписаны издания «Практическая медицина», «Врачебная газета», «Фельдшерский вестник», газеты «Санкт-Петербург», «Пермская земская неделя», а также покупались книги для больных. Для больницы села Васильевского выписывалось примерно то же.

Назовем и персонал Васильевской больницы: фельдшеры Иван Александрович Иван-

цев, Андрей Аф. Ильин, Елена Павловна Пафиева, акушерка Елизавета Васильевна Полежаева, служащая аптеки Мария Семеновна Бабина.

В 1910 году в село Ильинское прибыла Валентина Николаевна Лобова с маленьким ребенком. В девичестве у нее была фамилия Зильберберг Бина. Русскую фамилию она получила после крещения, когда выходила замуж. Устроили ее помощницей аптечного служащего. К тому времени она прошла солидную аптекарскую практику на житомирщине, откуда была родом.

Просолов А. И. уже в 1910 году ходатайствует о прибавке жалованья Лобановой с 240 до 540 рублей. Но Бина, проработав год с небольшим, уехала, отравленная ядом марксизма, чтобы окунуться в романтическую пучину грядущей революции 1917 года. В адресную книгу ЦК РСДРП рукой Крупской внесен адрес Бины Зильберберг. Переписка с Лениным у нее была еще в 1912 году. Мы не осуждаем ее за это. Кто знал, что освобождение от царизма принесет невероятные страдания российскому народу от диктатуры большевизма. И не умри она 2 мая 1924 года в Сухуми от горло-

В день открытия лечебницы в Ильинском 10 сентября 1909 г. Фото Г. Шайдурова.

(Из личного архива автора)

вой чахотки, как бы сложилась ее судьба, доживи она до 1936 года, когда так называемая гвардия Ленина почти вся оказалась в подвалах НКВД?

В развитии земской медицины в различных губерниях России были свои особенности, зависящие от экономического положения губерний и многих других факторов. В каждой гу-

бернии выделялись свои местные деятели медицины, которые бескорыстным, самоотверженным трудом вносили значительный вклад в развитие медицинской науки и практики. Между тем история земской медицины в различных районах нашей области еще очень слабо изучена. Не изучена она и на всем Урале.

Канатная фабрика в Ильинском

На рубеже прошлого и нынешнего веков в Прикамье бурными темпами начинает развиваться лесная промышленность. Рост её объясняется многими причинами. Немаловажен и тот факт, что Пермь находилась на пересечении транспортных путей – водного и железнодорожного, и потому стала местом сделок крупной торговли лесом (до 20 миллионов рублей в 1914 году). Лес заготавливался зимой, и самые крупные партии его поступали из владений Строгановых, Шуваловых, Лазаревых, Максимовых и других землевладельцев.

Сегодня не каждый знает, что для экспорта за границу, преимущественно в Англию, распиленного леса в начале нынешнего века при устье речки Мулянки был построен ог-

ромный лесопильный завод на 16 рам с паровым двигателем в 1000 лошадиных сил. Он принадлежал госпоже Балашовой и за пять лет «произвёл» 1200000 брёвен.

В ту пору на сплаве леса не применяли ни цепей, ни тросов. Отдельные звенья брёвен связывались древесными прутьями, и плоты чалились исключительно пеньковыми и мочальными снастями. Оснастка воза (полного плота) требовала до 600 пудов разных канатов на сумму 2400 рублей, что составляло примерно по 13 копеек на дерево. Этому расходу, ввиду крупных барышей, получаемых при сбыте одного товарного бревна (от 2 до 5 рублей за бревно в зависимости от его толщины), значения не придавали.

Лесной сплав породил канатный промысел. В 1896 году местный крестьянин Кирилл Евграфович Дразнилов уехал на Всероссийскую выставку в Нижний Новгород. Поехал он с целью что-то посмотреть, перенять и применить потом у себя дома, в деревне Бутканово. Ко всему приглядывался, заметил паренька, который ловко, с несколькими подручными, плёл канаты из башкирской конопляной пеньки, демонстрируя своё мастерство зрителям.

Кирилл Евграфович сманил смышленного человека в село Ильинское, где ещё в конце прошлого века была открыта канатная фабрика. Процветанию этого предприятия здесь способствовали большой спрос на пеньковые канаты для оснастки плотов и хорошее состояние цен на них. И потому неболь-

шое предприятие «**Дразнилов и К**» тоже процветало.

Канатная фабрика в Бутканово просуществовала вплоть до 1917 года. Известна и фамилия мастера-паренька, приехавшего из Нижнего Новгорода, который возглавлял производство – Николай Михайлович Суханов. Хозяин канатной фабрики Кирилл Евграфович Дразнилов не обманул подававшего виды молодого человека и женил его на своей дочери Наталье. Супруги Сухановы прожили долгую жизнь. Наталья Кирилловна умерла в возрасте 96 лет, Николай Михайлович прожил 105 лет – отхватили, нечего сказать.

Потомки Сухановых и сегодня живут в посёлке Ильинском. Дом племянника мастера, Валентина Поносова, находится на улице Парковой.

Вот такие дела были...

Ода самовару

Трудные годы войны... Когда стало совсем уж невмочь, наша мама бережно завернула в скатерть последнее, что осталось от бывшего относительного достатка, и ушла на рынок-толкучку. Унесла из дома и последнюю память об отце – самовар, сменяв его на кар-

тошку и горох.

Но кончилась война. После 1947 года люди потихоньку стали обзаводиться, покупали кое-какую мебель, одежду, патефоны и даже приемники. А наша мама в первую очередь взяла и купила самовар – символ мирного времени и сытости. Я его

и сейчас помню - этакий медный, пыхтящий пузан, можно сказать, член семьи, немой наш собеседник.

И вот не так давно задался вопросом: а когда же появился самовар? Посмотрел кое-какую литературу. Оказывается, в конце прошлого века большая группа ученых проводила археологические раскопки в Италии. И там, на месте древней Помпеи, возле и сегодня дышащего вулкана Везувия, среди многочисленных находок они обнаружили предметы, отдаленно напоминающие наши русские, известные во всем мире самовары. Это были древнеримские авцепсы, как их называли, что в переводе означает – самовар. Как сообщается, стоили они дорого и далеко не каждому были доступны. Предназначались авцепсы не для кипячения жидкости, а только для её подогрева. Небольшими ковшиками из них черпали вино или воду.

Неясно, откуда россияне переняли идею самовара или сами до неё дошли, но от древнеримского авцепса наша «водогрейка» отличается наличием крана и конфорки – специальной насадки на трубе для чайника.

Почему-то упорно, не при-

нимая никаких доводов, считается, что родиной нашего российского самовара является Тула. Я и сам так думал. Но посмотрите, что получается.

Появились самовары в XVIII столетии. В 1767 году они уже числились в реестре изделий Троицкого завода Турчаниновых, что близ Усолья Камского. Позже массовое их производство Урал уступил Туле. И в этом, по-моему, заключается путаница в первенстве.

Но на Урале остались мастера самоварного дела, не уступающие тульским ни по художественной отделке, ни по качеству изделий и другим показателям. Предприниматель из села Суксун Григорий Никифорович Помыткин делал по 250 высокохудожественных, чеканной гравировки, самоваров в год. Удостоенные самых высоких похвальных отзывов, суксунские самовары изготавливались преимущественно из красной меди.

Разные они были, эти самовары: круглые и квадратные в основании, в виде груши и бочонка, строго цилиндрические и многогранные. В 1968 году в заброшенной деревне Крюки я нашел самовар-чайник, но из-за стыдливости или скромно-

сти не взял его. До сих пор жалею: какой был экземпляр!

Сегодня у меня целая коллекция самоваров из пятнадцати штук. Тоже все разные, есть даже глиняный, уцелевший каким-то чудом. У каждого из них свой нрав, характер: один пыхтит, другой спокойный, третий самый быстрый – десять минут и чай готов; какой-то по мере нагревания меняет цвет, тому лучше подавать сосновые шишки, а вон тот обходится древесной щепой и т.п.

Как-то моей жене по случаю праздника подарили электрический самовар. Ничего себе изделие: красивое, блестящее, приятно смотрится, но чай из него – совсем не то по сравнению с чаем из углевого самовара.

Дорогих гостей, понятно, уго-

щаю чаем из углевого самовара. Может, покажусь человеком консервативным, но пусть кто-то восхищается дизайном автомобиля, видеомэгафона и т. п., я же лично восхищаюсь мастерством российских самоварных дел умельцев. И правда, есть чему удивляться!

И уж ещё к слову: раньше, говорят, россияне меньше употребляли спиртного, пьяный человек в будний день – явление из ряда вон. Так, вероятно, и было, и понятно почему: в каждой более или менее благополучной семье обязательно имелся самовар. Он-то и согревал после работы на морозе, и душу тешил-радовал, и беседу за столом поддерживал, и голова после него не болела. Вот так-то!

Современный суксунский самовар

Илья Илларионович БУКИН

Заслуженный учитель Российской Федерации, теперь ветеран труда, Илья Илларионович Букин родился в 1941 году в деревне Куштомак, Еловского района, Пермской области. С 1975 года он работал преподавателем Ильинского агролицея № 67.

Илья Илларионович знаком многим жителям нашего района не только как мастер производственного обучения учащихся сельского профессионально-технического училища, но и как мастер прикладного искусства. Он человек богатых творческих возможностей, большого трудолюбия и умения.

Одно из главных увлечений Ильи Илларионовича – это резьба по дереву. Он вырезает мебель - стулья, кухонные гарнитуры, детские кроватки, колыбельки, шахматы, шкапулки, карнизы, наличники и другие вещи. Все они долговечные, изящные, красивые. Кроме того, он создает свое собственное оборудование, проявляя тем самым конструкторские способности.

Истоки творчества И. И. Букина берут начало от предков. Один его дед был хороший гончар, второй владел столлярным и плотницким мастерством. Илья Илларионович тоже уже не один дом построил и еще двух сыновей воспитал такими же трудолюбивыми, как и сам. Один из них пошел по стопам отца – занимается резьбой по дереву.

На плечах Ильи Илларионовича – ведение домашнего

хозяйства. Он ухаживает за огородом, может и пищу приготовить, и в квартире прибраться - всюду успевает. И находит время, чтобы стихи писать.

Гимн женщине

Ликуй, душа! Тебе явился
Лик женственный, красой пленя,
И жизни бег остановился,
Потоком чувств нас полоня.

В одежды яркие наряжена,
Неприхотлива и легка,
Она сияет. И так заманчиво
Чарует душу мужика!

Мы забываем временами
Средь радостей своих и бед
О ней, как будто за делами
Как до неё и дела нет.

Как будто, говоря по правде,
Пускай не наша в том вина,
Для нас порой в постели жаркой
И существует-то она.

А вместе с тем в житье семейном,
В круговороте будних дней
Она несёт свой крест опальный,
Который в силу только ей.

Едва её коснётся что-то,
Что нарушает жизни лад,
Так полыхнёт душевным гневом
Она, как молнии разряд.

Не подходи, не тронь, точнее,
Не разрушай любви венец.
Что в нашей жизни есть прочнее
Слиянья родственных сердец?!

Смотрите! Богово создание!
Во все века всегда была
Она – носитель и хранитель
Добра, и счастья, и тепла.

Дочке Лене

Замела метель дорожки,
Припорошила крыльцо.
Ах, зачем я, ах, зачем я
Приняла его кольцо.

Ах, зима, ах, зима, ах, зима!
Виновата во всём я сама.
В том, что ночи теперь я не сплю,
Что его одного я люблю.

Мне бы только удержаться,
Не склоняться на плечо,
И не надо б, и не надо б
Целоваться горячо.

Ах, зима, ах, зима, ах, зима,
Виновата во всём я сама.
В том, что ночи теперь я не сплю,
Что его одного я люблю.

А теперь куда мне деться,
Как сокрыть печаль свою.
Уезжаю за любимым
На чужую сторону.

Ах, зима, ах, зима, ах, зима,
Не швыряй, ты мне, седая,
Снег охапками в лицо.
Ох, не просто, ох, не просто
Покидать родно крыльцо.

Черёмуха

Не качайся ветками
С белым серебром
Гибкая черёмуха
Под моим окном.
Не волнуй сознание,
Душу не тревожь,
Что умчалось в прошлое,
То уж не вернёшь.
Мгновенья нашей юности
В дымке прошлых лет
Уплыли, растаяли,
Будто их и нет.
Молодость осталась
Где-то там вдали,
Облаками рваными
Годы проплыли.
Дни прошли, умчались,
Словно сладкий сон,
Только эхом в памяти
Их отдаётся звон.
Лишь воспоминания,
В прошлое ведя,
Мерещатся в сознании,
Душу бередя.
Не качайся ветками,
Гибкая моя,
Жизнь нам предначертана
Каждому своя.

Снежинки

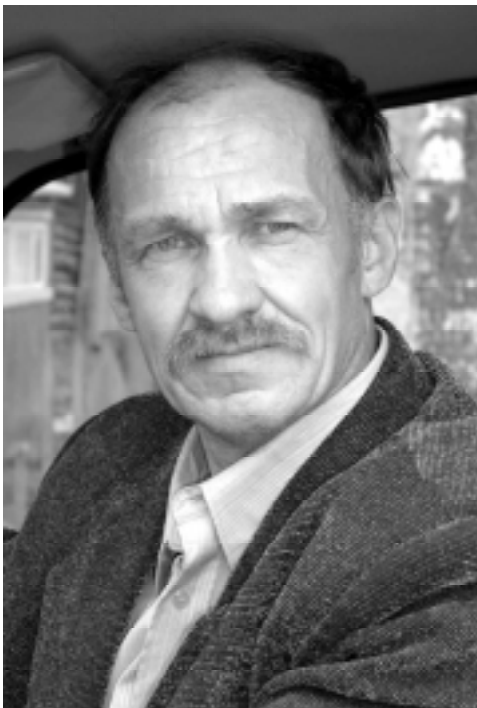
Белые снежинки
В воздухе кружатся,
Медленно и тихо
Под ноги ложатся.
Пышным покрывалом
Землю приукрыли,
Сказочным узором
На ветвях застыли.
Как красив и сложен
Вытканый узор,
Непревзойдённой нежностью
Наш ласкает взор.
А взгляни на небо –
И услышишь ты:
Радостные звуки
Льются с высоты.
В маленьких снежинках
Мелодии чудес.
Слушай и любуйся
Музыкой небес.
Не тревожь их, ветер,
Приутихни ты!
Не топчите ноги
Этой красоты.

Иван Андреевич ВАВИЛИН

В Садковской школе работает один необычный человек. Зовут его Иван Андреевич Вавилин. Родился Иван Андреевич в 1953 году, в деревне Цыганово, Косинского района.

Жизнь этого человека была непростой. Детство он провел в детском доме. Еще в юности начал писать стихи. Тяжелые годы жизни наложили отпечаток на судьбу Ивана Андреевича, но любовь к искусству в нем заглушить не смогли.

В 1976 году он окончил Кунгурское художественное училище. Иван Андреевич пишет стихи, увлекается рисованием и резьбой по дереву. Интерьер Садковской школы и стены сельской библиотеки оформлены работами этого скромного, талантливого человека.

Я перестал ночами спать,
Мне мысли голову тревожат:
Вот новый день придёт опять
И промелькнёт впустую тоже.

Их не вернуть, пройдут они,
Следов своих не оставляя,
И вспоминать лишь эти дни
Я буду, сам себя ругая.

* * *

Ещё так мало сделал я,
Чтоб день-другой казался краше,
А вот и новая заря
Уж новый день сместила дальше.

Летят, как миг, златые дни,
И жизнь вперёд торопит тоже.
И всё же стали и они
Мне чем-то ближе и дороже.

Кр. Ясыл. 25 июля 1978 г.

* * *

Когда листву роняет осень,
Когда наводят грусть дожди,
Когда небес стальную просинь
Скрывают тучи впереди,
 Когда уж лето отступает,
 Когда грачи горланят сбор.
 Когда всё тихо засыпает,
 Когда зима стучит во двор.

Когда один в плену разлуки,
Когда не слышу голос твой,
Когда беседую от скуки
Наедине с самим собой...

 Тогда беда уж не тревожит,
 Идёт всё наперекосяк:
 Пустяк с бедой равняться может
 И горе кажется пустяк...

* * *

С любовью свой поток прозрачный
В реку из родника сливал ручей.
В день солнечный и даже полдень мрачный
Волна светлее становилась в ней.

Но кто-то преградил к реке тот путь,
И зажурчал ручей по руслу по-другому.
Вода бурлит, но вспять не повернуть,

И нёс ручей поток свой в грязный омут...

Вдруг между нами на пути
Вот так же кто-то бросит камень,
И что ж, ты повернёшь и поспешишь уйти,
Не сохранив в груди любви и веры пламень?

Свернуть с пути, найти другое русло
Всегда легко, но это ни к чему.
Уж лучше следовать вперёд
И на пути прямом
Уверенно шагать к стремленью своему.

1979 г.

* * *

Пока ты с нами, Н. Безденежных!

Берёзки родины моей,
Вас нет милее, снежно-белых!
Вы - нежность наших матерей
И вкус хлебов янтарно-спелых!

А как прекрасен ваш наряд
С той первой, свежеею листвою,
И капельки росы горят
В ветвях, играя с синевою.

Настанет осень, и тогда
Вы станете еще прекрасней,
Прекрасными, как никогда,
В убранстве золота в день ясный.

1988 г.

Приметы мудрые встречаются в народе:
«Исполнится желанье, - говорят, -
Коль станешь вдруг свидетелем в природе,
Как с неба звёзды, падая, горят».

Задумай то, что страстно ты желаешь,

Потом взгляни в ту даль, на звёздный свет.
О встречах с милой в мыслях ты мечтаешь,
Чтоб с нею встретить утренний рассвет.
И вскоре все желанья, что хотел ты,
Предстанут явью чистой пред тобой,
И ты поверишь в искренность приметы,
Паденья миг сравнишь с своей судьбой.

1977 г.

* * *

Ты знай и помни об одном,
Что жизнь прекрасна!
Не забывай свой отчий дом,
И станет ясно,
Что жизни дважды не прожить,
Придёт однажды...
И нужно подводить итог,
То знает каждый.
И коль впустую прожил ты,
Чего итожить?
И остаётся лишь одно,
Что руки сложить.
И скажут с грустью о тебе
Твои потомки:
«С него брать нечего себе –
Пуста котомка».

А коль в прекрасный этот миг,
Что жизнь зовётся,
Ты был примером для других,
То отзовется...
Потомки скажут о тебе:
«Он славно прожил».
Примером станет в их судьбе
Всё, что итожил.

Кр. Ясыл. 25 июля 1978 г.

Елена Борисовна ВЛАСОВА

Власова Елена Борисовна родилась 18 декабря 1955 года в д. Лаврово, Нердвинского района, Молотовской области. Теперь эта деревня относится к Юсьвинскому району, Пермской области.

Закончила три школы – Лавровскую начальную, Пролетарскую восьмилетнюю, Нердвинскую среднюю, а затем Уральский лесотехнический институт г. Екатеринбурга. Теперь уже более 20-ти лет живет в селе Васильевском, Ильинского района.

За всё это время ей довелось общаться с очень разными людьми. Иногда ей кажется, что она прошла несколько жизненных путей, но так и не определила, какой из них настоящий.

Любит вязать, вышивать, слушать хорошую современную музыку. Любит лес, особенно еловый. Любит интеллектуальные «незаумные» игры, например, КВН, «Кто хочет стать миллионером». Очень любит свою семью.

Стихи специально не пишет, они как-то сами возникают в ответ на интересные события.

**Посвящается моему деду
Власову Евграфу Терентьевичу**

Говорят, человек рождается –
Загорается в небе звезда.
Ну а если звезда упала,
То ушёл человек в никуда.
Часто вечером звёзды падают,
Горизонт прочертив через край.
Мне друзья говорят: «Что ты смотришь так?
Ты желанье успей загадай!»
Я молчу, не хочу загадывать –
Раз упала звезда, теперь
Кто-то завтра не скажет «Здравствуйте!»
И друзьям не откроет дверь...
Может, это неверно, не знаю,
Только смерть человека – беда,
Потому мне становится грустно,
Если падает с неба звезда.

Май 1972 г.

Летний вечер

Столько лет я, как вол, пахал,
От работы я так устал,
Что на этот лесной увал
От друзей и врагов сбежал.
Хороши камыши в глуши,
Неспеша посижу в тиши.
Ветерок в ивняке шуршит,
По корням ручеек журчит.
Он звенит, бежит далеко,
В нем вода – ну почти «Клико».
По-над лесом луна легко
Поднимает туман высоко.
За туманом звезд не видать,
Разливается неба гладь,
И такая вокруг благодать,
Что словами не передать...

Октябрь 2001 г.

* * *

Людей делили
Испокон веков
На злых и добрых,
Умных, дураков.
Потом возникли вдруг
Враги народа,
Но это был делёж
Другого рода.
Сегодня
Гороскопы в моде,
И в этом
Звездном хороводе
Нас разделили
На зверей,
Драконов, птиц
И даже змей!
Признаюсь
Откровенно вам:
Людей делю я
По делам.

Ноябрь 2001 г.

* * *

Позабыв солидность,
Отложив дела,
Разыгрались взрослые,
Словно детвора.
Разве они думали
Много лет назад,
Что так незаметно
Годы пролетят?
Что людские судьбы
Будут в их руках...
А над ними кружит
Солнце в облаках.
На деревьях скачут
Солнечные зайчики,
Расшалились мэры,
Ну совсем как мальчики.

Октябрь 2001 г.

Виталий Владимирович ГОРШКОВ

Виталий Владимирович Горшков – коренной пермяк, ему 43 года. Закончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. М. Горького в г. Свердловске (ныне Екатеринбург). Работал в пермских газетах «Звезда», «Мотовилиха», «Сельское Прикамье», «Вечерняя Пермь», «Сельская новь» (с. Березовка).

В настоящее время В. В. Горшков – корреспондент Ильинской районной газеты «Знамя». Его перу

принадлежат интересные зарисовки, рассказы о людях нашего края: фронтовиках, старожилах, умельцах (изобретателе Г. И. Коняеве, бондаре Г. И. Рябчевских), рабочих культуры и других.

В литературном творчестве Виталию Владимировичу помогают пыливый ум, доброжелательное отношение к людям, а также интерес и любовь к Ильинскому краю, где он живет уже полтора десятка лет, воспитывает с женой дочурку Настю. В свободное время занимается спортом.

ИЛЬИНСКИЕ МАСТЕРОВЫЕ

Бондарь из племени бондарей

Зигзаги современной действительности зело причудливы: в категорию редких попала древнейшая профессия - бондарь. Что же, может быть, россияне из-за гримас теперешней жизни отказались от солений, квашений и прочих житейских надобностей, которым служили и служат от века и до наших дней кадки, кадушки, ушата, шайки, бадейки и ушаны? Да нет, напротив, потребность в оных крестьянских изделиях и сегодня весьма высока.

Григорий Игнатьевич Рябчевских, последний «могиканин» из бондарского роду-племени, с наступлением осени не ведает куда и деваться от селян, от многочисленных заказов, сыплющихся на его уже немолодую голову. Мастеровой-то уже 63 годовых версты отмерял. На оных верстах и здоровье где-то обронил: извела ведьма проклятая - бронхиальная астма. На одних таблетках нынче и живет мастер, да еще чудо вершит. О нем сегодня и потолкуем, о его незамысловатой с виду, да непростой изнутри истории. Поговорим об этой уже редкой и даже вымирающей по вине прежнего режима и неразвитого, дикого ныне капитализма профессии.

На лесоповале

Жизнью обязан Григорий Игнатьевич своему мудреному ремеслу. Благодаря ему и спасся на лесоповале в казарменное послевоенное лихолетье и нынешнее смутное время...

В 13 лет упекла Гришку советская власть на лесоповал, на трудгужповинность. Шесть лет и отмантулил мальчуган - самый старший в многодетной семье Рябчевских - на заготовке и вывозке леса...

Ночь. Мороз ядреный. Норма - четыре кубометра на двоих. Бригадир - хуже собаки: «Дармоеды, не сделали и половинны! Вперед!» Развел костер: «Вперед, теперь вам волки не страшны!».

Затих. Хорошо ему спится. Угланы сморщились от холода и усталости. Тишину взрывает голодное брюхо. На лесоповале малолетних бунт: «Руби ель!» Бело-зеленое древо со скрежетом накрывает начальника. «Успел, собака! Унес ноги!» Пятиэтажный мат «собаки» в телогрейке раздается в ответ. А потом... «Кончай работу! По домам!»

Рады угланы: цель достигнута! А теперь бегом на теплые казенные нары.

Династия

Бондарское искусство перешло к Григорию Игнатьевичу от родного деда Ивана Трофимовича Батюкова. А дедка (это уже и вовсе Русь старинная) бочки мастерить и шишки мастерства набивать учился у батяньки. Династия родом из деревни Мартыно-Быки. Там подобных умельцев, талантливых мастеров было предостаточно.

Вероятно, дедово ремесло да природная смекалка и помогли мальчонке выжить на трудгужповинности. Как ни крути хвостом, верь или все подвергай сомнению, а физическая закалка и навыки столярного дела были Гришке в охотку. А любимое дело и в неволе сладко...

Науке сей дед обучал Гришутку терпеливо и пунктуально. Придет малый из школы, а дед ему сразу план работы отмеривает. Перед горкой необработанных заготовок за специальный бондарский станок-услон усаживает. Сует в руки наструги - ручные строгальные инструменты. Одни служат для внутренней отделки бортов бочки, другими шлифуют те же борта, только

снаружи. Принцип работы почти такой же, как у современного рубанка.

И сидит Гришатка многие вечера кряду, превращая неотесанное сырье в гладкие заготовки правильной прямоугольной формы. Пота прольет вволю, прежде чем превратит клепки в выпуклые конусообразные детали с правильной ложбинкой.

Бочку мастерить - дело тонкое, точного расчета требует. Бывало, ошибется Гришуня - не складывается бочка, дырки зияют, и тянется детская ручонка к пыльной муке брак исправлять - отверстие заделывать. А дедушко смеется: «Что, шпаклюешь?! Учись, учись, внучок! Дедко твой всю жизнь ейному делу учился, и сегодня учится! Обвыкай, внучок!»

Было дедушке тогда 70 лет, а внучонку одиннадцатый пошел. На дворе стоял сорок первый год...

Послевоенное казарменное...

После военного кровопролития спасало, спасает и сейчас, Григория Игнатьевича, его семью ремесло дедово, его инструменты старинные, та же наковаленка древняя, в кузнице крестьянской еще кованная. Они и ныне в хорошем здравии, службу добрую служат.

В пятидесятых в его деревне, в колхозе имени Ленина, застонал народ, а потом и побежал из родных мест. Обложили крестьянина непомерными налогами. Сам мастер получал 270 рубликов колхозных в год. Величина же налогов заметно превосходила всю его скромную получку. За трудодни выдавали по 20-30 копеек... Были, куда ни кинь, кругом запреты. Сено для буренки-кормилицы и то косить не велено было! Вот и помирай! Вот и побег народ, а кто и горькую запил...

Герой наш другую тропиночку избрал: вновь бадейки, ушаты и прочее стал вечерами после работы мастерить да потихоньку поделки свои в заготларек сдавать. Так деньжата появились. Они и спасли от мора и нищеты.

В судьбе ильинского мастера все удивительным образом повторяется. Бочка же вырубала всегда, независимо от режима и времени.

Отгремела свадьбка. В избе у новобрачных ни посуды, ни мебели, ни гроша за пазухой. Им бы пригорюниться, да не та-

ков Григорий - новоиспеченный муж. Глядишь, уже мостятся по избе среди прочей посуды деревянные бадейки, туюски для хранения молока и круп, кадки под засолку, квашение, воду, а вот и люлька для первенца, другая добротная мебелишка, сотворенная мастером. Опять же заказы посыпались от деревенского люда, и приличные. Немало бочонков в заготларек было сдано. Словом, выручила бочка и на этот раз. И дочурок-кровинушек помогла выходить да на ноги поставить.

Соль ремесла

Бочки Григория Игнатьевича не текут - это его фирменный знак.

- А ежели покупатель заартачится? Не поверит?

- Тогда пушай он воду наливает и смотрит. Ежели брак, то пусть забирает посудину, - шутит, конечно, мастер. Таких проколов он просто не знает.

Изготовление бочек — процесс многооперационный и трудоемкий. Не каждое дерево для этой цели подходит. Рябчевских делает их из ели. Сначала распилит ствол на болваночки, разрубит их на клепочки, потом топором обтесывает. Заготовки с сучками безжалостно выбрасывает: сучки мастера подвести могут. Затем после топора черед настругов приходит. С их помощью и доводит борта бочки «до ума». Теперь черед печи. Заготовки основательно просушивают, и маэстро к самому трудному приступает. На специальном столярном верстаке-колоде, которого уже и в магазинах не сыщешь, угол заготовочкам задает. Сделать это непросто, но при сноровке может справиться и новичок: станок, сделанный дедом 30 лет назад, так хитро и очень удобно устроен. После отфуговки досок бочку собирают - самая трудная операция: если детали не близнецы и братья, то горе-мастер может начинать работу сызнова. Все, осталось обручи навесить. Маэстро использует не только металлические обручи, но и деревянные из черемухи. Процесс тоже трудоемкий. Ведь обработанное дерево необходимо будет основательно пропарить в печи, что делает его мягким и податливым. Потом предстоит сделать у обруча замок и собрать бочку. Просто! Но лишь на первый взгляд. Кстати, деревянные обручи не поддаются коррозии, и бочки в таких кольцах могут служить лет двадцать. Металлические им не соперники - недолговечны.

В доме у мастера вы обнаружите не только бочки, но и детс-

кие коромысла, санки, грабельки, туески, другие поделки - все может мастер. Может и оконную раму смастерить, табурет, стол или тележку к мотоциклу изготовить - смело можно в лес, на покос - не подведет. Дом мастера напоминает маленький дворец. Все хозяйское подворье - под крышей. Все надежно и исправно работает.

И нынче осенью будут просить его люди смастерить кадку. Маэстро не откажет. Ну а цена? Она бывает разной: сырье нынче дорого стоит. Случается и бартерный обмен - он тоже выгоден. Семья у нашего героя большая: надо и себя прокормить, и скотинку, дочерям да внучатам помочь. И сегодня, стало быть, без искусства дедова ему не обойтись!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Об одном сожалеют селяне, да и сам маэстро, наверное, что нет его делу последователей, нет учеников. Исчезнуть может древнее ремесло. А жаль...

В стране чудес

Дом у причала

Во вторник среди бела дня я попал в «Японию». Страну, напичканную старинным техническим «антиквариатом», хитроумными самоделками, вещицами, продолжающими жить и после своей естественной смерти: в этой стране не бывает отходов производства. Нет и свалок. «Государство» обходится без миллионов, живет скромно и скромно плетет чудеса, от которых в восторге домочадцы и многие обитатели Ильинского. Супруга главного кормчего «Японии» вряд ли когда-нибудь покинет землю обетованную - женский труд здесь в радость. Затраты на чудеса невелики, а остроумные приспособления и поделки взвалили на себя приличный груз многочисленных хозяйских надобностей.

«Япония» разместилась в старинном доме, в апартаментах, как предполагает кормчий страны чудес, некогда живавшего здесь купца Чеснокова. Страна сия странная расположилась у самого

причала на Обве, на улице Набережной. Кружат над ней бело-снежные, с голубым отливом чайки - символы свободы и раскрепощенности легкого на подъем, предприимчивого ильинского изобретателя и реставратора старинных и «умерших» вещей Геннадия Ивановича Коняева.

Медвежатник

Давно уже почил в бозе великий медвежатник Александр Александрович Коняев - однофамилец нашего героя. Редкостным мастерством и знаниями обладал покойный. И будь во здравии старик и сегодня, то шагать бы и шагать Геннадию Ивановичу до вершин его мастерства, как до ближайшей звезды.

Медвежатник стал медвежатником не за грабежи и воровство - нет! Старик был лекальщиком-инструментальщиком и в любой военной и прочей конторе мог починить самый замысловатый и хитрый сейф, будь он советским, американским или супер-сложным, сконструированным частной немецкой фирмой. Поэтому, вероятно, и поставили его на учет в органах милиции, да еще уважительное прозвище прилипло - медвежатник. Так ведь звали, если не ошибаюсь, интеллектуалов из уголовного мира, способных открыть любой сейф. Впрочем, на учет поставили, возможно, еще и по другой причине - был дедушка из армии репрессированных.

От него и перенял Геннадий Иванович искусство замки чинить, часы реставрировать, алмазные стеклорезы мастерить. Немало других тайн унес в могилу старик. Почему Геннадий Иванович перенял у него лишь это небольшое - одному богу ведомо.

Замки ныне, по мнению ученика медвежатника, весьма наивные выпускают — почти без секретов. Не то было раньше у частных заморских фирм. И замок вроде тот же, и ключ, но нет, не открыть: другая партия - другой секрет.

Деду не составляло большого труда импортные часы любых марок восстановить. Наука эта тонкая. Раньше ценилась особенно, и часовой мастер золотым был. Дед секретов не таил, а ученичок смекалистым оказался: ручные часы починит, отреставрирует - залюбуешься. Стекло треснувшее, исчезнувшее сам выточит и подгонит. Последнее уже редкость большая: мастеров таких - единицы считанные. Да и не каждый часовщик дело это

трудоемкое и точное осилит. Поэтому и заказов у Коняева-«младшего» на ремонт оной и прочей продукции хоть пруд пруди - по самую макушку.

Медвежатнику шли заказы от контор разных на изготовление печатей и штампов. Платили, видать, крохи: дедушка иногда брал грех на душу и штамповал для себя хлебные карточки. Бог ему судья! Да воздастся ему в ином свете сторицей за мастерство великое, за ученика даровитого, вовремя им замеченного...

Вторая, иная, жизнь...

Прежде купец бывший новые вещи на свои миллионы покупал. Теперь Геннадий Иванович Коняев, нынешний хозяин хоров купеческих, обходится без миллионов и тащит в дом вещи брошенные и сломанные неразборчивыми хозяевами, организациями.

Реставрирует. Из их останков ваяет уже нечто новое...

Многие небогатые наши сограждане выбрасывают отслужившие свой век холодильники, у которых, между прочим, еще добротный двигатель. Для Коняева эго находка. Так родился компрессор для накачки автомобильных шин. Корпус установил от списанного казенного почтового ящика, манометр поставил, реле от того же холодильника, ручки приварил. Компрессор способен дать аж 8 атмосфер! Фантазия изобретателя причудлива: компрессор, по его словам, можно использовать и для опрессовки (проверки на герметичность) систем отопления, водопроводов.

Словно Феникс из пепла воскрес из брошенных вещей и его любимец, незаменимый ныне помощник - самодельный малогабаритный трактор «Ослик-85». Десятый год пошел «стальному коню», а ему износа нет. И вспашку огородов превосходно проведет, и грузы весом до одной тонны без скрипа оттранспортирует. Имеет мини-трактор, восемь скоростей вперед и две назад. «Крейсерская», ходовая скорость от 5 до 25 километров в час. Своего «коня» он сконструировал и собрал с коллегой по работе Михаилом Михайловичем Сусловым. Собрали за четыре месяца. Немало деталей пришлось сделать самим.

Другое известное творение его рук – снегоход-мотоцикл, обустроенный в лыжные «башмаки». Это о нем писали известные техни-

ческие журналы. В настоящей действительности на «эстакадах» «мини-Японии» доводится до ума уже собранный Геннадием Ивановичем электроколун. Принцип его работы прост: деревянная болванка цилиндрической формы устанавливается на стальной желоб, под давлением мини-электропресса болванка устремляется на закрепленный намертво стальной колун и раскалывается. Предполагаемая скорость операции - 18 секунд!

Дом, украшенный «пенсионерами»

В «Японии» Коняева самоделки-безделушки - это нонсенс. Их нет на «острове»! Отреставрированные «пенсионеры» - символы минувшей эпохи. Все они в рабочем состоянии и выполняют свою культурно-историческую миссию.

С трепетом слушаю живой голос радиоприемника «Искра-54», новехонького, не так давно сошедшего с реставрационного конвейера «Японии». В 50-х такой аппарат люди слушали в деревнях, когда там еще и близко не было электричества. Энергию его лампам давали батарейки. Благодаря воле реставратора, «Искра-54» сейчас питается от обычной электросети. Случается сей праздник редко - кудесник бережет лампы, таковые давно уже не выпускают. Воскресения из мертвых в «Японии» ожидает и радиоприемник «Родина», хорошо известный нашим дедам и отцам.

Ильинскому музею волшебник подарил и вовсе редкую аппаратуру - первый отечественный магнитофон 51-52-МП-2 с еще более древним проигрывателем УП-2 - добротные, в отличном рабочем состоянии вещи. Их подарил Коняеву некий, тоже уже отошедший в мир иной, священник. И словно как чувствовал батюшка - в золотые руки ушел его бесценный «антиквариат».

Страна, где нет бунтовщиков

На «острове» нет бунтов и забастовок. А в самом деле, откуда им взяться, если большие и малые самоделки главы семьи, папы и мужа, избавляют от тяжелого физического труда, существование в этом «государстве» делают безопасным, берегут личное хозяйское время и просят для себя, что очень важно, лишь самые минимальные затраты. Например, в потемках здесь никто и никогда не расшибет лба, отыскивая в бывших купеческих хоромах выключатель. Красный глаз вмонтированного в последний светодиода, совсем не потребляющего электроэнергию, сразу

указывает постояльцам верную дорогу,

Здесь самые «долгоиграющие» лампочки. Специальное приспособление продлевает их жизнь в два, а то и в три раза: они светят лишь в полнакала! Причем лампочки живут и после своей смерти. Изобретатель создает из цоколей сгоревших лампочек хитроумные переходные патроны больших и малых форм. Под них можно купить любую имеющуюся в продаже «лампочку Ильича». Не сомневайтесь, прекрасно подходят и работают.

Обычная хозяйка, готовясь к свадьбе или иному крупному торжеству, не один день потратит, нарезая на мясорубке говядинку.

В семье Коняевых на это уходит 30 минут, и ведро фарша готово! Мастер изобрел электромеханический регулируемый привод к бытовой ручной мясорубке. С его помощью измельчает и мясо, и хрен, и рыбу, и огурцы или использует мясорубку как соковыжималку. Приводом служит однофазная электродрель. Максимальная ее мощность 400 Ватт, максимальное число оборотов - 900, минимальное - 200-300. Количество оборотов регулируется автотрансформатором. Соки получает на малых скоростях, мясо и прочее – на больших. Говядину, например, нарезают длинными узкими дольками и заправляют в мясорубку деревянными лопаточками. Для сыпучих продуктов используется раструб. Такова техника безопасности.

Изобретатель считает, что его электропривод к мясорубке по мощности превосходит все отечественные промышленные образцы. Это проверено им собственноручно. К тому же использована электродрель, предназначенная для сверления металла. Кстати, другие российские изобретатели с ее помощью даже вспахивали свои огороды, приспособив к ней плуг или культиватор.

Другое чудо Коняева – электроизмельчитель травы для приготовления зеленого корма домашним животным. Скорость оборотов электроножей в минуту - 3800. Считанные минуты, и крупная травяная масса превращается едва ли не в порошок. Утомительную рубку в корыте можно навсегда забыть. Между прочим, в этой траворубке можно и зерно измельчить для комбикорма, если аппарат специально немного модернизировать.

Оказалось, что и лучший повар в «Японии» - наш герой. Для дочерей изобретателя это бесспорный факт. Для своих же кулинарных привязанностей мастер использует русскую печь, в которой коптит мясо. Увлекается консервированием. Если металлических крышек в продаже нет, не беда. Мастер изобретает при-

способление, с помощью которого снимает фабричные крышки, не деформируя их. Придумал и реконструировал другие приспособления. Теперь каждая крышка служит ему три года. А прошлого журналиста вдобавок удивил и тем, что прочел весьма интересную лекцию об истории российской крышки, ее плюсах и минусах. Продемонстрировал их скромную коллекцию.

Мотив творчества

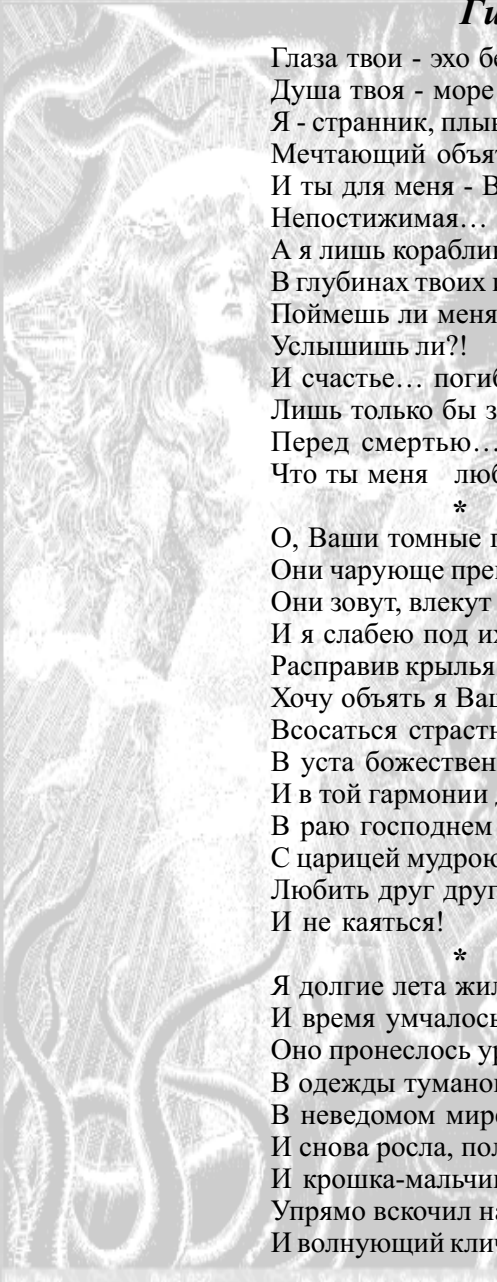
В отличие от шибко любившего фабричное новье купчины, в квартире нашего героя вы почти не увидите новой мебели. Правда, и беды в этом нет. Уверяю, вам очень поглянутся мягкие, обитые красивым гобеленом банкетки, а сделаны они из брошенных сломанных стульев. И потребовалось-то всего лишь немного фантазии. Обветшал старинный диван? Нет проблем: выбрасываем старые пружины, распиливаем «объект» пополам, делаем ряд других необходимых операций - и перед нами два больших роскошных кресла!

Перечислять другие шедевры не берусь, ибо и без того уже утомил читателя. Замечу только, что ныне мастер уже реставрирует стул - как две капли воды копия тех знаменитых двенадцати! Тоже кем-то брошенный, изрядно изношенный, но изящный...

Вот мы и подошли к главному мотиву его творчества — к жалости. Да, очень больно ему видеть гибель искусно сделанной работы, вещи. Но ему-то и некогда их оплакивать: засучивает рукава и вершит «воскресение» из мертвых... Поэтому и не ведет скуки. Не смог бы принять ту, иную, жизнь. Жизнь, в которой вещи остаются сиротами. Поэтому и рождаются удивительные и такие необходимые в быту новые экспонаты: масленка из одноразового щприца, способная проникнуть в любую недоступную щель, или необычный молоток - в три раза долговечнее обычного...

Доброго здравия тебе, умелец - повелитель страны чудес!
... Ошеломленный, вышел я наконец на улицу. Стоял вторник.
Средь бела дня я покидал «Японию»...

Гимн

Глаза твои - эхо бессмертия,
Душа твоя - море безбрежное.
Я - странник, плывущий в неведомое,
Мечтающий объять необъятное!
И ты для меня - Вселенная,
Непостижимая... Вечная...
А я лишь кораблик во времени,
В глубинах твоих исчезнувший...
Поймешь ли меня?!
Услышишь ли?!
И счастье... погибнуть в тебе,
Лишь только бы знать...
Перед смертью...
Что ты меня любишь.

* * *

О, Ваши томные глаза!
Они чарующе прекрасны!
Они зовут, влекут меня,
И я слабею под их властью...
Расправив крылья широко,
Хочу объять я Вашу душу,
Всосаться страстно! медовые.
В уста божественно медовые.
И в той гармонии двух «я»,
В раю господнем - до беспамятства!
С царицей мудрою моей
Любить друг друга
И не каяться!

* * *

Я долгие лета жил без тебя,
И время умчалось, как ветер.
Оно пронеслось ураганом дождя,
В одежды туманов оделось оно,
В неведомом мире исчезнув тогда...
И снова росла, полыхала заря,
И крошка-мальчишка
Упрямо вскочил на коня.
И волнующий клич

Облетел все леса и поля:
Э-ге-ге-эй! Э-ге-ге-эй!
А сердце...
А сердце все помнит тебя...

* * *

Словно буря, словно птица,
Сердце мечется в груди!
И в безоблачные выси,
В лес неведомый вдали
Распахни скорее двери!
Клетку, слышишь, распахни!
В беспредельное приволье
Божью птаху отпусти!
Там, на воле,
В русском поле,
В табунах пасет снега
Солнце древнее,
С рассветом не спеша
Гуляет ветер,
И на розовой планете:
Тсс-сс-сс-сс-сс,
Спят, посапывая, дети...

Золушке посвящается

Золушка - Ваше Величество!
Богиня добра и любви!
Люблю Вашу мудрость - великую,
Люблю Вашу душу - глубокую,
Люблю Ваше сердце - строгое
И красоту Вашу нежную...
В Вас столько тайны, милосердия
И материнской доброты,
Что вновь и вновь Вы мне прощаете
Мои заблудшие стихи...
Я Вас люблю, чего же более?
Но я хочу Вас покорить...
Лелеять Ваши губы алые
И о любви Вам говорить...

1984 г.

Татьяна Александровна ГУЛЯЕВА

За плечами бывшей ученицы Слудской сельской школы Т. А. Гуляевой почти четверть века педагогической деятельности. Она преподавала математику и информатику в Дмитриевской сельской школе. Последние пять лет работает в Ильинской средней школе № 1. Как педагог, Тамара Александровна остро ощущает потребность в новых знаниях, совершенствовании своего профессионального мастерства, в творческом развитии. После окончания педагогического вуза училась заочно в региональном институте информационных технологий.

После окончания педагогического вуза училась заочно в региональном институте информационных технологий.

Творческие увлечения Тамары Александровны разнообразны: рукоделие, огородничество, игра в самодеятельном театре, чтение книг по философии и психологии, спорт – вела теннисный кружок в школе.

Свои мысли и раздумья о жизни Тамара Александровна выражает в стихах - выверенных временем, выстраданных судьбой. Печатается в районной газете «Знамя». Принимает участие в областных фестивалях поэтического мастерства и стремится привить любовь к литературному творчеству ученикам. Руководит в школе поэтической студией «Зеленая лампа». Воспитывает троих детей, мечтает, чтобы они имели хорошее образование, стали высокопрофессиональными специалистами своего дела.

Ильинский храм

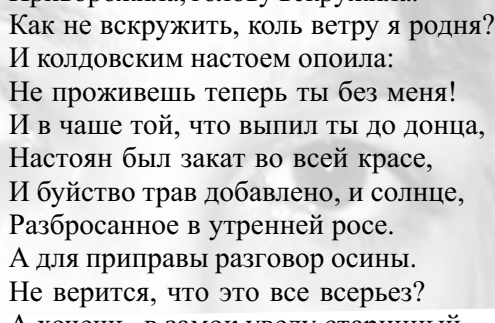

Ильинский храм, заброшен и незряч,
Стоишь немым упреком и укором.
Ты стон земли, ты душ заблудших плач,
Ты стал для всех нас жестким приговором.
Возводим, рушим – все равно стоишь.
Мы сами губим то, что сердцу свято.
Истерзаный, ты сном глубоким спишь,
А помнишь край наш сытым и богатым?
Но быстротечно время перемен,
Оно стремится в даль необратимо,
Спешим мы на работу мимо стен,
На скорости машины мчатся мимо.
Когда же душу обратим свою
Мы к вере предков и своим истокам,
Чтоб жить с любовью, а не как в бою,
Без горечи, без страха и упрека?
Я верю в то, что покаянью быть,
Откроет двери душ людских творенье,
Под сенью куполов мы будем жить,
Пройдет безверье, словно наважденье.

Непокоренные

Непокоренные, сюда
Из разных городов страны
Ссылались в глушь и холода,
Отечество, твои сыны.
И удивлен седой Урал,
Как, непогоде вопреки,
Народец пришлый не сдавал:
Вгрызались в землю мужики.
Работать — сколько хватит сил,
А веселиться — от души.
Врастали в землю вдоль могил
Дома в завьюженной глуши.
Но жили, лишены всех прав,
Невзгоды все перемогли,
Свой сохранили гордый нрав,
Святую горсть родной земли.

Колдовство

Приворожила, голову вскружила.
Как не вскружить, коль ветру я родня?
И колдовским настоем опоила:
Не проживешь теперь ты без меня!
И в чаше той, что выпил ты до донца,
Настоян был закат во всей красе,
И буйство трав добавлено, и солнце,
Разбросанное в утренней росе.
А для приправы разговор осины.
Не верится, что это все всерьез?
А хочешь, в замок уведу старинный
Мечты воздушной и счастливых грез.

Балагур

Был балагур и весельчак,
И утром спозаранку
На деревенский шел большак
В сельпо купить буханку.

Старушки в очереди той
Соседству были рады.
Всех рассмешит за тот простой,
Для шутки много ль надо?
И дети выросли, и сад
Цветет в селе старинном.
Наверное, доволен дед
В пути далеком, длинном.

Природа жаждала дождя

Природа жаждала дождя,
Земля растрескалась, как губы.
И задыхалась, не любя,
Не зная, что же дальше будет.
Ромашки все перевела,
Давно иссякли слезы-лужи,
И дождь в немой мольбе звала:
«Ты нужен мне, ты очень нужен».
И он явился, так и льет,
Как будто небо прохудилось.
И дева дрогнула, сдалась
Вновь победителю на милость.

Осень

Забыв про осень, брызги ласки
Бросает солнце вновь с небес.
И очарован, словно в сказке,
Застыл, багрянца полон, лес.
На пне веселые опята
Опять болтают о своем.
И словно желтые заплаты,
Поля столпились за селом.
А на лугах сверкают росою,
Как жемчуга, слезинки трав.
И закружились в танце сосны,
Законы логики поправ.

По законам любви

Пусть тернист и нелегок путь,
Нам с него не дано свернуть.
По законам любви судят нас
Каждый день, каждый миг, каждый час.
Жизнь прервалась, закончен полет,
В чем причина и кто поймет
То, зачем в самом цвете лет
Вдруг конец — и держать ответ
О той жизни, которой жил,
Как дружил, страдал и любил.
И законы рассудят не те,
По которым в людской суете
Мы живем каждый день, каждый час -
По законам любви судят нас.
И по ним мы в ответе за тех,
Кто порой совершает грех,
Коль не сможем примером зажечь,
От неверных шагов уберечь...

* * *

Спутал краски свои художник,
А иначе зачем в лазурь
Бросил кистью неосторожно
Черной краски житейских бурь.
Оглядел такую картину -
Лишь печаль в акварели той,
И добавил любовь-малину,
Что дурманит в июльский зной.
А затем он кистью небрежно
Краски все смешал наугад.
Вот и вечер. Щемяще-нежный
Над рекой зарделся закат.

* * *

Нет солнца, небо полиняло
И речка плещется едва.
Пушистым ватным одеялом,
Дрожа, укуталась листва.
Деревья скрыть хотят сединки,

Окрашенные в меди цвет,
И первые на лужах льдинки
Нечастый солнца ловят свет.

Сон

Плескалась ласково река,
Напиться солнце наклонилось.
В твоей руке моя рука,
Ужель мне это все приснилось?
Нет солнца — скрылось в облаках,
Идут дожди, а мы в разлуке.
В слезах окно. Издалека
Ты мне протягиваешь руки...

По ступеням жизни

Я вперед по ступеням иду,
Отдохну — и опять вперед.
Только в чем она, жизнь моя,
Черно-белая, словно кот.
Я по шерсти поглажу кота,
Шерсть хоть черная, но мягка.
И не так уж плоха моя жизнь,
Разве только чуть-чуть, слегка.
И ведь кроме черных полос
Разноцветные тоже есть,
Надо лишь постараться счесть.
А ступени? Ступени, что ж,
Для того они и даны,
Чтоб бескрайний увидеть простор
Из заоблачной вышины!

* * *

Не выросла угрюмой,
Хоть жизнь полна забот.
Был шуткою соленой
В семье разбавлен пот.
Отец между делами
Так выдавал фольклор,

Что лишь смеялась мама,
Забыв про будней спор.

* * *

В твоих глазах искала синеву,
Рассвета луч и отблески заката
И бредила о встрече наяву,
Искала рыцаря, живущего когда-то.

Любовь свою стремилась уберечь,
Чтоб не разбить ее неосторожно.
С тобою не искала кратких встреч,
Пусть не искала, но любить-то можно?

И искры той любви я в сердце берегла,
Ее хранила в трепетной надежде.
И был костер! Но он сгорел дотла ...
«Привет!» - «Привет!» - «Ну, как дела?»,
- «Как прежде».

Отлюбила

Отлюбила. ...И завьюжила
В сердце белая сирень,
Превращая ливни в кружева,
Ночи жар в прохладный день.

Сердца стук в дары времени,
Танго в дивный перепляс.
От какого рода-племени
Мне достался этот вальс?

Стрелок бег в часы небесные,
Их не слышен перезвон.
Обернулась радость песнею,
Сплетни карканьем ворон.

* * *

Шепчет маме в кровати малыш:
«Мама, ты со мной полежишь?
Засыпать мне теплей с тобой,
Если нет – тогда песню спой»
 Словно дни пролетают года,
 Стали взрослыми дети, тогда
 Вновь не спит по ночам темным мать,
 Хоть не надо кроватку качать.
Ожиданием встречи полна,
И тревога лишает вновь сна:
«Где же сын, почему долго нет?
Кто друзья? Не наделал бы бед».
 В ожиданье приходит рассвет,
 Скрип дверей – и сомнений уж нет.
 Такова, видно, доля, раз мать, -
 Своим сердцем детей согреть.

* * *

Так манит нас порой родимый дом
И в наши сны врывается тревожно.
Закончу вот дела, а вот потом...
Опять дела, не получилось, поздно ...
И в круговерти призрачных забот
Года летят, как резвые минуты.
Я рада, что меня здесь мама ждет,
Соринка в глаз попала почему-то.
Здесь отчий дом, здесь детства тополя,
И пристань, и деревья у обрыва.
Такая терпеливая земля,
И пусть она не будет сиротлива.

* * *

Непросто душу сохранить
Во время лихолетья,
Среди неожиданных кратких встреч
Разлуки – как столетья.
 Россия, ты одна на всех,
 Живешь опять в печали.
 Чьей болью искупаешь грех
 В кровавом карнавале?

Но восстаешь вновь из руин,
Оплакана дождями,
Добавив матерям седин,
Погостам – скорбный камень.

* * *

Свадьба – сорвалось кольцо,
По полу покатилось.
Мамы хмурится лицо:
Как же так случилось?
Признак этот нехорош,
Видно, быть разлуке.
Под мечом судьбы живешь,
А не по науке.

Милым горе – не беда,
Пой, пока поется,
Чтоб не думать, а когда
Песня оборвется?

* * *

Ты меня вдали не забудь,
Ты немного меня подожди.
Нас с тобой разлучила грусть
И осенние слезы-дожди.
Расставаться ты не хотел,
Много есть причин для разлук,
Но среди неотложных дел
Мне твоих не хватает рук.

Я когда-нибудь все же приду
В твой дождями омытый дом,
На крыльцо неслышно взойду
И останусь я в доме том.

* * *

Звездно,
Вновь поют провода за окном.
Поздно
Нам с тобой говорить о былом.
Жалость,
Но обида давно прощена.
Малость
От тебя мне была лишь нужна.

Речи,
Огорчения, обиды, укор.
Встречи,
Вновь ненужный ведем разговор.

* * *

Золотистый мячик на ладошке
На мгновенье задержал малыш:
Что с ним сделать, поиграть немножко
Иль забросить выше самых крыш?
И глядит на мир он удивленно,
Что с ним делать, не решил пока.
Он рукою гладит нежно клены,
Солнца луч забросил в облака.
Пусть летит в заоблачные дали,
А малыш не знает наперед,
Заведет куда судьбы тропинка,
Что судьба ему преподнесет.
Детство с нами навсегда осталось,
Хоть прошло оно давным-давно,
Но частицы вечного начала
С нами, как забытое кино.

* * *

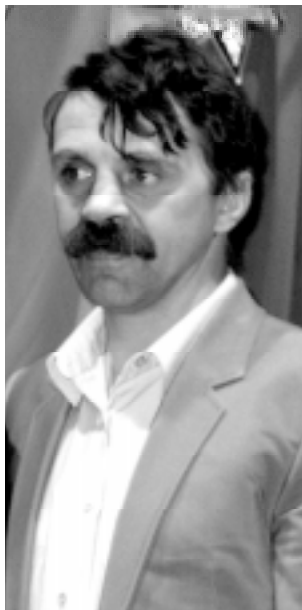
За рукоделье села осень,
Стежок – и журавлиный клин.
Еще стежки ... И в неба просинь
Взметнулось золото осин.
 День ото дня все ярче пламень,
 Но тянет холодом с реки,
 Леса спешат укрыться мхами,
 Померкли в небе васильки.
Рассвет, закат ... И их бы нужно
Хоть обновить, да сил уж нет.
Не уследишь – и серой лужею
Печаль укутает весь свет.
 За рукоделье осень села,
 Ложится за стежком стежок,
 А листья кружатся несмело,
 Жаль вышивки нарушить шелк.

Виктор Васильевич ДЖУЛИНСКИЙ

Родина Виктора Джулинского - республика Казахстан. Но большую часть жизни он провел на Урале. Когда впервые приехал в Ильинский к своим знакомым, Игорю и Елене Сюткиным, был очарован его красотой, поселок словно приворожил его к себе.

- Когда я в очередной раз побывал в нем в 1995 году, - говорит Виктор, - то сказал своим друзьям, что Ильинский край - это моя судьба, и я остаюсь здесь. И вот с тех пор и живу. Меня окружают добрые, отзывчивые люди, и я благодарен случаю, что привел меня сюда. В честь юбилея поселка хочется сказать: «Цвети и преображайся в своей красоте, Ильинский!»

У Виктора большая жажда творчества. Он любит выступать на сцене. С удовольствием участвует в любительских спектаклях, инсценировках, КВНах. Пишет сценарии, стихи, в которых признается в любви к природе края, высказывает свои чувства и мысли друзьям, единомышленникам.

Маме

Мне не гладить твоих поседевших волос
И из рук твоих, мама, мне воды не испить.
Много лет прихожу на угрюмый погост,
Чтобы душу свою в покаяньи излить.
Знаю, слышишь меня, моя добрая мать,
Знаю, видишь, как я в этой жизни нелегкой
Все пытаюсь, пытаюсь, пытаюсь понять:
Почему из нее мы уходим до срока?
Ты была молода и красива собой,

Ты была весела, песни звонкие пела,
Но подкралась болезнь и своею косою
Подкосила она твое хрупкое тело.
Ты боролась - хотелось, хотелось пожить,
Но а жизнь оборвалась упругою ниткой.
Только смерть не смогла твою волю сломить,
Потому что ее приняла ты с улыбкой.
В этой жизни, увы, слишком много потерь,
Очень много помех на дороге тернистой...
Каждый день ожидаю: вот откроется дверь
И войдешь ты ко мне нежной, милой и чистой.
И опять я стою у могилы сырой.
Пусть дорога моя будет трудной и зыбкой,
Я умру, как и все, обретая покой,
Но умру, как и ты, с благодатной улыбкой.

* * *

Любимый край! Уральское раздолье!
Темнеет лес за Обвою-рекой.
Березки-шалунишки в чистом поле
Собрались шумной девичьей толпой.
О чем судачат белые березы?
О чем поют, сережками звеня?
И распустив серебряные косы,
Стоят, смеются, радуют меня.

Поэт

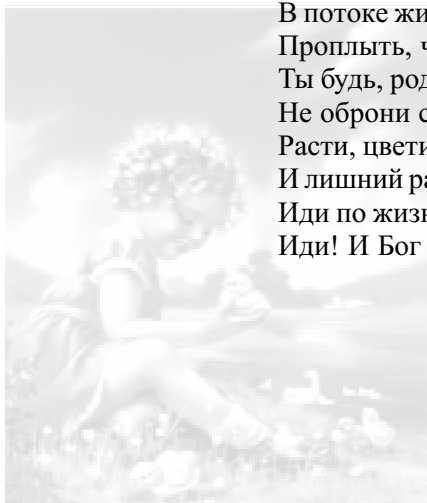
Посвящается поэтам Прикамья.

Чистый лист, и во рту сигарета...
Ночь бессонная... Звезды... Луна...
Каждый нерв у трудяги-поэта
Напряжен и звенит, как струна.
Все отметит, запомнит, напишет
Своим сердцем, простит и поймет.
Он зимой шелест листьев услышит,
Лебединый увидит полет.
Грустной осенью, в дождь, непогоду,
Наяву, не в бреду, не во сне,
Всем подарит любовь и свободу

И напишет о теплой весне!
И страдания, и боль, и утраты
Примет он с благодарной душой...
Ведь поэты, они, как солдаты,
На земле охраняют покой!
Вот опять, озаренная светом,
Муза птицей стучится в стекло...
Нелегко на Руси быть поэтом...
Но не быть им совсем тяжело!

Внучке

Весенний, тихий, добрый вечер,
Зарей багреет небосвод.
Мой милый, добрый человечек,
Тебе сегодня ровно год.
Шагаешь робко, неумело...
И верно: стоит ли спешить?
Любое начатое дело,
Увы, непросто завершить.
Пройдут года. Ты станешь взрослой.
И разве мне дано понять,
На сколько каверзных вопросов
Тебе придется отвечать.
В потоке жизни очень сложно
Проплыть, чтоб в омут не снесло...
Ты будь, родная, осторожна,
Не оброни свое весло.
Расти, цвети, живи свободно
И лишний раз спины не гни,
Иди по жизни смело, гордо.
Иди! И Бог тебя храни!

Елена КАТАЕВА

Родилась 28 марта 1985 года в селе Филатово, Ильинского района. Окончила Филатовскую среднюю школу. В настоящее время учусь в Пермском государственном педагогическом университете на филологическом факультете.

Стихи начала писать ещё в школьные годы, просто для себя.

Был в моей жизни момент, когда строчки стали появляться сами собой, так, что даже приходи-

лось вставать среди ночи и записывать.

В 2003 году вышел сборник юных поэтов села Филатово «Здравствуй», куда вошли и мои стихи.

Внимательно слежу за всем, что появляется нового в поэзии. Любимые поэты – Владимир Высоцкий, Андрей Дементьев, Алексей Решетов.

Посвящается отцу

Солнце в окна ярко светит,
С крыши падает капель.
Ты родился на рассвете
В месяц солнечный – апрель.
Вот раздался первый крик,
Вот ты в первый раз ответил.
Только мама помнит миг,
Как ты мир впервые встретил.

* * *

Разбежались по разным углам,
Разошлись по пустым коридорам
И не встретились в скверике том,

Потому что поверили ссорам.
Переслушали старые сказки,
Перепели новые песни,
Перестроили всем подряд глазки,
Но остались чужими, хоть тресни!

* * *

Скоро будет жара,
Комары, зной и сено,
И наступит пора
Мне узнать жизни цену.

* * *

Ведь все уже давно прошло,
А я еще живу мечтами.
Быть может, счастье рядом шло,
Я не увидела глазами.
Душою я не поняла,
Что выбрала не то, что нужно.
Потом раскаялась, кляла,
Решила, что любви не нужно.
Конечно, надо подождать,
Ведь говорят, что время лечит,
Но появляешься опять,
Ты говоришь о нашей встрече.
Зачем все путать, усложнять,
Ведь я же знаю, что не любишь,
Тебя мне нужно прогонять,
А то совсем меня погубишь.

Гроза

Тюль на окне, как бельмо на глазу,
Сквозь него не вижу я света.
Покажите того, кто не любит грозу,
Я люблю ее больше рассвета!
Ее молнии тянут все выше,
Тучи черные мне как родные.
Я хочу находиться на крыше
И поймать искры света чудные.
Мы с огнем научились бороться,

Вы же, люди, раскатов боитесь,
Закрываете окна, воротца.
Лучше Богу при страхе молитесь!

Общение с Богом

Я никогда не чувствую себя отлично.
А ты?
Хочу общаться с Богом только лично.
Мечты?
Но неужели все, чего хочу я
Лишь сон?
Луна на небе мало дней ночует,
А он?
Ты извини, что я к тебе так обращаюсь.
Простишь?
Сейчас я снова в кругу лиц вращаюсь.
Ты спишь?
Давай закончим этот глупый монолог.
Ну почему?
Я не могу найти достойнее предлог.
К чему?
О чем нам разговаривать сегодня?
Скажи!
Ты скажешь мне: «Не годен я»
Разве ж? Докажи!
Дурацкое стихотворенье получилось.
Ведь так?
У нас с тобою все уже случилось.
Но как?

* * *

Светофоры, мосты и дороги -
Это часть городского пути.
Здесь не жди никакой подмоги,
Если можешь, почаще шути.
Тут не любят счастливые лица,
Не стремятся кому-то помочь,
Здесь нельзя при всех Богу молиться
И кричать о судьбе во всю мочь.

* * *

Нет смысла в разговоре,
Нет слова для беды.
Одна мечта – плыть в море
И жить среди воды.

* * *

Цифры, буквы, палочки
В голове смешались,
Емкости и баночки
На глаза попались.
Птица в небе крикнула,
Воронье собралось,
Крыса где-то пикнула,
Замерла на малость.
Все цветочки, ягодки
Отцвели да пали,
А чужие коготки
Кому-то помешали...

* * *

Холодом веет с улицы,
Ветер стучит в окно ...
Мое желание сбудется,
Иначе зачем оно?

Наталья Афанасьевна ПАРШАКОВА

*А женщина стремится в небеса,
Ей крылья дарит сила вдохновенья —
Творить и покорять мужчин сердца,
Растить планете молодое поколение.
А женщина и в жизни, и во сне
Спешит мгновеньем каждым насладиться.
И я горда, что нынче на Земле
Мне женщиною довелось родиться.*

На месте деревеньки Ширково, Пермской области, где родилась в 1956 году Н. А. Паршакова, сейчас распахано поле. Родители Натальи Афанасьевны еще в 1957 году переехали в поселок Ильинский. С уважением Наталья Афанасьевна вспоминает своих первых учителей А. А.Тараканову, Р. П. Попову, а также преподавателя литературы Р. Д. Кузнецову.

После окончания педагогического училища Наталья Афанасьевна работала в детсаде «Солнышко». Набиралась

мастерства у воспитателей, у заведующей Г. И. Перец. Уже более пятнадцати лет является воспитателем подготовительных классов в Ильинской средней школе № 2, ведет уроки рисования, учит детей, сама хорошо рисует, лепит, мастерит поделки из различных подручных материалов.

Вместе с любимым мужем воспитывает двух сыновей, Алексея и Сергея. Очень любит великолепный уголок земли – поселок Ильинский! Стихи пишет со школьных лет, как дневник. Печаталась в районной газете «Знамя». Ильинская районная библиотека выпустила сборник ее стихов «Голубая птица», готовит к изданию новый сборник.

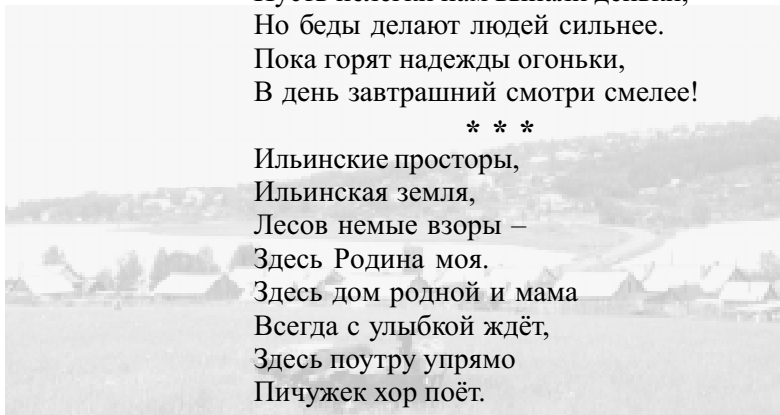
Н. А. Паршакова живет под девизом «Жизнь прекрасна, несмотря ни на что!» Верит, что каждая женщина способна сделать намного гармоничнее окружающий мир, потому что чувствует его душой. Считает, что поэзия помогает человеку замедлить ритм жизни и сосредоточиться на главном.

Ильинская земля

Ильинская земля - милее не найти.
Я здесь живу, здесь родина моя.
Куда бы ни вели тернистые пути,
Сюда скорей спешу вернуться я.
Отцы и деды край сей берегли,
Мечтали сделать краше и богаче,
Но и они предвидеть не могли,
Как время бурь здесь все переиначит.
Пусть нелегки нам выпали деньки,
Но беды делают людей сильнее.
Пока горят надежды огоньки,
В день завтрашний смотри смелее!

* * *

Ильинские просторы,
Ильинская земля,
Лесов немые взоры –
Здесь Родина моя.
Здесь дом родной и мама
Всегда с улыбкой ждёт,
Здесь поутру упрямо
Пичужек хор поёт.

Здесь каждая былинка
Волнует и зовёт,
Здесь над рекой тропинка
Вновь в детство уведёт.
Здесь осень полыхает
В рябиновых кострах,
Здесь солнце отдыхает
У леса на плечах.
Здесь люди, словно песни,
Красивы и нежны,
А если люди вместе –
Они в делах сильны.
Здесь становлюсь добрее,
Мне здесь всегда тепло.
И места нет милее
Для сердца моего!

* * *

Край родной, мне все здесь в радость,
Шелест листьев и тот родней,
Земляники спелой, сочной сладость,
Щедрость хлопотливых летних дней.
Здесь ромашек белые поляны
Вслед по-девичьи доверчиво глядят,
Лечат душу молчаливые туманы
И березы в час предутренний грустят.
Мир прекрасней делаем мы сами,
Край родной людьми хорошими богат.
Над ильинскими полями и лесами
В небе ярче звездочки горят.

* * *

Напоила родная земля
Допьяна после долгой разлуки.
Каждой клеточкой вспомнила я
Детства давние, дивные звуки.
Край родной! Ели дремлют в лесах
И кукушка года считает.
Край родной! Трель звенит в небесах—
Лето жаворонок встречает.
Взгляд зеленый зеленых трав,

Ароматы целебной мяты...
Милый друг, ты сегодня прав:
Бросив все, окунемся в закаты...

Осенние мотивы

Птицы черные с криком вьются,
В путь-дорогу мысли пустились,
Не лучатся глаза, не смеются,
В них тревожные сны затаились.
Я не в силах назад оглянуться,
Там мечты о реальность разбились.
На ветру ветви тонкие гнутся,
Алой ягоды кисти склонились.
И горят среди серого неба,
Среди холода осени стылой,
Ждут с опаской первого снега...
Я ж прощаюсь с тобою, милый.

* * *

Мне осень тихо нашептала,
Обманно солнышком блеснув:
«Года спешат, а счастья мало»,
Надеждой призрачной мелькнув.
Средь буден суетно-холодных
Душа метаться устает.
Мгновений нежных, ярких, звездных
Нам осенью недостает.

* * *

Вместе с высохшей листвою,
Обезумевши от горя,
Я кружилась над землею,
С ветром стылым долго споря,
Не желая улетать
В одинокие рассветы,
Не желая забывать
Это радужное лето.

* * *

Словно ласточка легкокрылая
Улечу, улечу в небеса.
Осень суетная, унылая,
Быстро вянет твоя краса.

Улечу далеко, где солнышко,
В край далекий, где лето живет.
Оброню свое серое перышко
На далекий, на твой порог.

* * *

То не слезы, то звезды ночные
В никуда, с проливным дождем,
То размолвок потоки речные
Все стремительней с каждым днем.
Закрутило, закуролесило
И опомниться не дает
Черных мыслей тяжелое месиво,
Желтых листьев последний взлет.

* * *

Увядает, увядает сад,
Каждый день меняя чудо-краски.
Стал другим бездонной дали взгляд
И у ветра нет той прежней ласки.
Отчего сегодня я не та?
Отчего все чувствую иначе?
Золотом осеннего листа
Мое сердце безутешно плачет.

* * *

Осень листопадом закружила,
Зачастили долгие дожди.
Птица счастья, где ты затаилась?
Я твердить устала сердцу: жди!
Прилетай! Мое окно открыто,
Прилетай хотя бы иногда.
Скучность неустроенного быта
Близкие пророчит холода.

* * *

Давно влюбленный листопад
Нам отшептал шальные речи.
Зачем же осень невпопад
Мне сыплет золото на плечи?
Все сожжены давно мосты
И утешенья бесполезны.
Туманы по утрам густы—
Скрывают боль и горечь бездны.

* * *

Рисуй, рисуй
Волшебной кистью, осень.
Твои пейзажи слишком хороши:
Небес родных скучающая просинь
И слитки золота в лесной глуши.
Рисуй, рисуй
Дождливое унынье
И серость долгую безрадостного дня.
Все краски перепутаны:
Отныне рисует осень всполохи огня!

* * *

Дарю тебе небо в звездах,
Дарю тебе сердце в стихах,
Березовых рощиц сколки
И щебет веселых птах.
Дарю тебе трезвую мудрость
И хрупких надежд мосты,
И нашей любви осколки,
И тихое слишком: «Прости!»

Зима, в душе метель...

Вьюга, вьюга вьюжила и злилась,
Вьюга ночью этой веселилась,
Путала вопросы и ответы,
Сочиня сложные сюжеты.
Равнодушно, медленно, устало
Горьких дней сменила покрывало,
Заметала к милому дорожку,
Лишь к утру утихла понемножку.

* * *

Отболело сердце, отболело,
Отболело сердце за двоих.
Побелело поле, побелело,
Побелело, снег упал, затих.
Но затишье длилось так недолго,
Вьюга нынче злилась до утра,
И снега унылою поземкой
Поднялись и бросились в бега.

* * *

От боли неземной с ума схожу,

От серых дней, неласковых и колких.
Я в снегопад холодный ухожу
От губ горячих, от объятий долгих.
Потерянная... Ничего не жду...
Но медлю и не жгу мостов былых,
Заснеженными тропами иду
И таю, таю в звонах снеговых.

* * *

Нелегкие денечки, тревожные деньки.
Погибнем в одиночку, коль не дадим руки
Тому, кто в суете злобной упал и не встает,
Тому, кто, обессилив, не смог идти вперед.

* * *

У черты, у зловещей черты
Неожиданно так оказалась.
Перечеркнуты разом мечты,
Сколько дней и мгновений осталось?
Страх и слезы, и острая боль.
Все смешалось — не сон ли это?
Я чужую играю роль
И не знаю исход сюжета.
А за окнами — май хмельной
Буйно, радостно расцветает.
Все больней ледяной рукой
Цепко сердце беда сжимает.
Нет! Не сдамся! Не покорюсь!
В жизни столько тепла и света!
За себя, за детей борюсь,
И не кончится бабье лето!..

* * *

Птица вьется, вьется, вьется,
Птица в руки не дается.
Для чего ее ловить!
В небе ей милей парить.
Сердце бьется, бьется, бьется,
Бедам черным не дается:
Любит, плачет, верит, ждет,
Ковер пестрый ткет и ткет,
Ковер жизни непростой,
С ниткой счастья золотой.
Надо только нам суметь
Узор тонкий разглядеть!

Сыну

В окне рассвет тревожный
загрустил.
Как тяжело от дома отрываться,
Как больно мне с тобою
расставаться,
Мой повзрослевший
незаметно сын...

* * *

Был сильный дождь.
Ты от него промок,
Купаясь звездной ночью
в реке...
Полгода рядом нет тебя, сынок,
Полгода ты от дома вдалеке.
Я все молю, чтоб Бог тебе помог,
И лихо злое в этом далеке
Чтоб не коснулось никогда дорог,
Где суждено ступить твоей ногой.
Слова твоих скупых читаю строк:
«Все хорошо, мужайся. Мы
прорвемся!..»
Служи! Вернись! Я жду
тебя, сынок,
Мы вместе солнцу утром
улыбнемся.

* * *

Я так хочу, чтоб все
сложилось складно
На жизненном пути твоём, сынок.
Здоров и весел ты -
и мне отрадно.
Молю, чтоб Бог тебе
в делах помог.
Волнуюсь, если где-то
припозднишься,
И жду за часом час тебя в ночи...
Вдруг повзрослел вихрастый
мой мальчишка,
От детства бросил навсегда ключи.

Молитвы матерей

Творит молитву мать
российского солдата:
«Спаси, Господь! Спаси и сохрани».
Ей вторит мать-чеченка
хрипловато:
«Аллах великий, сына мне верни!»
Сильны молитвы, посланные небу,
И чья сильнее — поди-ка разбери:
Один сынок, смеясь, по снегу бегал,
Другой купался в лучиках зари.
И оба — молодые, озорные,
Тепло и радость в дом родной несли,
А нынче оба, оба неживые —
Две пули жизни юные сожгли!..

На гибель пермских омоновцев

Никогда не привыкнут сердца
К этим страшным, тяжелым потерям.
Неужели не будет конца?
Жив остался — и в это не верит
Паренек, через ад пройдя, —
Смерть безжалостно жизни крала...
О Всевышний, хоть всем ты судья,
Мать для жизни сына рожала!

Дари добро

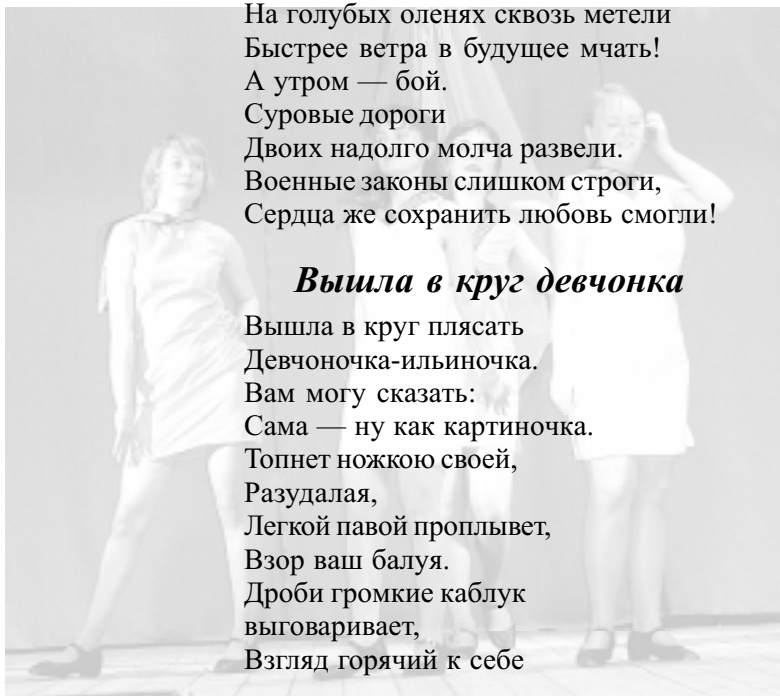
Дари добро!
И чем щедрей подарок,
Тем больше радость,
Тем прекрасней ты!
Дари добро -
Мир сразу станет ярким,
В нем не хватает людям доброты!

После просмотра спектакля «Голубые олени»

Горели небеса, гремели взрывы,
Стальная смерть косила наугад.
Шел бой. Войны кровавые мотивы
В судьбу вплетал молоденький солдат.
Короткая от боя передышка.
Село. И маленькая хата на пути.
Шагнул вперед, и озарила вспышка:
Глаза девичьи — краше не найти.
Любовь двоих крылом коснулась тихо —
И нет войны! Нет страха!
Смерти нет!
Враз отступило огненное лихо,
Сердца согрел надежды яркий свет.
Отчаянно хотелось жить и верить,
Любить, мечтать, картины рисовать!
На голубых оленях сквозь метели
Быстрее ветра в будущее мчать!
А утром — бой.
Суровые дороги
Двоих надолго молча развели.
Военные законы слишком строги,
Сердца же сохранить любовь смогли!

Вышла в круг девчонка

Вышла в круг плясать
Девчоночка-ильиночка.
Вам могу сказать:
Сама — ну как картиночка.
Топнет ножкою своей,
Разудалая,
Легкой павой проплывет,
Взор ваш балуя.
Дроби громкие каблук
выговаривает,
Взгляд горячий к себе

парня привораживает.
Посмотри, мол, на меня,
на бедовую,
Где найдешь еще такую
чернобровую?..

Посиделки

Посиделки,
Бабы посиделки,
Приглушенный вздох
И звонкий смех.
Все обиды разом стали мелки,
Здесь рождается на свет успех.
Знаниями делятся соседки:
Сто рецептов экзотических блюд,
Как улучшить у детей отметки,
Как создать недорого уют.
Как мужчину удержать от пьянства
И еще как порчу снять и сглаз,
Избежать в любви непостоянства,
Чем почистить старенький палас.
 Бесконечны женские заботы,
 Тянутся проблемы чередой...
 Как, придя измотанной с работы,
 Стать желанной, нежной, молодой.

* * *

Пора цвести пионам снова,
Пора весне с ума сводить,
Обжечься вновь о пламень слова,
Зацеловать! Заворожить!
Пора исполнить обещастья,
Пора вернуть душе покой.
Иль проще тайные желанья
Забвенья охладить водой?..

* * *

Нет искренности, нет любви друг к другу.
Притворство, ложь и тонкая игра.

В который раз по замкнутому кругу
Спешат повозки Злобы и Добра.
Одна полна Любви и Вдохновенья,
Другая — черной зависти и лжи.
Всевышний! Сниспошли скорей прозренья
И к храму путь-дорогу укажи!

* * *

Я сегодня невзначай, невольно
Прикоснусь к потерянной судьбе.
К той любви, что обжигала больно,
К той мечте, что верила тебе.
Прикоснусь всего лишь на мгновенье
Незаметным облаком седым.
В сердце нынче странное смятенье,
Словно я над берегом крутым...

* * *

Пеленки на ветру — как паруса
Огромного старинного фрегата.
Их пестрая, веселая краса
Дороже сердцу серебра и злата.
В объятьях нежных пестрой чистоты
Малютка мирно спит, ему тепло.
Улыбка — как весенние цветы,
К цветам извечно женщину влекло!

* * *

Нарисую! Нарисую счастье я,
Не жалея ярких, пестрых красок.
Будет щедрость солнечного дня
Целоваться с облаком ромашек.
А по травам, сочным и густым,
Конь помчится, словно ветер шалый.
В поле желтом васильковый дым
Дремлет рядом с путником усталым.

* * *

Год за годом торопливо
Жизнь меняет нас с тобою.
Плачет над водою ива
Безутешною слезою.

Вот уж внуки подрастают,
А в душе все нет покоя,
И весна цветеньем буйным
Снова сердце беспокоит.
И мечты кружат, как птицы,
Сладость дарят и печаль.
И небес бездонных ситцы
Устилают жизни даль.

Дочки-матери

Недавно мы с тобою в дочки-матери
Играли целый день, не уставая,
И модно куклам головы лохматили,
Сто раз наряды яркие меняя.
Недавно пылко в первый раз влюбились вдруг,
Изведав все сполна - мечты полет,
Тепло и жар желанных нежных губ и рук,
И обещаний первых сладкий мед.
И слишком смело в жизнь самостоятельно
Шагнули радостно, дыханье затая.
Как было здорово!
Как замечательно!
Все впереди — работа и друзья.
Промчались годы так, что не заметили,
Смотри, как дети наши подросли!
Заботы сединой виски нам метили,
Сердца от равнодушья мы спасли,
И встретившись, не раз с тобою вспомним мы,
Как двадцать... тридцать лет всего назад
Девчонками беспечными и стройными
Мы мчались в звездный выдуманный сад...

* * *

По звездному мосту в страну надежды,
Дела отбросив, милый мой, махнем.
Ты станешь, как когда-то, очень нежным,
Прошепчешь: «Наконец-то мы вдвоем!»
Вдвоем души отметим обновление,
Вина из ковшика небесного нальем.

Хмельное, страстно жгучее волнение
Неторопливо вместе отопьем.
И все вернется: молодость шальная
И безрассудство пылкое в груди,
Безумье, нежность ласкового мая...
Покрепче мои плечи обними!

* * *

Течет река широкая быстрее,
Лукаво месяц по воде бредет.
Меняемся, становимся мудрее,
И разум верх над чувствами берет.

* * *

Не прячь глаза свои красивые,
Не хмурь напрасно бровь дугой.
Мы, может, самые счастливые
Под этой золотой луной.
Лишь улыбнись – и тучки резвые
С собой сомненья унесут.
Зачем с тобой мы нынче трезвые?
Хмельные яблони цветут!!!

* * *

Мир каждой женщины неповторим
Загадкой вечной, нежной, хрупкой.
Богат и трепетно храним
Улыбкой звездной, недоступной.
В нем белых молний тонкая печаль,
В нем алых роз смятение шальное,
В нем плещется мечты заветной даль,
Лишь нет в нем места для покоя.

* * *

Жизнь – как зебра полосатая:
То черна, а то бела,
Нынче радостью богатая,
Завтра горе припасла.
То ласкает словно солнышко,
То холодным бьет дождем.
Выпьем всю ее до доньшка
Мы глоточек за глотком!
Выпьем жадно, выпьем весело,
Не жалея ни о чем.

Туча небо занавесила,
Жизнь умчалась журавлем...

* * *

В ночи искрится звездный небосклон
Посланьем давних мудрых поколений.
Свет, словно плач, далекий стон
Утерянных людьми учений.
Когда б цивилизация моя могла
Понять, прочесть тебя, о небо...
Безумств, бесчинств исчезла б мгла,
Земля наполнилась теплом и хлебом...

* * *

Сыплет щедро звезды ночка,
Месяц сонно свет свой льет.
«Подрастай скорее, дочка, -
Мама с нежностью поет. -
Будь красивой и здоровой,
Будь счастливее, чем я,
И в потоке жизни новой
Смело бейся за себя!

* * *

Повторяю: все будет прекрасно,
Боль уйдет и отступит страх.
Завершается день ненастный,
Снова солнышко в небесах.
Снова мир суетливо строгий
За собою с улыбкой зовет,
Дарит новую нить дороги:
Шаг за шагом иди вперед!

* * *

Я тку из ниточки дождя
Ковер седых воспоминаний.
Там легкомысленно весна
Кружит во времени признаний.
Там все слова еще верны
И яблонь белый цвет не тронут,
Там нежностью сердца полны
И в столах птичьих ночи тонут.

Первой учительнице

*Посвящается Раисе Павловне
Поповой.*

Сорок лет в одной и той же школе,
В нашей сельской школе небольшой,
Детвору по доброй вашей воле
Любите и сердцем и душой.
Сколько непосед вы научили
Терпеливо знания добывать,
С ними пели, плакали, дружили,
Никогда не смели унывать!
Спасибо Вам за этот труд великий,
За щедрость сердца, за тепло и доброту.
Спасибо, скромный первый мой учитель,
Учивший брать любую высоту!

* * *

Я помню Вас такую молодую,
С улыбкой очень доброй на лице.
Мы в класс вривались шумною толпою
И пели с вами дружно: «А – Б – Ц».
И не беда, что снегом серебристым
Упрямые года осыпали виски.
Ваш добрый взгляд, по-прежнему лучистый,
Поддержка робкой ученице у доски!

На уроке

Шумной стайкой, словно воробьи,
Первоклассники галдят мои.
Прозвенел залиvisto звонок,
Все уселись дружно на урок.
Взяли кисти, взяли белые листы
И рисуют — небо, солнце и цветы.
В ярких красках оживает сад,
Значит, все в порядке у ребят.
Только у голубоглазой Сашки
Черные вдруг расцвели ромашки,
Черный дом и черная трава,

В тучах черных неба синева.
Отчего в рисунке мало света,
Что случилось? — не найду ответа.
Кто обидел? Кто беду впустил?
Кто девчонке детство очернил?..

А школа есть, была и будет!

О, школа! Есть! Была! И будет!
И кто нам скажет наперед,
В ком Ломоносова пробудит,
Кого в мир Музы уведет?
Поди-ка разберись. В начале
Тернист и труден к знаниям путь.
Чтоб реже двойки огорчали —
Уроки сделать не забудь!
Летят, летят вперед упрямо
Из класса в класс ученики:
Еще вчера с волнением «ма-ма»
Едва читали у доски.
Теперь выводят логарифмы,
Усердно химию зубрят,
Слова укладывают в рифмы,
С компьютерами говорят.
О, школа! Сколько тайн сердечных
Хранишь ты в памяти своей,
Признаний первых в чувствах вечных
Взрослеющих твоих детей!..

Разведу беду руками...

Разведу беду руками —
Нет ей места в моем доме.
И обиды черный камень
Сброшу в речку — пусть утонет.
Улыбнусь тебе, мой милый:
Сладок сердцу миг прощенья.
У Любви беру я силы
Для святого очищенья!

* * *

Распахните сердце, распахните!
Пусть ворвется свежий ветерок.
Навестите близких, навестите,
Скоротайте с ними вечерок.
За горячим медным самоваром,
За беседой о житейских пустяках
Радость сердце согревает жаром:
Счастья ключ у каждого в руках!

* * *

О прошлых днях грустить не надо,
Они прошли, их не вернуть.
Нам дети – божия награда
За наш нелегкий, долгий путь!

* * *

Скворец на ветке распевает,
Так переливчато звенит.
Снег торопливо тает-тает,
Ручей по камушкам журчит...
Весна смеется, как девчонка,
Танцует в солнечных лучах.
На ней зеленая юбочка,
Платок цветастый на плечах...

* * *

Любите жизнь – она всегда прекрасна,
Любите каждый миг и каждый час.
Не тратьте время чудное напрасно,
Пока кружится пестрый мир для вас.
Любите всех, кто рядом с вами дружно
Порхает, лает, топает, поет.
Любите – это очень-очень нужно,
Добро – оно и вас не раз спасет!

* * *

Разбуди в себе желанье жить.
Жизнь трудна и тем она прекрасна.
Водкой не спеша себя травить,
Красить небо густо-черной краской.
Каждый миг, что Богом дан тебе,
Научись расходовать разумно,

След успеи оставить на земле:
Дней твоих не так огромна сумма!..

* * *

Есть люди, что помогут и поймут,
Тебя улыбкой доброй обогреют
И в доме новом для тебя уют
Создать с заботой теплою сумеют.
Верь, каждый может для других светить,
Стремясь всегда к добру и совершенству.
В двухтысячном году нам вместе жить,
Любви мы дружно отдадим главенство!

* * *

Гостит в Кузьминке нынче осень
И щедро золотом сорит.
Рябина красная средь сосен
С ней, как с подругой, говорит.
Тихонько сетует, вздыхает
На озорство лихих ребят:
Большая ветка засыхает,
Так ранит равнодушный взгляд!
Рассыпав листья золотые
Ковром на блёклую траву,
Деревья, как и мы, живые
С тревогой смотрят в синеву!

* * *

Осень! Белая следом зима,
А потом — перезвон капли.
Летний жар,
И опять с берез
Листья желтые полетели...
Все проходит,
Все изменяется,
Все иным перед нами является!

* * *

Сядем рядом, друзья, в тесный круг
И обнимем друг друга тепло:
О пожатие дружеских рук
Разобьется любое зло.

Улыбнемся друг другу светло,
И отступит, ослепнув, беда.
Человеческое тепло
Добавляет нам сил всегда!

* * *

Отцвел наш яблоневый сад,
Оттосковал и листья сбросил.
Застыл, потере горькой рад,
Встречает обреченно осень.
И стынут ветви на ветру,
И недосказанные строки –
Последним яблоком в траву...
Вот жизни мудрые уроки!

* * *

Заступись и от всякого зла сохрани,
Не оставь, не предай в трудный час.
В лютый холод пожарче огонь разведи,
Дров подбрось, чтоб огонь не погас.
Не молчи, нежных, ласковых слов не жалеи,
Отогрей! – стану вдвое сильнее.
Нет на свете мужчины тебя милей,
Уходя, возвращайся скорее!

* * *

Что-то рушится!
Кто-то рождается!
Жизнь – она всегда продолжается.
Не даёт расслабляться, стареть,
Нам бы только за ней успеть.
Нам бы дерево посадить,
Новый дом для детей построить.
Научиться минуты ценить
И Любовью себя удостоить!

* * *

Пусть нелегка порою жизнь
И слишком часты огорченья.
Ты сердцем за хорошее держись,
Преодолев опасное теченье.

И каждый день, любя, боготвори,
Короткий срок, что отведён судьбою.
Успей в реальность претворить
Всё, что задумано тобою!

* * *

Я верю, что настанет день такой:
Не будет войн и улыбнутся люди,
И на планете воцарит покой,
Любовью обогрет Мир хрупкий будет.
Я верю, Разум победит всё зло,
Что чёрным вороньём над нами кружит.
Я крикну: Люди! Как нам повезло!
Нет страха, боли, мёртвой стужи.
Я вижу, как цветёт моя Земля,
Пшеница в поле мирно колосится,
Землян крепка единая семья,
Добры и счастливы их лица!

* * *

У каждого в жизни дорога своя,
Свои паденья и взлёты,
Своя заветная высота,
Тревоги, стремленья, заботы.
У каждого в жизни мечта своя,
Свои соловьи и розы.
Своя Любовь и Надежда своя,
Весенние, светлые грозы!
У каждого в жизни правда своя,
Свои часы откровений.
Своя единственная черта
С принятием важных решений.

* * *

Чем дольше я живу
на свете белом,
Тем крепче эту землю
я люблю.
Поля, что клонят золотистый
колос спелый,
Леса, что засмотрелись

на зарю.
Все сердцу дорого,
до боли мило.
Кукушки беспокойный
редкий крик,
Косматых туч
ненастие унылое,
Цветенья буйного
неповторимый миг!

* * *

Жизнь дарит праздники душе,
Смятенья, поиски, открытья.
Сегодня ты другой уже,
Другие кружат мир события.
Ты сам себя не узнаешь,
Луч яркий путь твой освещает -
Чем больше людям отдаешь,
Тем чаще радость посещает!

* * *

Весенний дождь - веселый
барабанщик -
Такую дробь лихую выводил.
Твердил: иду к вам -
ветренный обманщик,
Но в дом ко мне никак
не заходил.
Я здесь! - стучал в окно
ладошкой мокрой. -
Встречай скорей!
Я без тебя скучал.
Весенний дождь заветной
шлепал тропкой,
Играл, плескался,
счастье излучал.

* * *

Я кисть возьму и нарисую небо,
Родное, в белых нежных облаках,
И поле, загрустившее под снегом,
И солнце, спящее в моих руках.

Сердцу дорог этот край

Стоя гибнет молчаливо
Вековой зелёный лес,
Захлестнул лесное диво
Металлический прогресс.
Загрязнённые речушки
Заболотились, мертвы...
И берёзы, как старушки,
Поседели без листвы.

* * *

Глухими стали люди и не слышат,
Как ветер травам колыбельную поёт,
Как тяжело, устало нынче дышит
Земля, что хлеб насущный нам даёт.
Как гибнет лес, как реки высыхают,
Как сизый дым закрыл лазурь небес.
Цветы от удивления вздыхают:
Всё меньше на Земле земных чудес!

* * *

А я пишу опять строка к строке.
Зачем? Спроси – того не ведаю.
Купалось нынче солнышко в реке,
Волна увлечена была беседою.
И ива тонкая грустила в тишине,
И травы звуки Жизни молча слушали,
Звенела пташечка, врачуя сердце мне.
С природой мы соприкасались душами!

* * *

Нам утром пели соловьи,
К мечте своей смелей идите!
Прядите нити из Любви
И Жизни кружево плетите!
Улыбки добрые свои
Вы ближним, не скупясь, дарите.
Спешите, милые мои,
Здесь так недолго вы гостите.

* * *

Я рукою глажу облака,

Солнце в щёку жаркую целую.
Жизнь спешит, как бурная река:
Восхищаюсь! Радуюсь! Тоскую!
Бабочка уселась на цветок –
Не вспугни её очарованья.
Красоты живительный глоток,
Каждый миг – в любви моей признанье!

* * *

Солнце, выкупавшись в речке,
Наплескавшись вдоволь, всласть,
На излюбленном местечке
Прикорнуло обсыхать!
Не шуми! Оно устало.
Пусть немного отдохнёт.
Сил набравшись вновь немало,
Щедро всем тепла пошлёт.

* * *

Снега упали неожиданно,
Укутав в шубы тополя.
О, где, о, где такое видано?
За ночь одну – белы поля.
Зима! А я о ней забыла.
Хотелось лета и тепла.
Собака у соседа выла...
И времени река текла.

* * *

Еще не поздно
все начать сначала,
Еще не поздно
все переменить.
Корабликом бумажным
от причала
Рутинных дел,
отважившись, уплыть.
Еще не поздно
все переиначить,
И босиком по росам,
босиком...
Помолодеть душой,

А это значит,
Любое лихо станет
Нипочем!

* * *

Зеркала! Зеркала! Зеркала!
Отражением нынче не балуют.
Жизнь сполна серебра наткала,
Годы мчатся лошадкой усталою.
Зеркала! Перед вами стою
И упрямо судьбе улыбаюсь,
В сердце пылкую нежность таю,
В свою зрелость влюбляюсь!

* * *

Мела метель,
Снегами ели кутала.
И я пылинкой малою в ночи
Свои следы, свои желанья кутала,
Стремясь растаять в пламени свечи.
Светла печаль, как облако далёкое,
Вновь заалает яркая заря.
Коснись! Коснись, снежинка одинокая,
Растай, последний поцелуй даря!

* * *

Открой своё сердце Любви,
Поступки добром наполни,
В согласии с Богом живи,
Свою песню жизни исполни.
Ты солнцу с утра улыбнись,
И день станет радостным, светлым.
Вперёд, не робей, не гнись,
Шагай к вершинам заветным!

* * *

Ищу ответы на любой вопрос
В себе – колодец Мудрости бездонен:
Зачем задумчив утром жемчуг рос?
И что скрывают линии ладони?
И каждый раз, беседа с собой,

Я убеждаюсь – справиться могу!
Не страшен мне проблем пчелиный рой,
Навстречу смело трудностям бегу!

* * *

Нет! Не поздно нам с тобой
влюбляться!
Нет! Не поздно нам с тобой
любить!
Ночкой звездной утомленно
забываться,
Пламя нежное сердцам дарить.
Молода, пока тобой любима,
Молода, пока люблю тебя.
Беды пролетают стайкой мимо.
Ты — моя счастливая судьба!

Я здесь, с тобой

Я здесь, чтобы любить,
Любить тебя и в радости, и в горе.
В стихах своих тебя боготворить,
Дарить тебе мгновений сладких море.
Я половинка нежная твоя,
Я светлый лучик твой – твоя награда.
Идти по жизни, солнышко даря,
Я день за днём с тобою рядом рада!

* * *

Вышью звёздами яркими по небу
Слишком вечное слово - «Люблю!»
Я хочу, чтоб, читая, понял ты,
Что я жить без тебя не могу,
Что свечу зажигая новую,
Я молюсь, за тебя молюсь.
Оглянувшись на жизнь суровую,
Потерять тебя, милый, боюсь!

* * *

То ли снится, то ли наяву
Птицей раненой в твои ладони
Падаю... И неба синеву

Топчут... топчут огненные кони.
То ли радость, то ли горькая тоска,
Я в бреду, не разберу... и снова
Строю, строю замок из песка,
Жду врачующего сердце слова!

* * *

Дай озябшую руку согрею твою
Водопадом шальных поцелуев.
Холода-холода из души прогоню,
У Любви чудотворные струи.
Взглядом пламенным
Льдинки обид растоплю,
Всё прекрасно у нас с тобою.
Ты поверь, что тебя я
Безумно люблю!
И поэтому беспокою...

* * *

Взрослеют дети,
Боль дая и радость,
И улетают в дальние края.
Спешат изведать вольной жизни сладость,
Попробовать: на что способен я?
Взрослеют дети.
Беспокойно, грустно
На сердце материнском отчего?
Взрослеют — в доме непривычно пусто...
Не забывайте дома своего!!!

* * *

Рядом белый шёлк
и чёрный бархат -
Как велик контраст,
как строг сюжет.
Нагадала я себе на картах
Радостный, безоблачный
рассвет.
Так в гаданье верила упрямо,
Что мечта желанная
сбылась.

Встреча, избалованная Дама,
Торжеством любви отозвалась.

* * *

Дай с губ твоих медовых рос испить
И жажду сердца в поцелуе утолить.
Дай растопить рассудок в жарком сне -
Безумство чувств приходит по весне!
Тоску мою, любовь испепели,
Даря двоим лишь страсть и наслажденье.
Черёмуховым цветом побели
Все прежние невзгоды и сомненья!

Маме

Мама! Приласкай,
как в детстве, выслушай.
Подскажи, в чём снова
неправа.
Пониманьем слёзы
мои высуши...
Нежные найди скорей слова.
Вновь уткнувшись
в тёплые ладони,
Я забуду горести свои.
Здесь укроюсь от любой погони.
Мама, долго на Земле живи!

* * *

Прикоснись душой к рассвету,
Оживи свои надежды
И развей тоску по свету.
Стать нельзя такой, как прежде.
Не жалея того, что было,
Не грусти по дням минувшим,
Не смотри на жизнь уныло,
Не спеши к огням потухшим.

* * *

Я встречаю новый день благодаря.
Новый день – как лист бумаги белой,
Шаг навстречу золотого сентября

В Мир, где надо быть сегодня смелой,
Смелые решенья принимать.
Выбор сделал – не жалеть об этом,
За себя всегда горой стоять,
Изнутри светиться ярким светом!

В. Ладыжникову

Жил мальчишка. Мечтал мальчишка,
Белокурый, смелый, смысленный.
Жил мальчишка. Взрослел мальчишка,
В жизнь, в природу, в людей влюблённый.
Шёл уверенно. Был упрямым,
Покоряя знаний вершины.
Так его воспитала мама -
В настоящие вышел мужчины!
Стал военным, а это значит,
По плечу даже сверхзадача
Командиру сапёрной роты -
Быть примером - и помнить, кто ты.
Огневые Афгана дороги
Быть учили и смелым, и строгим,
Закалили характер и тело.
Делать выбор — мужское дело.
Профессия есть такая -
Дом свой, Родину защищать.
И сыновний долг выполняя,
Жизнь любя, о себе забывать!

* * *

Герои, что живут со мною рядом,
Их трудно разглядеть, они скромны.
Они свои великие награды
За подвиг получали от страны.
Спасибо им за мужество и волю...
Что мир спасти от варваров смогли,
Что не кляли свою лихую долю,
А милую Россию сберегли!

Памяти В. Г. Еришову

По струнам памяти ударь...
...Кровавый, страшный бой грохочет.
Сорок четвёртый. Зима. Январь.
Старуха-смерть бойцам в лицо хохочет.
193 высота.
Атака – вражеские танки рвутся.
Остановить – задача непроста –
Бойцы не отступают, не сдаются!
Последние гранаты под рукой.
Кому сквозь сизый дым ты улыбнулся?
Вперёд под танк рванулся рядовой.
И враг в отваге этой захлебнулся!

* * *

Вам, нелюди, что войны разжигают,
Не будет места на планете скоро.
Иссякнут реки зла, что вас питают, и
И чёрная погибнет ваша свора.
Тогда придёт на Землю возрождение,
И в мире Человек привыкнет жить.
В свои великие, прекрасные творенья
Он поспешит Любви побольше влить!

* * *

У памяти своя тропа,
И нам идти по этим тропам,
Жизнь воспевая, жизнь любя,
К святым, живительным истокам.
Нам, современники мои,
Вершить историю отныне.
Решать – петь будут соловьи
Иль дым закроет небо сине?
Вступая в XXI век,
Век перемен, любви, свершений,
Запомни каждый Человек:
Довольно войн, смертей, лишений.
У памяти своя тропа.
Солдаты жизнь отдавая, шептали:
- Сбережём тебя, Россия – Родина святая!

У памяти своя тропа.
И мы, по тропам тем шагая,
Россия, Родина моя,
Хранить Мир хрупкий обещаем.

* * *

Каждый день, каждый час, каждый миг
Мир меняет радугу красок.
На вопрос: ты чего достиг?
Отвечает душа без масок.
Их устала она примерять,
Ей так нужен свободы глоток.
Научись других понимать,
Пониманья живителен ток.

* * *

Мраком нынче переполнен Мир:
Сквернословят, колются, дерутся...
Сатанинский затянулся пир,
И от зла такого люди гнутся.
Веры нет! Болезни! Нищета!
Как траву, унынье нас скосило.
Пропась! Край! Последняя черта...
Люди, разум где? Где наша сила?

* * *

Как нежно утро славят соловьи,
Жизнь обновлю свою без промедленья.
Вдохну в мечты, в слова огонь Любви,
Наполнив смыслом каждое мгновенье.
Умоюсь родниковой водой,
Прочь недоверье, суетность, сомненья.
Всегда душою буду молодой,
Наполнив смыслом каждое мгновенье.
Дорога в гору, знаю, нелегка,
Есть высота – и я её достигну.
Отважно путь пройду, наверняка,
Сумею, новый дом Душе воздвигну!

* * *

Случалось так, что жизнь меня наотмашь
Хлестала по обеим по щекам.
А я: «Спасибо, Господи!» - твердила.
Тобой урок мне не случайно дан,

Не сразу сознаю, чему ты учишь,
Но время всё расставит по местам.
Взбираясь на очередную кручу,
Узнать спешу, что нового есть там.
Мне панорама восхищает душу,
Здесь так легко, так дышится легко!
С небесной высоты смотрю на сушу,
Кусочек жизни милой далеко...

* * *

Любое лихо обойдет нас стороною,
Коль хватит мудрости у сердца твоего.
Не прятать за высокою стеною
Добро — оно дарует нам тепло.
Добро нас бережет и согревает,
От боли и отчаянья спасет.
Кто этой истины простой не знает?
Какой сегодня чистый снег идет...

* * *

Всё течёт, изменяется всё,
И такой, как вчера, я не буду.
Я про всё, абсолютно про всё —
Через миг, через год позабуду.
Новый день — новых мыслей разбег,
Новых дел — необъятные дали.
Первый чистый искритя снег...
На ладонь две снежинки упали.

Сергей Николаевич ПЛОТНИКОВ

Я появился на свет в феврале 1966 года. Отец тогда был учителем школы-интерната в Верещагино, а мама – медсестрой. Воспитываемый чаще бабушкой по матери, ходил в детсад «Солнышко», ездил с родителями на юга. Атеист досель, четырёх лет крещён в Пятигорской городской церкви (её потом взорвали по распоряжению чиновников-коммунистов, видимо, к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина). В Перми учился в средней и музыкальной школах, доучился до золотой медали. Грыз гранит науки на историческом факультете Пермского госуниверситета им. А. М. Горького. Съездил на остров Свободы, обожаю Кубу и всё с ней связанное. С мая 1984 по июнь 1986 охранял мир и покой Отчизны, служа стрелком внутренних войск. Отдав долг социалистическому Отечеству сполна, продолжил получать высшее образование, работая фельдъегерем, колеся по области и Союзу ССР.

Пока Отечество распадалось, трудился прессовщиком листовых материалов на гипсовом заводе, преподавателем логики в юридическом институте, учителем истории в гимназии, вахтером в общежитии, частным предпринимателем, преподавателем информатики в училище. Одновременно в жизни личной женился, прижил в браке двух детей, сына и дочку, как заказывал в небесной канцелярии. В XXI веке расторг первый брак, заключил второй с прелестной аборигенкой земли ильинской, с той поры маятниковый мигрант. Служу в охране Минфина России, в свободное время функционирую преподавателем информатики в лицее.

Как делать стихи, узнал у В. В. Маяковского, в юности. Отталкиваясь от неприятия тогдашнего официоза и нежелания подражать авторской песне, жанр определил бы как эстетствующее фронтёрство. Посему штудирую язык Пушкина и Достоевского, презрев «новояз» словотворцев убогой нашей попсы. Отношусь к стихотворчеству как к ремеслу. Словесные поделки проверяю по их воздействию на предмет поэтического вдохновения. Если дышит неровно, значит, что-то в писаниях есть...

La vie immediate.

Я повязан обрыдлой работою,
Что тебе недодала тепла.
Сотню раз на спидометр намотана
Сотня вёрст, что меж нами легла.
Той весной, под ночными покровами,
Посредине земного пути
Мы тобою друг другу дарованы,
Чтобы стало чуть легче идти.
И коленей дотронусь коленями,
И тебе, обнимая, молюсь:
Напои меня неутolenьями,
О моя синеглазая Русь!..
Мы не загсом, не церковью венчаны,
Но стеной-оберегом жилья,
Белокурая тонкая женщина,
Золотая зазноба моя.
Перепутаны судьбы несхожие,
Не сомкнуться устам до утра.
...И к рукам прикипаю всей кожей...
...И к стволу прирастает кора...

Предстояние

Слышен грай воронья,
Пахнет осень дымком и укропом,
Улыбаясь тебе.
Тайниками заблудшей души
Избегая вранья,
Я анапестом выстелю тропы
Неоткрытой судьбе,
Бытовавшей в уездной глуши.
Время сделать привал,
И у корпуса старенькой школы
Отдохни, погоди,
О любви и о счастье спроси.
Я к тебе пролегал,
Сопрягая седые глаголы
Стуком сердца в груди.
Так велось испокон на Руси...

Юлия ПОНОСОВА

Юля Поносова хорошую успеваемость в школе всегда сочетала с активным чтением в библиотеках - детской и взрослой. Как одна из лучших учениц, представляла свою Ильинскую среднюю школу № 1 на районных, областных олимпиадах по различным предметам – литературе и русскому языку, истории и биологии.

Восемнадцатилетняя Юля мечтает заняться литературным творчеством, приобрести профессию журналиста. Еще в 10 лет она начала сочинять стихи, и сейчас впервые представляет их в данном сборнике. Пусть это станет удачным стартом ее литературной деятельности.

В колыбели дня и ночи,
В свежей неба простыне
Мальчуган смешно хохочет,
Протянув ручонки мне.
Золотистые пушинки
Обрамляют синь зрачков,
Словно ангел на картинке
Ловит снежных мотыльков.
В поволоке звездной пыли
Закрутились облака.
Стало тихо в этом мире -
Засыпай, малыш, пока.

* * *

Вперед, друзья, навстречу смерти!
Мы - павшие герои дней.
Все завертелось в круговерти,
Как в пляске тысяча чертей!
Мы, други-недрузи, едины
В своем порыве огнем,
Нам ближе адские чужбины
В смятенье духа боевом.
Нас ветры-псы не остановят:
Мы наточили свой топор.
Людские души гроб готовят,
Решая жизни вечный спор.
Не так давно детьми играли
На ровной скатерти полей,
О чем Судьба споет, не знали,
Внимая сказкам матерей.
Но грозный бог войну пророчит,
Мы разрубили детства нить.
Вертлявый бес сильней хохочет,
Жизнь предлагая заложить.
«Мы не берем кредиты жизни!
Война - нам мать, клинок - отец.
Мы существуем для Отчизны,
Приняв на плечи тяжкий крест».
Мы воины, воины, а не люди!
Людская смыта личина.
Молитву в трансе шепчут губы:
«И только Бог нам всем судья!».

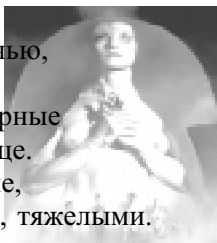
Священная война

Священная война идет. Священная война.
И каждый свят, кто песнь поет. Священная война.
Священный слог, священный путь, священен каждый бой.
И мы не вправе отвернуть с дороги той святой.
Мы принимаем вызов ваш. Священная война.
Вставай за Русь, священный страж. Священная война.
Клинок острее с каждым днем: он освящен судьбой.

За Родину на смерть пойдем в святой, священный бой.
Нам свыше дан святой закон. Священная война.
И благородства полон он. Священная война.
За правду, честь! Вперед, вперед! И никогда - назад!
Пусть будет труден наш поход, держись за брата брат!
Пусть враг идет, земля дрожит. Тверда наша рука.
Кровавой лентой пусть бежит кровавая река.
Пусть звезды меркнут, гаснет свет. Священный бой идет.
Обратной нам дороги нет. И каждый песнь поет.
За слогом слог, священный слог. Священная война.
Ты сделал в жизни все, что смог. Священная война.
И пусть несется сердца крик, свободная земля!
Кто жив, кто здесь и кто погиб, Россия спасена!

Оборотень

Обряжаюсь ночами в шкуру волчью,
Натираю тело мазью древней,
Повторяю заклинания тайные, черные
И забываю о человеческом сердце.
Мчусь сквозь чащи темные,
Сверкая глазами желтыми, тяжелыми.
Подминаю под себя зверье мелкое,
Полосую на лету когтями острыми.
Просыпаюсь усталая, с губами кровавыми,
Разжимаю скрюченные в броске пальцы.
Смываю грязь, пот и ненависть
И вновь иду к вам на улицу.

Старый дом

Захирела линия старого дома.
По немывтым окнам промелькнула муха,
В глубине послышался легкий шорох:
Мышь пробежала.
Хозяйка-старуха давно не живет здесь,
Уехали дети.
Безжизненны комнаты старого дома,
Лишь пыльные стены в ожидании смерти
Впитали звуки майского грома.

Людмила Васильевна РЕВЕНКО

*Мелькают спицы колеса,
В разгаре летний день,
Бежит асфальта полоса,
И вряд ли встретит тень.*

Эти строки, как и первое свое стихотворение, Людмила Васильевна Ревенко сочинила в дороге. Она любит поездки за свободу мыслей и поэтическое вдохновение, которые они дают, за возможность лишний раз полюбоваться неброской красотой уральской природы.

Будучи школьницей, Людмила Васильевна вела дневник, где записывала

суждения и мысли о прочитанном. Позже, когда начала работать, возобновила записи – теперь уже о жизненных событиях и явлениях. События дня иногда складывались в рифмованные строчки – о детских и школьных годах, о родителях, судьба которых была нелегкой. Они пережили репрессии, раскулачивание. Отец с семьей оказался на Урале, после того как на родине, в Ростовской области, ему не дали работать на земле.

И сейчас Людмила Васильевна продолжает писать стихи – о книгах, о жизни, о природе, обо всем, что волнует и радует её. Сама она родилась в поселке Сергиевском, Гайнского района, Пермской области. Окончила Воронежский государственный университет по специальности «юрист». Работает в прокуратуре Ильинского района с 1990 года. По приезду в Ильинский сразу же записалась в районную библиотеку. Является активной читательницей и участницей литературно-краеведческого клуба при библиотеке «Собеседник». Интересуется новинками литературы.

* * *

Нужна гармония вокруг,
И ветру, и стерне,
Чтоб зазвучать капелью вдруг,
Как музыкой – струне,
 Чтоб песню тихо извлекать
 Из радужной росы,
 Пройти – ногой не растоптать
 Предугрненной красоты.
И вдалеке, где бугорок
С пожухлою травой, –
Там под осиною грибок
Плывает головой.
 А может, даже шляпки две
 В застывшей тишине.
 Вздых пробегится по листве
 В звенящей вышине.

Отец

Отец никогда не кричал, не бранился,
Был добрым, а всё ж мы боялись его.
При жизни ни разу он не простудился,
Скоропостижно не стало его.
 Мальчишкою рос на кулацком посёлке,
 Пешком исходивший кудымкарский шлях,
 Носивший не ломоть – познанья в кошелке,
 В дожди ночевавший не раз на полях.
Нужда, безотцовство (отец – «враг народа»),
Но жажда познанья томила его.
Глазёнок пар сорок - где искра, где шкода,
И сорок лет отдано школе всего.
 Отец, обещавший уже нашей маме
 Оставить сей край, возвратиться в Ростов,
 И слов не сдержавший, лежит в сырой яме,
 Разрушившей жизни семейной остов.
Со стен наших комнат – побелка из глины –
Частицами мысли его и стези
Из старых поделок висели картины:
«Ошвадор», «Медведи, Лиса на рыбалке»

И - «Дети, бегущие от грозы».
И если в босые мои летом ноги
Заноза заскочит: терпи и молчи,
(А было всего мне лет пять), то подмоги
Могла ожидать от его лишь руки.
 Отец научил не бояться природы,
 Лесов, наступавших на наше жильё.
 Нашёл объяснение приметам погоды,
 И я, примечая их, помню его.
И только с годами – какое наследство! –
Понятнее стал мне отцовский наказ:
Отцы не уходят, их сила, как детство,
Сочится смолою янтарной из нас.

Ю.Н. Дружковой

Хорошеет Ильинский от людского тепла:
Вниз на Обву сбегает клумб цветочных гряда,
Сквер кедровый украсил старый липовый ряд,
Демонстрируя всем свой зелёный наряд.
Сад английский вновь ожил – молодым снова стал.
Арок белых ограды рядом бросил вокзал.
В окна смотрится грустно старый шкипер–причал,
А деревья из сада – как девчонки на бал.
 Богадельню расцвелит кропотливый ваш труд,
 И открылся для взора зарастающий пруд.
 А над всем беспрерывно текут облака,
 Проплывая бесшумно, - так из века в века.
Не спеши расставаться с этим краем земли,
Будь уверен – дел много для чуткой души,
И она непременно даст побега ростки.
Хорошеет Ильинский лишь от доброй руки.

* * *

Вековушек бабушек
Из деревни русской
Сухопарость выправки
Издали видна.
На тропинке узкой
Встретились – не с выставки –
Юбки из рядна.

Сколько наработано
Их руками сильными!
Так устанут к сумеркам,
Сядут у окна...
Радио отключено,
Дети где-то в городе,
И не съездить к внукам –
Мачехой страна.

Ходят в гости вечером
По тропе завьюженной,
Фонарём летучим
Освещая мглу.
Долго раздеваются
В хатенке степенно,
Голосом певучим
Молятся в углу.

Песни затевают,
Грустные, разлучные,
Так давно напетые –
Катится слеза.
Вьюга их подхватит
Заунывно, жалостно
И тоскою старости
Взглянет вам в глаза.

* * *

Ветер с крыш сорвался вскачь,
Хмур и зол,
Полосою неудач
Он пошел,
Растрёпал у мрачных туч
Космы их,

Не пробился солнца луч –
День затих.
Не пустили к ночи в дом –
Стукнул в тѣс,
Оборвал с дерев листы
И понёс.
В поле сжатом погонял
По стерне,
Сбросил кучей
И оставил на меже.
Гнал по Обве пену волн,
Завывал,
Возвратиться им назад
Не давал.
Бились-бились гребни белые
В песок,
Берег слизывал удары,
Весь промок.
Рвался ветер, неуживчив,
Своенрав,
Напоролся на лес тѣмный –
Вихрем встал.
Не хотелось ему лечь,
Отдохнуть,
Там, где сухо, там, где свет,
Где уют.
Он не ведал,
Он, конечно, не знал,
Что приют –
Удел лишь тех, кто устал.
Дерзко трогал струну провода,
Дрожал,
Связь аккордов из него
Извлекал.
Всё носился –
Ночь подвластна ему,
Прогоняя, где он был,
Тишину.

Анна САЛЫКИНА

Родилась 4 января 1987 года в посёлке Ильинском и до сих пор живу здесь. Учусь в 11 классе второй средней школы. Читать научилась в 5 лет, с тех пор с книгами - моими вечными друзьями и спутниками - не расстаюсь. Писать попробовала в классе пятом: на урок надо было что-то принести, вот и написала. И понеслось!.. Стихи пишу в основном про любовь. А про что-же мне ещё писать? Мне ведь всего 17 лет.

Были и перерывы в моём творчестве. Долго не писала вообще ничего. Теперь всё по-другому. Пишу стихи, не часто, но по велению души. Попробовала себя в прозе. Признаюсь честно, понравилось.

В этом году буду поступать в Уфимский государственный институт сервиса на отделение «Связи с общественностью». Профессия новая и творческая. Но всё-таки надеюсь связать свою жизнь с журналистикой.

У меня нет кумиров, но есть люди, перед которыми я преклоняюсь. Это Анна Андреевна Ахматова, Василий Шукшин, Паоло Козльо – в литературе, Владимир Познер, Андрей Максимов - в журналистике.

Обращение к сверстникам

Что сказать вам всем, молодые ребята?
Минуты жизни порой хороши.
Вы сейчас сильны, молодые орлята,
Подарите, пожалуйста, всем по частичке души.
Посмотрите на улицу и улыбнитесь,
Пусть и день ваш был совсем не хорош.
А потом вы почувствуете, удивитесь:

Хоть на что-то я в этой жизни пригож.
С этой радостью светлой проснётесь вы утром
И, раскрыв объятия, обнимите мир.
И прошепчете тихо, чтоб не было грустно,
И сегодня, наверно, добро ваш кумир.
«Я люблю тебя жизнь!» - прокричите вы утру
И по свежей росе пробежитесь нагой.
Сделать радость другому казалось так трудно,
А улыбке на свете приятно любой.
Утро доброе, травы! Здравствуйте, цветы!
Здравствуй, речка родная, и солнце, и вы.
Я хочу в этот мир возносить лишь добро
И прекрасное светлое счастье.
И не будет со мною, я знаю, его,
Того чувства, того ненастья.

2001 г.

Россия

Я горжусь! Я горжусь Россией
И зимой, и прохладным летом,
Той берёзкой, тем небом синим.
Я люблю это чудо света,
Ветви нежной берёзки-красавицы
И лугов опьяняющий цвет.
Даже дождик, и тот мне нравится,
А живу я немного лет.
Не найдётся на всём белом свете
Тех родных и любимых лесов,
Тех полей, той реки на рассвете,
Тех огромных великих красот.
Окунуться в водицу студёную
Озорства не найдётся нигде,
Кроме той, голубой и зелёной,
Фиолетовой, красной, жёлтой,
Той России, любимой моей.
Светит в небе алое солнышко,
А в лучах теплота и нежность.
И по речке плывёт лебёдушка,

Говорит, что Россия – вечность!
Россияне гордиться ей будут,
И не год, и не три, и не два.
Напомнить они не забудут:
«Россия вечно жива!»

2001г.

Огонь сердца

Если сердце горит, значит, сердце живёт,
И неважно, кто уголь подкинул.
Если сердце горит, значит, сердце прольёт
Свет на тайные миру глубины.
И неважно, какой в этом сердце огонь
Сердце греет, и это главное.
Когда-то был малый, теперь большой.
Так хорошо и правильно.
Возможно, и злом тот огонь рождён,
Глупой серой нелепицей,
Но почему-то мне всё-таки верится,
Что в каждой душе ярким светом он теплится.

2003 г.

Анне Ахматовой

Она – великое! Она – богиня!
Она, как свет, как карта и как тьма.
Она подарок сделала мне – имя,
И за своё стояла, сберегла.
Одни ушли безумству невнимая,
Не выдержали тяжкий марафон.
Осталась! Очень сильная, иная,
За окнами смотреть на чёрный фон.
Она прошла дистанцию сквозь ветер,
Меж гроз, сквозь войны и людей.
Она одна такая на планете,
От этого печальней и светлей...
Безумие постигло эту душу.
Нет выхода, и хода нет назад.
Есть право у меня – я ненавижу!

Тех, кто когда-то был за это рад.
Она – пример. Она – кумир. Я преклоняюсь
Великой девочке из Царского Села.
Она мне помогает, объясняя,
Что жизнь и кто в ней я сама!

2003 г.

Новая жизнь

На краю скалы огромной,
Там, где линия дождя,
Длинной линией неровной
Пролегла судьба твоя.
Ты стоишь и смотришь в небо,
Дикий ветер платье рвёт.
Первые лучи рассвета
Попадают в сердце твоё.
Много в прошлом есть такого,
Что давно пора забыть,
Близкого, теперь чужого.
Нужно просто дальше жить.
Город другой, другие люди,
Другие дома и другая жизнь.
Ты засыпал, мечтая о чуде,
Быстрее просыпайся и к свету рвись!

2003 г.

Мост

Я по мосту иду. Мост старый и высокий.
Внизу играют камни и вода.
Ты был мне близким, близким и далёким.
Ты был игривым – я твоя игра.
Последний шаг. Закончилось. Не мею.
А под ногами снова кирпичи.
Тобой, как отравлением болею,
Но не помогут мне великие врачи.
Мне беса в душу крепко посадили,
И вырвать не могу из кандалов.
Ведь я любила, и меня любили,

Не замечая разных берегов.
Теперь меж нами пропасть мостовая.
Вода играет! Пенится вода!
Мой берег - это пристань вековая,
Мост не пропустит в эту вечность никогда.

2004 г.

Благодарность

Узкая тропинка, тоненькая нить,
Солнце греет мягче и нежнее.
Я живу! Здесь нравится мне жить,
Здесь себя я чувствую нужнее.
Здесь я родилась и здесь живу сейчас -
От столицы путь совсем не близкий.
Дарят люди здесь – свет любимых глаз,
Свой тебе дарю, родина, Ильинский !
Ты не молодой, но ещё не стар,
Так прими ж моё девичье «спасибо»
За луну в ночи, перебор гитар,
Дождь, который пляшет осенью уныло.
Я благодарю – летнюю зарю,
Каждый колосок, пенье разных птиц.
Дому своему спасибо говорю,
Укрывал меня от ненавистных лиц.
Всем учителям, всем, кто помогал.
Жизнь порой преграды завьшает.
Тихо говорю: «Каждого люблю!»
Иногда кого-то всё же забывая...

2004 г.

Юлия СОЛОВЬЕВА

Однажды тринадцатилетняя Юля прочитала в одном из журналов о творческом поэтическом конкурсе среди читателей и тут же сочинила толстую тетрадь стихов. Стихи были очень эмоциональные, серьезные, о любви, о дружбе, о жизни. Это был ее первый литературный опыт.

Сейчас Юля Соловьева учится в Пермском политехническом институте на факультете «Разработка нефтяных и газовых месторождений», жи-

вет в Перми, но много времени отдает литературному творчеству. «Просто... так надо» – самое короткое прозаическое произведение девятнадцатилетней студентки. В основном она пишет повести. Их с удовольствием читают знакомые, подруги.

Ее герои – молодые люди с их проблемами, мечтами и надеждами. Юля любит фантазировать, воображать своих героев в различных ситуациях, пытается отображать окружающий мир, каким она его видит.

В последний раз звенит звонок,
В последний раз идем мы в школу,
В последний раз идет урок,
И станем мы студенты скоро.
Но не забыть мне никогда,
И с легкой грустью вспоминаю,
Те школьные, веселые года
И школу, что закончить так мечтали.
Мы жаждали вступить в другую жизнь,
Познать студенческие годы.
И сумки на себя тяжелые взвалив,
Сбегали с алгебры уроков.

Я не забуду ни наш класс,
Ни классную, что нас взяла внезапно.
И как заботилась о нас,
И нам второю мамой стала.
Приколы школьные и шутки,
И перемены, и звонки,
Учитель физики наш умный,
Что мог всегда нас насмешить.
Все это в прошлом, впереди –
Другая жизнь, другие люди.
Но школьный друг есть школьный друг,
Мы будем помнить друг о друге.
О том, как вместе проучились,
Как отмечали выпускной,
О том, как в жизни отличились,
И класс одиннадцатый родной.

Просто... так надо

Этот будильник замолкал лишь, если зашвырнуть им в стенку.

Поэтому стоило ему издать свой жалобный клич, Машка тут же бросила его в угол и - надо же! - попала точно в мусорную корзину.

- Там тебе и место, - пробормотала она, нехотя вылезая из теплой кровати.

За окно было страшно смотреть: белый снег, обледеневшие тротуары и блеклое зимнее солнышко, печально выглядывавшее из-за невесть откуда взявшихся облаков. А равнодушный термометр показывал ровно минус тридцать по Цельсию. Машка зябко съежилась, представив, что ей сегодня предстоит оказаться по ту сторону окна.

На глаза попался отрывной календарь. Тридцатое декабря. Машка чуть улыбнулась и оторвала листок: «Ну вот, теперь тридцать первое. Новый год, please! Елочки, колокольчики, мандарины, снегурочки, тьфу ты черт!» Машка уже давно вышла из того возраста, когда верят в Деда Мороза и в то, что в ночь под Новый год случаются чудеса. Хотя, может, для кого-то эта ночь и станет волшебной, но только не для нее. Не будет сегодня боя курантов, шампанского, бенгальских огней. Будет

только маленький ресторанчик, где Машка подрабатывала официанткой, прокуренный зал, полупьяные клиенты, бесконечная беготня между столиками и ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ...

Машка прошлепала на кухню. В мойке громоздилась гора посуды. Конечно, зараза Ирка, как обычно, завалилась спать и забыла про посуду. Ругая младшую сестру, она принялась мыть посуду. Потом поставила чайник и села за стол, задумчиво глядя в окно. В коридоре послышались тихие и не совсем ровные шаги. Машка представила эту картину: еще не отошедшая ото сна Ирка идет по дому, пошатываясь и зевая.

Ирка вошла на кухню и, протирая сонные глаза, спросила:

- Машка, а ты чего так рано встала? Тебе же вроде к восьми?

- Новый год, - ответила Машка, намазывая ломтик хлеба маслом, - и потом, кто рано встает, тому бог подает!

- А-а, - с каким-то даже уважением протянула Ирка, для которой все, что было раньше двух, считалось несусветной ранью, - ну ты пока завтракай, а я еще полежу!

Машка, которая в этот момент заливала кофе кипятком, возмущенно дернулась и хотела что-то сказать ей вслед, но кипяток от этого попал не в чашку, а на нее. Машка вскрикнула и схватилась за обожженное место.

- Вот тебе и Новый год! – со злостью произнесла она.

Вдобавок ко всему по радио играла жизнерадостная новогодняя песня:

- Когда приходит год молодой,
А старый уходит вдаль,
Снежинку хрупкую спрячь в ладонь,
Желание загадай.
Смотри на часы
И, крепко ладонь сжимая,
Все, о чем боялся спросить,
Загадывай и желай.
Новый год, что вот-вот настанет,
Исполнит вмиг мечту твою и мою.

- Если снежинка не растает, - неожиданно для себя стала подпевать Машка, - в твоей ладони не растает, пока часы двенадцать бьют.

А часы между тем показывали только девять утра. Машка быстро выпила кофе и принялась за уборку. Лентяйка Ирка встанет к четверем часам дня, пойдет в ванную, а после будет завиваться, краситься и думать, в чем она пойдет. Ну и черт с ней! Машка включила пылесос и зашла в ее комнату. Ирка даже не пошевелилась. Машка даже позавидовала ей: «Ну надо же! Она даже пылесоса не слышит! Спит как убитая!»

К приходу родителей квартира сияла чистотой, а Ирка только-только начала просыпаться.

- Ира, ты опять весь день спала? – кричал отец.

- Маше сегодня на работу, а она всю квартиру вычистила! – вторила ему мама, - бессовестная девчонка! А ну быстро вставай!

Машка не без удовольствия смотрела на то, как отчитывают младшую сестру. Не все коту масленица. Стрелки часов между тем неумолимо двигались к вечеру. Машка спохватилась и закрылась в ванной, опередив противную Ирку. Пусть сегодняшняя ночь пройдет в этом ненавистном ресторане, но выглядеть она будет на все сто!

Машка не стала собирать волосы в надоевший хвост, а оставила их струиться по худеньким плечам. Немного приподняла их сзади, завила кончики. Потом пришел черед косметики. Серые и коричневые тени она откинула сразу же. Веки стали голубого цвета, побольше туши для ресниц и яркая помада. Машка взглянула на себя в зеркало и рассмеялась. Вот это перемены! Из просто симпатичной она превратилась в настоящую красавицу! Не хватало еще кое-чего... Машка задумалась. Потом прислушалась. Ирка была в ванной. Машка тихонько прокралась в ее комнату и взяла ее лак для волос с разноцветными блестками. Девушка сама себе подивилась: еще вчера она бы даже и в руки такое не взяла, а сегодня обильно полила им свои волосы. Неужели это все Новый год? Поставив лак на место, Машка тихонько выскользнула в коридор.

Ирка, так же как и сестра, уходила в семь. Только в отличие от нее Ирка шла не на работу, а отдыхать. Сестры столкнулись в коридоре.

- Машка, ты же замаешься на каблуках! – всплеснула руками Ирка, глядя на то, как сестра влезает в сапоги на десяти-

сантиметровом каблуке.

- Тебя не спросила! – огрызнулась Машка, одергивая юбку и поправляя вырез на рубашке, - все сегодня хотят красиво выглядеть!

- Ах да, - Ирка виновато улыбнулась, - слушай, Маш, извини, что я сегодня уснула, а ты одна прибиралась.

Машка сначала хотела обрушить на сестру кучу упреков, но неожиданно для себя улыбнулась и сказала:

- Да ничего, Ириш, все нормально.

Они вышли из дома вместе и остановились на улице.

- Ну, давай, хорошо тебе погулять! – пожелала Машка сестре.

- А тебе, чтобы все было хорошо! – ответила Ирка, - давай, Машка, не грусти! Все нормально будет!

Ирка поцеловала сестру и побежала к остановке. Машка грустно улыбнулась ей вслед и пошла в противоположную сторону.

На остановке играла музыка:

- Новый год, что вот-вот настанет,

Исполнит вмиг мечту твою и мою....

Если снежинка не растает,

В твоей ладони не растает,

Пока часы двенадцать бьют!

Машка стянула с руки перчатку и протянула ладонь. Тотчас она покрылась маленькими, быстротающими снежинками.

- Снежинка растает, - прошептала Машка, стряхивая с руки снег.

К вечеру, как ни странно, стало теплее. Машка больше не мерзла. Она терпеливо ждала как всегда опаздывающий автобус и любовалась вечерними огнями. Новый год все-таки сделал свое дело: внушил недоверчивой девчонке надежду на чудо. Пожалуй, впервые за три года.... Три года.... Машка невольно заулыбалась. Три года назад они отмечали Новый год в столице Австрии Вене, на молодежной турбазе. Это был самый лучший и самый незабываемый праздник в ее жизни...

Главный отдых в Австрии - высокогорные курорты. Незабываемое удовольствие, хотя и весьма дорогое. Машка отправлялась туда нехотя, так как лыжи недолюбливала еще со шко-

лы. Но друзья просто утащили ее с собой в горный кемпинг. Все были в восторге от экипировки и самого спуска, кроме самой Машки, уныло топтавшейся у начала спуска. Наконец, поддавшись-таки уговорам, она поднялась на подъемнике на заснеженную вершину, воткнула лыжи в снег и лениво ждала друзей, оглядываясь по сторонам. Внимание не привлекал никто. На вершине стояли иностранные юноши, громко переговариваясь на своем языке и кидая на Машку заинтересованные взгляды. Машка лишь скорчила недовольную мину и отвернулась. Иностранцы интересовали ее меньше всего. Вдруг над ухом раздался чей-то слегка хриловатый, но приятный, а главное, РУССКИЙ мужской голос:

- Девушка, можно вас спросить?

Машка резко обернулась и непонятно почему покраснела.

- Вы ведь русская, да? – улыбался незнакомец.

Машка отметила про себя, какая обворожительная у него улыбка. Да он и сам был вполне ничего.

- Да, - улыбнулась она, - а что, это так заметно!

- Заметно, - сказал он. - Кстати, меня зовут Павел.

Павел протянул ей свою ладонь.

- Мария, - ответила Машка, невесть зачем назвавшись не-любимым полным именем.

Вдруг кто-то резко схватил ее и потащил прямо к снежной горке.

- Машка, держись! – гремел однокурсник Володя, - сейчас прокатимся!

- Косинов, иди к черту! – завизжала Машка, пытаясь вырваться и вернуться к Паше.

Только Косинов все-таки сумел спустить Машку вниз. Когда она снова поднялась наверх, Паши уже не было. От обиды Машка даже разревелась. Противный Косинов принялся ее утешать и даже вызвался найти с ней этого таинственного незнакомца. Машка разревелась еще больше, скинула всю экипировку и ушла обратно на турбазу.

Вечером была дискотека, идти на которую у Машки не было никакого желания. Когда они туда пришли, музыка уже играла всюю. Машка вглядывалась в толпу в надежде увидеть Пашу, но безрезультатно. Она отчаялась совсем. Незнакомец не вы-

ходил из ее головы. Подруги ушли танцевать, а она осталась за опустевшим столиком. Одна песня сменялась другой, похожей на предыдущую как две капли воды. Ди-джей что-то выкрикивал на иностранном языке. Правда, раза два пытался что-то сказать на ломанном русском. Машка заскучала и хотела вообще уйти, как вдруг из микрофона послышалась русская речь. И голос этот принадлежал.... Машка даже боялась подумать о том, кому он принадлежал, чтобы не сглазить.

- А эту песню я хочу посвятить самой красивой девушке на свете! Машенька, это для тебя!

Машка подняла голову и начала глупо улыбаться. Рядом с ди-джем стоял Паша. Из динамиков полилась медленная музыка. Паша быстро пошел к ней. Машка встала ему навстречу. На середине зала они встретились. Паша тут же обнял ее и закружил в танце.

- Ты сегодня так быстро ушла, - прошептал он, - я даже ничего сказать не успел.

- Я потом поднялась обратно, а тебя уже не было, - словно оправдываясь, говорила Машка.

- Главное, что я тебя нашел! – улыбнулся Паша...

Машка встряхнулась и запрыгнула в подошедший автобус. Расставание с Пашей было грустным. Первые два месяца они переписывались по интернету, слали друг другу фотографии. Паша жил в одном конце страны, Маша в другом. Оба понимали, что писать уже нет смысла, но с упрямым упорством продолжали. Потом Машка простудилась и попала в больницу с воспалением легких. Пока она лечилась, Паша перестал писать. Машка ничуть не удивилась. Роман в интернете не имел продолжения. Почему? Потому что так всегда бывает. Просто так... Потихоньку она забыла о нем, но иногда память все же давала знать об этом отдыхе в Австрии и Паше.

Автобус ехал по мосту. Машка машинально глянула вниз: прямо под мостом проходил поезд. Она улыбнулась и загадала совершенно невыполнимое желание.

В ресторане уже негде было яблоку упасть. Машка только тяжело вздохнула. Бармен Виктор вылупился на нее, чуть не разбив стакан, который протирал.

- Что увидел? – миролюбиво поинтересовалась Машка.

Витя только покачал головой. Машка посмотрела на него, как на дурачка, и пошла принимать заказ.

«Скорый поезд сообщением «Владивосток – Пермь» прибывает на первый путь...»

Толпа встречающих тут же ринулась на первый путь. Паша вывалился из поезда первым и застыл в ожидании знакомого лица. «Может, опаздывает, - думал он, глядя на часы, - девушкам свойственно!»

Но никто не пришел. Толпа на перроне рассосалась. Люди с распростертыми объятиями бросались на родных и друзей. Паша с завистью смотрел на них. Его не встретил никто. Неужели забыла? Он задумчиво двигался по улице, украшенной гирляндами и огнями. Не могла она не придти. Машка не такая. Она бы все бросила, но встретила. А может, нет? Может, он ее плохо знал? Всего две недели. Разве можно за это время узнать человека? Паша остановился. Нужно было что-то делать. И как ответ на вопрос, рядом остановилось пустое такси. Паша быстро запрыгнул в него и назвал Машкин адрес.

Машина мама подозрительно уставилась на незнакомого молодого человека в дверях и ответила:

- А Маши нет, она сегодня работает.

- Работает? – удивился Паша, - она же вроде училась?

- Она и сейчас учится, - кивнула головой мама, вытирая руки о фартук, - и работает тоже. Простите, а вы кем ей приходиться? Что-то я вас раньше не видела...

Паша не ответил на вопрос. Он развернулся и угрюмо побрел отсюда. Куда? Он и сам не знал. Паша чувствовал себя круглым дураком. Зачем он приехал в этот город, где его никто не ждет? Просто... Просто он понял, что жить не может без нее. Написал какое-то глупое письмо и сел на поезд, не дождавись ответа. Паша бесцельно бродил по незнакомым улицам, разбрасывая ногами снег. Большие настенные часы показывали ровно одиннадцать. Через час.... Новый год для одинокого сердца. Паша лишь горько усмехнулся и, сам не зная зачем, сел в подошедший автобус.

Машка бегала между столиками как заведенная, удивляясь, откуда у нее берутся силы? Наконец выдалась свободная минутка. Она мельком взглянула на часы. Ничего себе! Уже

без пяти двенадцать!

- Витя! – крикнула она бармену, - открой шампанское, а? Мы, что, не люди что ли?

Витя послушно вытащил бутылку и начал протирать бокалы.

- Давай скорее! – торопила его Машка, глядя на маленький телевизор, - там уже Путин!

Витя торопливо открыл бутылку и разлил шампанское по бокалам.

Паша не знал, куда его привез автобус. Он снова вышел на морозную улицу. На глаза сразу же бросился маленький ресторанчик. Через стеклянную стену было видно, какое царило там веселье. Все столики заняли веселые компании. А у стойки пристроилась официантка с барменом и шампанским. Пожалуй, там и для него найдется место. Паша взглянул на часы: без одной минуты двенадцать.... Он решительно толкнул дверь.

Машка уже кусала губы от нетерпения. Стрелки часов бежали медленно. Когда до Нового года оставалось буквально полминуты, зазвенели колокольчики над дверью. Машка выругалась и обратила свой взгляд на припозднившегося посетителя. Паша же с любопытством посмотрел на обернувшуюся официантку. И в тот момент, когда куранты начали отстукивать свое, их взгляды пересеклись....

Мгновенно в памяти всплыли картинки из прошлого: снежная Австрия, крутой спуск, Володя Косинов, увлекающий ее вниз, потом дискотека, самый первый и самый волнующий танец, две недели, проведенные вместе, и последний день каникул, долгое расставание, обещания, сначала чуть ли не ежедневные письма и пустой почтовый ящик....

Не веря своим глазам, Машка поднялась с места и, не замечая ничего вокруг, пошла к нему навстречу. Паша двигался, не осознавая, что все, что он видит, происходит наяву. И Машка, идущая к нему это не сон! Это наяву! Он неуверенно шагнул к ней. И через несколько секунд они уже стояли посередине зала, как тогда на Венской дискотеке, только вдвоем.

- Что ты здесь делаешь? – спросила Машка, не спуская с него глаз, словно боясь, что прекрасное видение исчезнет, стоит лишь только моргнуть.

- Просто... - Паша не мог найти нужных слов, - просто... Просто так надо, Маш, - он улыбнулся и тихонько коснулся губами ее кожи, - а я сам не знаю, что случилось... Просто увидеть тебя захотел... Письмо какое-то тебе написал...

- Ой, а я в интернете целую вечность не была! – спохватилась Машка.

- А я думал, ты про меня забыла! – облегченно рассмеялся тот.

- Паша, подожди минутку! – Машка вдруг сорвалась и кинулась к стойке, крикнув ему на ходу: только не уходи!

Поймав на себе удивленный взгляд бармена, она схватила свою шубу и понеслась к выходу.

- Маш, ты куда? – спросил удивленный Витя.

- Ухожу! – отрывисто ответила она.

- Надолго? – нахмурился тот.

Машка остановилась, загадочно улыбнулась и ответила:

- Навсегда!

Витя не успел ничего сказать: Машки, а вместе с ней и таинственного посетителя уже не было и в помине.

Они вышли на улицу. Странно, но утренний мороз куда-то исчез. Воздух был теплым и каким-то особенным. В нем витал запах счастья, запах чуда и запах Нового года...

Они шли по праздничным улицам, держась за руки и не говоря ни слова. Казалось, любые слова разрушат ту волшебную сказку, которая произошла с ними под Новый год.

- И все-таки чудеса случаются, - прошептала Машка.

- Почему? – в тон ей спросил Паша.

Оба промолчали, но подумали об одном и том же. Почему? Почему... Просто так... Просто так надо...

Нелли Николаевна ТЕПЛОУХОВА

Детская мечта Нелли Теплоуховой - выступать как артистка на сцене - сбылась с лихвой. Она очень ярко и самобытно играет роли в спектаклях самодеятельного театра Ильинского Дома культуры, участвует в праздничных сценариях, пишет их сама. Кроме того, прекрасно танцует одна и в составе танцевальной группы, которой руководит.

В поселок Ильинский Нелли приехала из небольшой деревни Юрлинского района, Пермской области, где родилась в 1967 году. С Ильинским связаны лучшие моменты ее жизни. Здесь окончила школу, заочно училась в институте культуры на режиссерском отделении. Вот уже 13 лет работает балетмейстером в районном Доме культуры.

Стихи Нелли сочиняет со школьных лет. В студенческие годы, когда училась в Пермском культпросветучилище, начала писать песни. Тексты и музыку к ним помогает сочинять гитара: берет ее в руки, трогает струны - и рождаются стихи и мелодия.

У Нелли неумемный характер, даже иногда озорной. Она любит веселые шутки, общение с интересными людьми. Порой ей хочется побыть одной в тишине, помечтать, подумать о смысле жизни. Оттого и песни и стихи ее такие разные - зависят от настроения.

Солнышко

(Песенный вариант)

Не просите меня
Петь весёлые песни.
И простите, друзья,
Что некстати грущу.
Я хочу видеть вас
И быть с вами вместе,
А о бедах своих
Промолчу, промолчу.

ПРИПЕВ:

*Что-то нынче солнышко
Светит, да не греет,
А у одной неволюшки
Пальцы леденеют.*

Мне на картах судьбы
Выпадает дорога,
Роковая любовь,
Мой крестовый король.
Мне ещё мало лет
И загадано много.
Ждёт меня впереди
Моя главная роль.

ПРИПЕВ:

Не смотрите вы так,
У меня всё в порядке.
Ах, какой вы чудак...
Нет, я вас не люблю.
Мне не нужен чужой,
Да одной жить не сладко,
Но не буду о том,
Я вам лучше спою.

Суть

Кто-то приходит, кто-то уходит,
Кто-то всегда с тобой.
Кто-то теряет, кто-то находит,
Кто-то обрёл покой.
Только однажды, бег замедляя,
Ты понимаешь вдруг,
Что неизбежно все попадают
В замкнутый жизни круг.
 Встречи, прощанья, дом и заботы –
 Всё чередой идёт.
 Если из круга вырвется кто-то,
 Вряд ли назад войдёт.
 И серые будни прочь отменяя,
 Заново будет жить.
 И по-другому мир принимая, -
 Верить, прощать, любить.
Это так просто – взять улыбнуться,
Тихо сказать: «Люблю».
Крылья расправить, в небо взметнуться,
Душу открыть свою.
Каждой секундой, каждой минутой
Свой наполняя путь,
Радость дарить и быть нужным кому-то –
В этом всей жизни суть.

В краю родном

Край ильинский мой, милый и родной,
Я живу с тобой одной судьбой,
О тебе с душою песни я пою,
Как в краю родном хорошо живу.
 И журчит, поёт Обва-реченька,
 Как любовь, она бесконечная.
 Широко течёт, разливается,
 Далеко бежит, не кончается.
Над рекой клинышком радуга,
Богатырский лес душу радует,

Затекает песню соловушка.
Хороша ты, наша сторонушка!
А заря встаёт розой светлою,
Новый день нас встретит приветливо.
Так давайте жить, не печалиться,
Потому что жизнь продолжается.

Ворона

Сидела ворона на ветке сосны,
Мечтала ворона о счастье, как мы:
Что сыр вдруг найдётся, лисица придёт
И снова ей ласково, тихо споёт:
«Какие пёрышки, какой носок
И, верно, ангельский быть должен голосок...»
Но нет лисицы и сыра нет,
А я спою вам второй куплет.

Такой вот вороной бываем мы все.
Бог сыру пошлёт – и довольны вполне.
Сидим и зеваем, набивши живот,
И ждём, когда нам кто-нибудь пропоёт:
«Какие пёрышки, какой носок
И, верно, ангельский быть должен голосок...»
Ах, как приятно, чёрт побери!
Что, хочешь сыру? Да на, бери!

Хожу я под Богом и Бог мне судья,
Но я не ворона, ворона не я.
И сколько угодно я сыру найду,
Сама себе песенку тихо спою:
«Какие пёрышки, какой носок
И даже лучше, чем у примы, голосок...»
Но ни к чему мне наверх взлетать –
Больнее падать, трудней вставать.

Станислав Иванович ЧЕПУРИН

«Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете...» - любимая песня Станислава Ивановича Чепурина. Около сорока лет посвятил он журналистике: работал заведующим сельскохозяйственным и партийным отделом, ответственным секретарем, заместителем главного редактора районной газеты «Знамя», и в полной мере испытал справедливость песенных строчек.

Кропотливо, взвешивая каждое слово, оттачивая фразы, писал каждый день летопись дел района, очерки о людях труда, критиковал недостатки. Вкладывал максимум души, знаний в газетное дело. Внимательно вычитывал готовящиеся к выпуску страницы издания, правил ошибки.

Творчество С. И. Чепурина выразилось и в его многочисленных хобби. Станислав Иванович увлекается искусством фотографии, рисованием – неоднократно выставлял свои картины на выставках. Любит поэзию, сочиняет стихи, которые печатаются в районной газете.

Уже много лет он коллекционирует почтовые марки, открытки, денежные и нагрудные знаки и значки, спичечные этикетки, собирает домашнюю библиотеку.

Журавли летят на юг

Журавли летят на юг
Следом за теплом,
Покидая до весны
Свой родимый дом.
И курлыча в небесах,
Где-то выше гор,
Меж собой они ведут
Птичий разговор.
«Девять месяцев зимы -
Это не пустяк, -
Поучает молодых
Опытный вожак, -
Нас укроет от невзгод
Благодатный юг:
Там не знают холодов,
Не бывает вьюг.
Только как ни хороши
Теплые края,
Нет милее для души,
Чем моя земля!

Ильинская лирическая

Заалела полоска заката
Над притихшею Обвой – туман.
Где-то песню запели девчата,
Вторит им голосистый баян.
В ней - рассказ про родную сторонку,
Про раздольный Приобвинский край
Да про лучшую в мире девчонку,
Ту что встретил весной невзначай.
Песня ширится, вдаль улетает,
Белой чайкой над Обвой парит.
За рекою закат догорает,
Ночь прохладу и отдых дарит.
Утром нас ожидает работа,
И поселок давно уже спит,
Но домой уходить неохота,
Если песня над Обвой звенит...

Сочинять – не дрова рубить

Сочинять – не дрова рубить:
Там взмахнул топором - и готово!
Здесь же нужно употребить
Строго в рифму звучащее слово.
А такое непросто найти,
Хотя слов существуют тысячи.
Их лопатой надо грести,
Может, что-то тогда и отыщется.
Отыскал - и составил строчку,
Вслед другую нужно искать...
Нет! Довольно! Поставлю точку
И пойду топором махать!

Вернись, детство!

Босоное детство,
Ты умчалось куда-то
По тропе неизвестной,
В край, не знаем какой.
Уж давно стали дедами
Озорные ребята,
Что все дни проводили
Над Обвой-рекой.
Беззаботное детство,
Мы тебя торопили -
Так хотелось скорее
Взрослыми стать.
Как отцы воевали,
Трудились, любили –
Мы спешили все это
На себе испытать.
А теперь, когда старость
Стоит у порога,
О другом мы мечтаем
В ночной тишине:
Ах, как хочется в детстве

Побыть хоть немного,
Босиком пробежаться
По росистой траве!..

Гонит порывистый ветер
Желтые листья берез,
Хрупким ледком на рассвете
Лужицы кроет мороз.
Ярким костром пламенеют
Кроны у робких осин,
Алыми бусами рдеют
Грозди на ветках рябин.
Дремлют задумчиво ели,
В зимний одевшись наряд.
Там, где колосья шумели, -
Скирды соломы стоят.
Дымкой подернулись дали,
Стелется пухом снежок,
Дни уж короткими стали,
Смолкнул пастуший рожок...

Ольга Валентиновна ЮДИНА

Ольга Валентиновна Юдина сумела бы сказочную Золушку превратить в принцессу. Она со школьных лет занимается рукоделием. Многие годы ведет кружки «Кройки и шитья», «Волшебный лоскуток», «Золушкина мастерская» - в школе, районном Доме культуры, библиотеке. Не раз участвовала в районных выставках мастеров прикладного искусства. По итогам одной из них была награждена почетным дипломом. Ее изделия, сшитые из лоскутков, салфетки, покрывала – настоящее чудо прикладного искусства.

Она уроженка Ильинского района, учительница начальных классов. Убеждена, что преподаватель – профессия глубоко творческая и постоянно доказывает это своей деятельностью. Ольга Валентиновна пишет стихи про человеческие взаимоотношения, про роль женщины в современной жизни. Стихи издавались в брошюре, объединяющей литературное творчество учителей Ильинской средней школы № 2, а также в сборнике стихов преподавателей района «В начале жизни школу помню я». Готовится к выпуску новый сборник.

Ты женщина –
И в этом вся проблема...
И в этом вся простая жизни суть.
И никакая, знаешь, перемена
Не обойдет тебя, уж ты не обессудь.
Как хочется порой тебе тепла,

А ты должна быть сильной и упрямой.
А помнишь, ты ребеночка ждала?
И наконец впервые стала мамой?
И в дни и ночи трудные твои
Не все была и помощь и участие.
А помнишь, ты просила у судьбы
Простого человеческого счастья?
Чего-то ты всю жизнь свою ждала –
Чтоб он принес тебе весны, тепла,
Заботы, нежности, любви и просто ласки.
Мечта у женщин чуточку смешна –
Расправив крылья, вместе в небе плыть.
Хочу я просто – быть ему нужна!
Я женщина!
И я хочу ей быть!

* * *

В светящихся окнах застывших домов
Мерцает чужая семейная тайна.
Везде живут люди, и им невдомек,
Что кто-то их жизни коснется случайно.

Коснется, как молнией, мыслью своей,
Слегка отодвинув красивые шторы.
Тихонько, как мышь, прошуршит у дверей,
Пройдя невидимкой сквозь щели забора.

Да пусть все живут, как хотят, как взбредет.
У всех свои семьи, заботы, проблемы.
Пусть в каждую дверь постучит Новый год!
И добрые всем принесет перемены!

О женской красоте

Должна быть в жизни женщина красивой...
Слух режет слово твердое, как лёд.
Чем обладать она должна на диво?
Какой такой красой? – вопрос встает.
Не тою красотой, что торопливо
Уходит от неё куда-то вдаль,

С годами оставляя сеть морщинок
Да в сердце затаённую печаль.
Она прекрасна внутренним сияньем
И глубиной своих открытых глаз,
И будучи загадкой мироздания,
Мужчину удивляет каждый раз.
Красива верностью неоценимой
И силою, всему наперекор.
Должна быть в жизни женщина любимой!
Должна быть! И не ставь вопрос на спор.
Обязана быть женщина счастливой...
И несмотря на трудное житьё,
Легко нести в походке горделивой
Святое обязательство своё!

24.01.2003

* * *

Как слезинка с ресницы скатилась дождинка -
Это осени песня растрогала вновь.
Мне взгрустнулось, ведь жизни уже серединка,
И в туманной дали заблудилась любовь.

Вот смахну я дождинку рукою небрежно,
Пусть она улетает в осеннюю даль.
Я хочу оставаться по-прежнему нежной,
Хоть и лет уходящих немножечко жаль.

Пусть дочурка смеётся, что мама мечтает.
Я такая уж есть, от себя не бегу.
Ведь в любви все рождается и расцветает...
Быть женщиной я без любви
Не могу!

Сестренка

Сестренка, ты словно цветочек лазоревый.
Такой, что растёт в придорожной траве,
Что к солнцу стремится, росой напоенный,
Качаясь былинкой в небес синеве.
Как этот цветок, с непогодой борешься.

Открыто, не пряча лицо от грозы.
Ты так же, как он, от дождя не хоронишься,
Боясь потерять отраженье красоты.
Как он, сорняки ты обходишь сторонкою
И тянешься к людям, в ком есть первоцвет.
И в тридцать себя ощущаешь девчонкою,
Хотя за годами событий букет.
Бывает, свой взгляд ты отводишь застенчиво,
Когда речь заходит о взрослых вещах.
В тот миг забываешь о том, что ты женщина
И грузе, который лежит на плечах.
А груз этот - время печалей и радостей,
Чернильные пятна бессонных ночей,
И тайна любви, и минутные слабости,
Тревога в груди, когда хворь у детей.
Я знаю, за милою, скромною внешностью
Скрываешь талантов немереный клад.
И вновь, недовольна своею успешностью,
Стеной пробиваешься сквозь камнепад.
Где силы берешь и свое вдохновение?
Свой взор обращаешь к каким ты богам?
Пусть ждет на пути тебя лишь озарение!
Цвети, мой цветочек,
На радость всем нам!

07.02.2003 г.

Ольга Николаевна ЯКОВКИНА

Учительница литературы Ольга Николаевна Яковкина с детства была страстным книголюбом, но больше всего любила историческую литературу, в частности, греческую мифологию, поэзию. Особенно нравилось ей творчество С. Есенина. Под его влиянием начала писать свои стихи о природе.

Уроженка Косинского района, Пермской области, она обрела на ильинской земле свою вторую родину. Много лет преподает русский язык и литературу в средней школе № 2. Очень любит свою работу,

завоевала в творческом конкурсе титул «Лучший по профессии» среди учителей района. Больше всего ценит в людях такие качества, как искренность, сердечность, не терпит безответственности. Старается быть оптимисткой, верить в лучшее, быть полезной людям. Ольга Николаевна отзывчивая мама двум сыновьям, Диме и Сереже, и мама в руководимом ею классе.

Осень

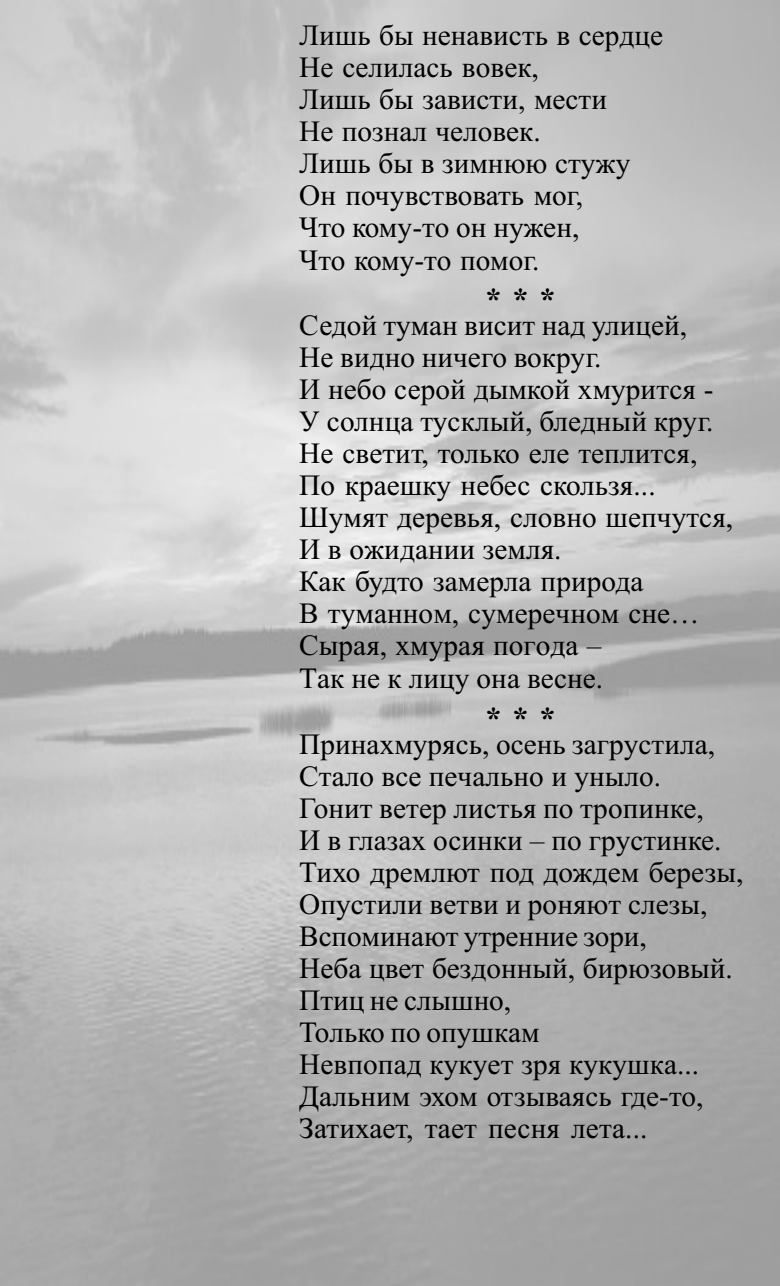
Осень багрянцем покрыла дорожки,
Брызнула золотом ярким на сад.
Не надо спешить, подожди хоть немножко,
Послушай, что клены тебе говорят.
Их шелест листвы золотой все печальней,
Хоть солнцем земля еще теплым согрета,
Но в тишине чистой, ясной, хрустальной
Природа прощается с солнечным летом.

Весна

Хочется, хочется, хочется
Сердцу немного тепла,
Простятся, простятся, простятся
В душу любовь и весна.
Снежные, снежные, снежные
Зимние ночи прошли.
Нежные, нежные, нежные
Песни несут журавли.
Радует, радует, радует
Песни весенней привет,
Падает, падает, падает
Белой черемухи цвет.
Кружатся, кружатся, кружатся
С ветром весенним цветы.
Верю, конечно же, сбудутся
Тайны мои и мечты.

Что нужно для счастья?

Что нам нужно для счастья
В этой жизни земной:
Много дней без ненастья?
Дерзость или покой?
Продвижение по службе?
Денег целый мешок?
Может, верная дружба?
Может, ветра глоток?
Или шорохи сада
Звездной ночью весной
И тумана прохлада
Над уснувшей рекой?
Славы, власти коварство?
Новый модный наряд?
Чье-то верное сердце?
Чей-то ласковый взгляд?
Да, конечно же, счастья
Каждый хочет по-своему,
И, наверно, неважно
Из чего оно скроено.

Лишь бы ненависть в сердце
Не селилась вовек,
Лишь бы зависти, мести
Не познал человек.
Лишь бы в зимнюю стужу
Он почувствовать мог,
Что кому-то он нужен,
Что кому-то помог.

* * *

Седой туман висит над улицей,
Не видно ничего вокруг.
И небо серой дымкой хмурится -
У солнца тусклый, бледный круг.
Не светит, только еле теплится,
По краешку небес скользят...
Шумят деревья, словно шепчутся,
И в ожидании земля.
Как будто замерла природа
В туманном, сумеречном сне...
Сырая, хмурая погода -
Так не к лицу она весне.

* * *

Принахмурясь, осень загрузила,
Стало все печально и уныло.
Гонит ветер листья по тропинке,
И в глазах осинки - по грустинке.
Тихо дремлют под дождем березы,
Опустили ветви и роняют слезы,
Вспоминают утренние зори,
Неба цвет бездонный, бирюзовый.
Птиц не слышно,
Только по опушкам
Невпопад кукует зря кукушка...
Дальним эхом отзываясь где-то,
Затихает, тает песня лета...

Игорь Владимирович ЮРКЕВИЧ

Трудовой стаж у ветерана педагогического труда и спорта И.В. Юркевича приближается к пятидесяти годам. Интересна и незаурядна его биография. Родился в 1932 году, в Челябинске. Детские и школьные годы прошли в городе Чермозе, Ильинского района. После окончания средней школы поступил в Свердловский государственный университет.

В 50-е годы многие молодые люди уезжали по комсомольским путевкам на крупнейшие стройки Сибири. Вот и Игорь Владимирович

поехал в один из крупных районов Красноярского края, где работал учителем и директором вечерней школы, а затем был избран секретарем райкома комсомола.

В 1961 году вернулся с семьей в Чермоз, стал работать в родной школе учителем истории, завучем. Учителя избрали его секретарем партийной организации, он входил в состав Пленума Ильинского районного комитета партии. В это же время Игорь Владимирович вместе с учениками создал спортивную школу по настольному теннису. Активно участвовал в КВНовских играх.

В 1969 году местные органы власти направили педагога руководить областной школой слабовидящих детей в городе Чермозе. В 1981 году И. В. Юркевич возглавил школу-новостройку в д. Посер, Ильинского района. Через тринадцать лет ушел на пенсию, но связи со школой не порвал – работал тренером спортивного клуба «Обва».

В настоящее время Игорь Владимирович – председатель физкультурно-спортивного клуба инвалидов района, возглавляет федерацию настольного тенниса, имеет звание «Отличник физкультуры и спорта», медаль «За доблестный труд», многочисленные грамоты, дипломы.

В 50-е годы И. В. Юркевич активно сотрудничал с журналом «Сельская молодежь». В 90-е возобновил занятия ли-

тературным творчеством. Написал сборник рассказов «Камские дали» - о природе и жителях Прикамья в 40-60-е годы прошлого века, повесть «Плотогоны», из жизни подростков военной поры. Сейчас работает над повестью «Журавли».

Графские луга

*Посвящаю бабушке моей,
Некрасовой Ульяне Федотовне.*

На выдень. Эти два слова не известны и не знакомы современному чермозяну. А в сороковые-пятидесятые годы эти слова были на слуху и понятны малому и старому. На выдень – это значит сходить за ягодами в один день, без ночевки. В те далекие годы взрослое население Чермоза жило в напряженном трудовом ритме. На металлургическом заводе, в леспрохозе, во всех других мелких организациях была шестидневная рабочая неделя, выходной - воскресенье. Один выходной, а сколько дел надо переделать: сено поставить, вывезти, дрова напилить, затем наколоть, сложить красиво в поленницу. А домашней работы не переделать: надо время на скот, и на огород и. т. д., заготовить на зиму грибы соленые, сушеные, по ягоды сходить. У чермозян был своеобразный культ ягод. Пришел он из далекого девятнадцатого века и передавался от отца к сыну, от бабушки к внучке. Все, кто мог ходить, с детских лет до глубокой старости ходили в ближние и отдаленные ягодные места.

Зато как хорошо в праздник выставить гостям вазочку душистого клубничного варенья или тарелку томленной в печи голубики с патокой! До чего были вкусны шанежки у моей бабушки! И так в каждой семье. А когда наступит великий пост, здесь ягода, грибы и всякий овощ ох как нужны! Они дают пищу, витамины и скрашивают весьма скромную диету верующего. Бабушка моя была глубоко верующим человеком. Она была согласна каждый день отпускать меня в лес, лишь бы я принес грибов или ягод. Она заботилась о будущей диете в великий пост.

Считалось, кто на зиму грибы, ягоды не заготовил, тот лентяй, несерьезный человек, неисправный хозяин. В огородах и палисадниках чермозяне не имели привычки рассаживать ягод-

ные кустарники. «Зачем ягоды на дому выращивать? – рассуждали они. - Куда ни пойдешь в лес, ягод столько, хоть ведром черпай». А маршрутов ягодных было столь много, что если считать на пальцах, то и двух рук не хватит.

Наступила ягодная пора. Что делает бывалый ягодник? Он отправляется на ягодное болото на выденье. Это значит, что нужно встать в три часа ночи, отшагать пятнадцать-двадцать пять километров, смотря куда идёшь, целый день ходить по болоту, собирая ягоды (а километры накручиваются!), затем - путь обратно с тяжёлыми корзинами. Обычно возвращались домой усталые, но довольные. А на часах уже два часа ночи. Почти сутки на ногах! Не каждый человек мог выдержать такое напряжение.

Помню, мне было десять лет. Я канючу:

- Бабушка, возьми меня на выденье.

- Рано еще тебе, силёнок подкопи, - отвечала она. - Твои ягоды у Новосёл, Незнакомки, Каракоски.

И вот как-то летом, мне уже было двенадцать лет, бабушка говорит деду:

- Иду на графские луга за клубникой на выденье, хочу взять с собой Игоря.

- Пора его проверить, - усмехнулся дед. - Я-то в одиннадцать лет ходил первый раз на выденье за Каму за клюквой.

Дедушка взял в жёны мою бабушку, Ульяну Федотовну, с подгорной стороны Чермоза. Подгора находилась за рекой Чермоз, начиналась она с заводской плотины и уходила на юг веером улиц по направлению пойменных лугов и сосновых лесов. Подгорские девушки прославились в посёлке (Чёрмоз ещё тогда не был городом) ягодными походами на Графские луга. Эти луга привольно раскинулись в том месте, где сходятся две реки: Кама и её правый приток Обва. Графскими они назывались неслучайно: все луговые уголья по реке Обве, от Слудки до Ильинского, принадлежали графам Строгановым - первопроходчикам Северного Урала. И славились эти места травой, рыбой, пернатой дичью, диким чесноком, кислицей и, конечно же, ягодой - клубникой, рябиной, калиной, черёмухой, смородиной, боярышником. Королевой ягод на Обвинских просторах была клубника, крупная и душистая. Девчата уходили за ней на

выдень и приносили домой полные ведра и корзины.

Итак, я иду на Графские луга! Я бросился к деду:

- У меня всё есть, а что на ноги надеть?

- Возьми коты, они лежат в амбаре на полке.

Улёгся спать пораньше. Но уснул не сразу: всё думал, какие они на самом деле, Графские луга?

В три часа ночи собрались. С нами были три девушки с Советской улицы и один мальчик моих лет, Стёпка Выголов, мой главный соперник во всех уличных играх. Его решила испытать на прочность и выносливость старшая сестра Катя.

Как только мы прошли пойменные луга и вступили в лес, слева от нас среди деревьев замелькали солнечные блики, тропинка под ногами уже хорошо просматривалась, где-то над основным бором за Камой поднималось дневное светило, разгоня утренние сумерки. Обильная роса смочила нам ноги, воздух был упоительно свеж, лесные запахи кружили голову. Мы шли радостные и весёлые, в предчувствии чего-то яркого и удивительного.

Тропинка привела нас к Каме, и мы вошли в Большой сосновый бор. Нам предстоял утомительный долгий путь по берегу Камы до выхода на Обвинские луга. Я обратился к бабушке:

- Бабушка, расскажи, почему этот бор называется Большим?

- Дорога у нас длинная, можно и рассказать. Отец мой говорил: «Хочешь путь сократить, начни байки рассказывать. Не заметишь, как ты уже у цели».

Было это очень давно. Но уже после манифеста царя о воле. Жил на Таврической улице недалеко от нас лесник Матвей Мороз. Хозяин был крепкий. Хозяйство большое вёл: две коровы, лошадь, овцы, птица домашняя. Работал лесником от завода. Жена управлялась по дому. В старые годы не принято было бабе где-то робить: сиди дома, рожай детей, воспитывай. Трое детей подрастало у Матвея: старшенький Александр, кличка Большак, лет двадцати, Алёна на десять лет моложе брата, со мной одноклассница, вместе сначала на улице играли, а потом на вечерки стали бегать; и меньший, Андрей, ему в ту пору три года исполнилось. Александр, как я помню, был уже в полной мужицкой силе: высокий, статный, косая сажень в плечах, кудрявый, улыбчивый, очень добрый и обходительный - мухи не

обидит. В свободное время уходил с ружьем в леса. А еще больше любил помогать отцу в его лесных работах.

Матвей Мороз в то время занимался посадкой сосны за лугами на берегу Камы. Сашка, его сын, был у Матвея первым помощником. Отстоит с утра смену на мартене, у огненной печи, и скорей к отцу в лес. Не одну тыщу деревьев посадил он вместе с отцом.

- Ну, Большак, ты у меня молодец! Что бы я без тебя делал, - говорил старый лесник.

- А как назовем лес, батя? - не раз спрашивал Александр. У нас в округе все леса названия имеют.

- Подожди, придет время, дадим и ему название.

И вот однажды принес Матвей из заводской конторы карту и подзывает сына:

- Большак, видишь Каму, это Ивановы луга, а вот сосновый бор, который мы засеяли. Читай его название - Большой бор. А назвали его в честь тебя, Большака.

Так и прозвали этот сосняк Большим сосновым бором. Хотя этот бор и молодой, но легенд и сказаний о нем много ходит.

Погоди, Игорь, не перебивай меня. Рассказ мой еще только начинается. Однажды принес Александр из леса белку большую, всю израненную. Видно, куница или рысь её трепали, а задавить не смогли. Убегла векша от них. Отдал Сашка эту белку Алене и наказал:

- Лечи ее, поправится, весной в бор унесу.

И прозвали эту белку Векшей. К весне она поправилась, окрепла, раздобрела, привыкла к людям, особенно к Сашке и Алене. Зверь, а понимает, что о нем забота есть: и с рук охотно все ела. И по голове и плечам Сашки бегает, с ним играет. Подоспело время, и Сашка отнес зверюшку обратно в лес. В этот год, только уже поздней осенью, по снегу, пошел Александр в сосновый бор с ружьишком. Долго ходил он по бору, устал, присел на пенечек под сосной и задумался. И прилетает ему сосновая шишка в лоб. Оглянулся, вверх посмотрел: на ветке белка сидит и шишку лушит.

- Векша, Векша, - позвал Сашка белку и положил кусочек шанежки на ладонь. Она спустилась и принялась за еду. Съела белка гостиницу, потом отбежала прыжками на край поляны,

сидит у елки и верещит. Звал, звал охотник Векшу - не идет. Дай, посмотри, что она там нашла? Подходит и видит: огромная нора ведет под корни в глубь дерева. Белка скрылась в норе и опять верещит. Любопытно стало Сашке: куда его белка зовет? Слышал от стариков про клады, про лешего, про добрых и злых колдунов, которые богатство охраняют. А вдруг клад?

Оставил ружье на траве и полез в темную нору. Белка впереди, он за ней. И попал вскорости парень в большую земляную комнату. Огляделся, видит железную дверь, в скважине ключик. А где белка? Нет ее - исчезла! У Сашки, конечно, руки, ноги задрожали: Клад! Батюшки-святы! Неужели счастье привалило? Осенил он себя крестным знаменем, открыл дверь и вошел. Смотрит большая комната, сверху струится голубоватый свет, посреди комнаты стол, заставленный всякими украшениями, а у стен лари дубовые. Подошел он к первому - там деньги медные, заглянул во второй - рубли серебряные, к третьему ларю бросился – господи, одни золотые монеты старой чеканки! Что делать, как быть? И решил Сашка: возьму монеты золотые, набью карманы, сколь влезет. Размечтался: ружье себе куплю бельгийское, батю лошаадь чистокровных кровей, оденусь, остальные деньги на новый дом.

Стал выходить, толкнул дверь, а она закрыта, и ключика нет! Полчаса целых бился парень с дверью - ни туда, ни сюда, ни вперед, ни назад! Струхнул тут Сашка: «Нечистая сила не выпускает!» Как подумал, что ему навеки не выйти, волосы на голове дыбом, мороз по коже продрал, ноги подкосились - не идут! Руки машинально крестное знамение кладут, а губы шепчут молитовку.

- Что-то ты быстро приуныл, - слышит он сзади девичий звонкий голос. Обернулся. Стоит перед ним стройная красивая девушка в черном сарафане, на голове корона блестит, на плечах богатая беличья шуба. В руках она держит поднос.

- Клад этот в подземелье завещан знаменитым разбойником Бусаем. Он тому в руки дастся, кто поклянется богатство его употребить на общее дело. Читай молитву и твори клятву!

Пообещал Сашка деньги взятые употребить на строительство церкви. Как раз в это время у нас на Подгоре ее закла-

дывали.

Улыбнулась красная девица:

- Добро, так и будет! А теперь искушай пива моего лесного и закуси.

И подает ему кружку пенного пива и пироги из брусники. Выпил, закусил и промолвил Сашка:

- Спасибо за все.

- Помни, что клятву дал, - сказала девушка. - От себя дарю сосновую веточку с шишкою. Прими дар от чистого сердца. Взял Сашка подарок и оглянуться не успел, как опять в лесу оказался, на том пенечке, под той самой сосной. Сидит и размышляет: сон это был или не сон? В руках у него ветка сосновая, спохватился, руки в карманы сунул: Золото! Значит был он наяву в подземелье и клад нашел. А кто же эта девушка? Потом уже до него дошло: белка Векша, им спасенная. А как перешагнул порог дома, ветка, волшебницей дареная, в раз потяжелела. Глядит парнице - в руках ветка из чистого серебра, а сосновая шишка чистым золотом сверкает. Вот такая история с ним приключилась.

- А дале-то как, бабушка? - кто-то спросил из девушек.

- А дале было так. Назавтра, как бы мне не соврать, на льду речки Чермоз сошлись в кулачном бою горские и подгорские парни и мужики. Помню я этот бой. Мы с Аленкой забрались на крышу конюшни Ефима Авдеева - хорошо нам оттуда было видать.

Сначала, как водится, мелочь сражалась. Мальчишки кулаками помахали, носы поразбивали и разошлись. А потом пошла стенка на стенку. Бойцы все крепкие, могучие, не раз в жестоком кулачном бою проверенные. У подгорских, естественно, вожак Сашка Мороз, а у горских Савка Сырвачев, сын богатого на весь завод купца Федьки Сырвачева. Савка был парень крепкий, ухарь, хитер и изворотлив. Весь в своего батюшку, купца-пройдоху. И сошлись они, и началась промеж их драка, другого слова не придумаешь. Стали одолевать горские мужики подгорских. Савка во всю разошелся. Как ударит, так супротивник валится на лед. Дивится народ - откуда у Санки такая прыть. И подошло время к тому, что трое остались подгорских и Сашка Мороз, а горских десятка полтора. Окружили

они Подгору и давай метелить! Народ с горы уже начал ликовать:

- Ура! Наша ломит!

Но не тут-то было! Глядел с берега вместе с подгорскими на этот бой Матвей Мороз. Взыграло у него сердце. В старые годы был он непобедимый боец. Сбросил шубу и кинулся на лед.

- Сашка! - кричит, - держись!

Ох, что тут было! К этому времени Сашка один уже бился с шестью горскими. Подбежал отец к мужикам, раскидал их и бросился к Сашке. Встали отец и сын друг к другу спиной и давай молотить горских. Не могут те у Морозов слабину найти: как подойдут, так от могучих ударов Морозов на лед валятся. Прошло минут десять, и остался на ногах один Савка. Сашка и говорит отцу:

- Батя, охолонься маленько. С Савкой я сам разберусь.

Первым ударил Савка в лоб Морозу. Покачнулся Сашка, но устоял. Кровь струйкой потекла по лбу. Ударил и он в свою очередь. Плашмя, как чурка, на лед свалился Савка. Мороз подошел к противнику, сдернул перчатку и вытащил маленькую чугунную гирьку на резине и показал всем:

- Нечестно дерется Гора. За это Савку не так надо наказывать!

Поднялся Савка под свист и осуждающие крики зрителей, сплюнул два зуба со слюной и кровью и пригрозил:

- Подожди, щенок подгорский, я тебя достану. И ушел.

А через день прямо на работе, у печи, Александра Мороза арестовали.

- За что? - возмутился Мороз.

- Убивец ты и грабитель, вот ты кто, - отвечал заводской пристав.

И надо же, как чудно сплелось все в одно время. Сашка золото нашел, на церковь его отдал, об этом многие узнали. И в ту же пору в лесу, неподалеку от дороги Чермоз – Ильинское, покойника подняли. Богатый, говорили, купец из Карагая ехал по делам в Чермоз и тут себе смерть нашел. Сырвачев Федор по навету Савки жалобу настрочил на Александра. Что, дескать, Мороз купца убил и золото себе присвоил, на церковь для

отводу глаз дал, а сколько себе захапал, надо еще разобраться! Золото, стало быть, не из клада, а купеческое! Вот так умело Сашку обложили, что ему и нечего сказать. А что он мог рассказать? Как он в нору полез за белкой, клад нашел. Сказки это все! Его бы на смех судьи подняли. Скорехонько суд собрали, обсудили, засудили и приговорили за убийство и грабеж к двенадцати годам каторжных работ в рудниках Сибири.

Дней через пять после суда слышим: «Сашка Мороз ушел!» Решетки в окне сломал и был таков. Искали его долго и в лугах, и в лесах. Напрасно! Как в воду канул! В народе слух пошел: векша-колдунья его к себе забрала. Женился он на ней, в подземных палатах живет. А жена его, колдунья, на волю к родным не пускает. А может, и зря говорят. Взял он лодку - сколько их на Каме стоит - и уплыл вверх или вниз по реке. А потом подался на Алтай или в Сибирь, поселился под другой фамилией или в казаки записался. И больше его в Чермозе и не видали.

Слушая удивительный рассказ бабушки, мы не заметили, как подошли к лесной речке. Через нее был переброшен висячий мост, сколоченный из досок и жердей.

- Вот и Звериная, - сказала бабушка. - Дальше пойдут перелески, а потом луга.

Сумрачная прохлада соснового бора внезапно отступила, и мы вышли на луговицу. Конская дорога обогнула рябиновую рощу, затем липовую и устремилась на луга. Иногда попадались ляги, проросшие камышом. Солнце все выше поднималось в синюю лазурь неба, обогревало своим теплом все живое и неживое. В рощах стрекотали шумно сороки, сзади, в сосновом бору, кукушка, как бы прощаясь с нами, принялась отсчитывать кому-то жизненные годы; где-то впереди в кустах заливался восторженными трелями соловей, его поддержал второй, третий. Жаворонки, высоко-высоко поднявшись в небесную высь, невидимые человеческим глазом, где-то в ярких лучах солнца, пели восторженный гимн всей этой ослепительной природе.

Свернув с дороги, пройдя через заросли калиновой рощи вперемежку с можжевельником, мы выбрались на Красную гору, так ее называли местные жители. Перед нами открылась

чудесная панорама: внизу, у подошвы горы, могучей стеной стоял шиповник, дразня зелеными плодами; дальше, сколько можно охватить взглядом, раскинулись Графские луга, проросшие нежной зеленью буйной травы, вдали, у горизонта, сверкая серебристой парчой, привольно несла свои воды Обва; кое-где серебряными пятками блестели таежные пойменные озера. У самого впадения Обвы в Кам, на возвышенности отчетливо виднелось село Слудка, родина почти всех камских капитанов. За Слудкой, в неясной сонной дымке, стояли задумчиво хвойные леса, убаюканные тишиной и дневным зноем. Редкое богатство красок и разнообразие растительности, обласканное солнцем, умытое росой, живописные картины природы очаровали нас, и мы замолкли, думая каждый о чем-то своем.

Но молодость есть молодость! Зазвучали возбужденные голоса, радостный смех, и мы буквально скатились с горы и, обойдя колючий шиповник, вбежали на луг, изумрудно-зеленый, пахучий, необъятный.

Бабушка, опираясь на подобранную в лесу палку, осторожно спускалась вслед за нами. И пошла работа! Не разгибая спины, мы сосредоточенно собирали спелую и ароматную клубнику. Чем дальше мы продвигались к середине луга, тем больше становилось ягод. Мне никогда не приходилось больше встречать столько крупных ягод, величиной с грецкий орех. С увлечением взялся я собирать королеву Графских лугов.

Время продвигалось к обеду, и наши ведра быстро наполнялись клубникой.

- Споем, девчонки, - предложила Катя и запела:

«Ой цветет калина в поле у ручья.

Парня молодого полюбила я,

Парня полюбила на свою беду.

Не могу открыться, слов я не найду!

Мы поехали, и песня, душевная и проникновенно грустная, понеслась над лугами.

После обеда, когда полуденная жара стала ослабевать, бабушка сказала:

- Девчата, айда на Марьину старицу. Там ведерки и завершим. Люблю я это место. Да и уходить будем другой дорогой.

Все согласились, бабушка нашла тропинку и по ней повела

нас. Обошли болотную низину, поднялись в гору, прошли березовой рощей, опять спустились на луга.

Перед нами лежал обширный луг, поросший с трех сторон густым кустарником. С четвертой стороны он упирался в большое лесное озеро.

- Марьяна старица, - указала рукой бабушка. - Здесь остатнюю ягоду соберем.

Мне так захотелось увидеть вблизи это озеро. «А может и искупаться», - подумал я.

- Баб, можно мне со Степкой на озеро?

- Вижу, вижу, что рыбак в тебе заговорил, - кивнула бабушка. - А где удочки? Руками будешь ловить? А что делать будешь с пойманной рыбой? Пока идем домой, она проквасится. Вот что: искупайся и приходи обратно. Через час нам на этом лугу делать нечего будет.

Мы со Степкой побежали к озеру. Оно было узкой формы, похожее на гигантскую грушу. Густой ивняк, боярышник и черемуха плотным кольцом сжимали озеро. Вдали, в камышах, крикали утки, в зарослях черемухи пели соловьи. Середина озера была чистая, трава и камыши росли только у берегов. Косяками ходил малек, испуганно бросаясь в разные стороны при виде нас. Всюду плавила рыба. Было ясно, что ее никто давно не тревожил.

- Эх, удочки бы сейчас, - пожалел Степка.

Осторожно ощупывая ногами дно, мы вышли на глубину и поплыли.

- Степка, - закричал я, - смотри в конце озера столбы какие-то стоят и дряхлая избушка-развалюха.

- Вижу, - ответил Степка. - Здесь раньше кто-то жил. Надо у бабушки твоей спросить.

Бодрые после такого целительного водного душа, мы принялись вновь за ягоду. У бабушки и девчат корзины были с верхом.

- Заполняй корзину, лентяй, - приказала Степке Катя. - А то домой не возьмем, здесь оставим. Бабушка, - обратилась к ней, - кто здесь раньше жил? Мы видели постройки, они все развалены.

- Вот пойдем обратно, по дороге расскажу.

В обратный путь отправились, когда усталое солнце заходило за лес, бросая прощальные лучи на Графские луга.

- Пора и нам в дорогу. Идем! - приказала бабушка.- В темноте по бору не шибко-то дорогу увидишь.

Мы вскарабкались на крутую гору, обогнули осиновый колок, вышли на дорогу, которая утром привела нас на Графские луга.

Дорога на Чермоз была широкая, ровная, и мы, окружив бабушку плотным кольцом, стал слушать второй ее рассказ.

- Слыхала я эту историю от своей бабушки. А бабушка в ту пору еще сама в девках ходила. Называлась сначала эта старлица, от которой мы идем, Лебязьей, и на ней никто не жил. Поселился первым на ней Елисей Коняев. Мельницу построил, зерно молот крестьянское с ближних деревень. Этим и промышлял. Вскорости он покинул это место, а мельницу продал Ивану Ушакову из Чермоза. Семья у Ивана небольшая: жена Устинья и дочка Мария. В первую зиму, как переехал Ушаков в старицу, жена вдруг занемогла, месяц поболела и умерла. И остался Иван с двенадцатилетней дочерью. Второй раз он почему-то бабой не обзавелся, так и жили вдвоем. Отец на мельнице работал, а Марьяша по дому управлялась. По весне, когда на мельнице работы меньше, подряжался Ушаков у ильинских и сретенских купцов плавить лес в плотах по Обве, Каме и Волге. До Самары хаживал. В июле возвращался домой, веселый, хмельной, с деньгами и подарками для дочери.

Марьяша росла без подруг и товарищей. До ближней деревни Швецовой семь верст. Где там до детских игр и забав! Весь дом был на ней: печку истопить, хлеб испечь, поесть сварить, полы помыть, за скотиной приглядеть. Научилась она заменять отца на мельнице, когда приезжали мужики молотить зерно. К семнадцати годам вымахала ростом с отца, крепкая, здоровая, ладная, брови черные, глаза васильковые, по щекам румянец, губы алые, улыбка прямо ангельская. Одним словом, не девка, а прямо картинка писаная. Марьяша удалась в мать. Такая же шустрая, неугомонная. Целый день по дому бегает, хлопочет, всюду веселье и смех. Бог Марии не только красоту дал, но и силушку немалую. Бывало, схватится бороться с отцом или мужиками на мельнице, они только кряхтят, а вырваться из

сильных объятий девки не могут. Не раз под смех мужиков валила она наземь любителей побороться.

- Ну и девка,- удивлялись они. - Под сердитую руку не суйся, прихлопнет как муху.

В короткие зимние дни увлекся Иван охотой на белку, лису, куницу, волков. Марьяша и здесь от него не отставала. Встанет пораньше, все сделает по дому. Отец на лыжи и в лес, она тоже на лыжи и за ним! И так научилась метко стрелять, что по сто белок за зиму отстреливала. Качал головой отец:

- Вот и девка! Парнем тебе следовало родиться. Но ничего не поделаешь: на то есть Божья воля.

Прожили они так в спокойствии и согласии всего пять лет. В Чермозской конторе завода решили провести учет рабочих и приписных крестьян. Дошли в списках до фамилии Ушаков Иван.

- Где, - спрашивает управляющий, - этот человек?

- Жив и здоров, - отвечают ему.

- Почему не работает, коли здоров?

- Пять лет назад в литейке его придавило, чуть не помер. Вот мы и списали его по инвалидности.

Приказал управляющий заводом найти Ушакова Ивана и определить углежогом на Семенов курень. Курень этот от завода был в десяти верстах и примерно в двенадцати от Марьиной старицы. Вот мы идем сосновым бором, сказала бабушка, - а здесь до него был вековой лес по всему берегу Камы. Это уже потом Морозы, отец и сын, занялись здесь лесопосадкой, когда весь лес сожгли на уголь. В дремучем лесу для рабочих был срублен барак. Сгоняли в этот курень приписных крестьян с дальних и ближних деревень. Давали урок, то есть задания - столько мер лесу срубить, столько-то коробов древесного угля наготовить. Командовал этим куренем староста Васька Зайцев. Сволочной мужик и продажная шкура этот Косой Заяц - так его за глаза обзывали все рабочие. Перед начальством Васька бесом стелился, а над подчиненными был дракон кровожадный. Бил рабочих за дело, для порядка, а то и просто от скуки.

Стал собираться Иван Ушаков на этот курень.

- Как же ты будешь работать? - возмутилась Марьяша. - Нога у тебя еле гнется. Урок дневной не сробить.

- Ничего, доченька. Мы люди привычные. Мокрому вода не страшна. Жалеючи отца, Марьяша два-три раза в неделю при- бегала на лыжах на курень помочь отцу. Девка здоровая, си- лушка немереная, она с отцом недельный урок быстро выпол- няла, и на воскресенье отца отпускали домой отдохнуть, в бане помыться. Но не долго это все длилось. Положил свой злой глаз на Марьяшу Васька Косой. Давай к ней приставать, доби- ваться любви. Не стерпела однажды Марьяша, надоел Васька со своей нахальной улыбкой и липкими руками. Развернулась хорошенько и отхлестала по щекам Ваську Зайца при всем ра- бочем люде. Схватил Васька плеть-пятихвостку и пошел на девку. Не успели рабочие подбежать на помощь, как сломан- ная плеть улетела в одну сторону, а Васька - в глубокий сугроб, и долго не мог там очухаться.

- Смотри, девка, - предупредили углежоги. - Васька Косой так не оставит, будет мстить.

На следующий день Васька Косой прогнал с куреня Марья- шу, а отца поставил на самую тяжелую работу лесорубом.

Прошла неделя с небольшим, и с Иваном произошло несча- стье: упала вековая лесина и придавила его. Говорили, что это не случайность. Были у Васьки Косого приближенные, они и подстроили это несчастье. Забрала Марьяша отца домой. Пе- ред смертью Иван попросил:

- Дочка, похорони меня на кладбище в Чермозе, рядом с женой моей любимой, Устиньей. Здесь не живи. Иди к тетке Анисье в Чермоз.

Бабушка резко прервала свой рассказ и сказала:

- Смотрите в оба, сейчас две версты бурелом будет. Как прой- дем это опасное место, выйдем на конскую дорогу, начнется наша сторонushка Чермозская.

Мы шли дремучим бором, который вплотную подступил к Каме. Справа от тропинки начинался обрывистый берег, по- росший кустарником; реки из-за него не было видно. А слева, со стороны леса, надвигался на тропинку густой мрак, мешаю- щий разглядеть ее под ногами. Могучие деревья-великаны, поваленные ветром, лежали поперек тропинки. Иногда тропин- ка резко уходила в лес и обходила лесного великана. Но был такой участок, что мы этого сделать не могли из-за сплошного

бурелома. Пришлось пробираться по поверхности деревьев или лезть под деревья, которые, опираясь на могучие ветви, создавали видимость своеобразной крыши над нашими головами. Выбрались мы из этого глухого уголка, когда ночь стала вступать в свои права. Звезды тускло мерцали над нашей головой. Только одна Большая Медведица светилась ярко, указывая нам путь. Мы вышли на торную конскую дорогу, и бабушка продолжила свой рассказ:

- Похоронила Марьяша отца, заколотила дом и мельницу и ушла к тетке Таисии в Чермоз. А Марьяина старица после ее ухода так и захирела. Никто уже больше на ней не жил. Слух прошел, что нечистая сила тут водится. А тут еще мельницы построили в Посаде, Залесной, поэтому старица оказалась ненужной, как бы в стороне. Последним жителем этой Старицы была Марьяша. Вот и в народе закрепилось название Марьяина старица.

Вернемся, однако, в Чермоз. И тут Васька Заяц не давал девке проходу. Да руки коротки! Марьяша нигде не работала, с теткой Таисией домовничала, никуда не ходила. Видно, шибко Марьяша своей красотой Ваську Зайца задела. Сватов заслал к ней. Дескать, кланяется Василий Зайцев низко, руки просит. Марьяша, понятно, дала ему полный отказ. Тетка Таисия души не чаяла от такой бойкой неугомонной племянницы. Не раз говорила:

- Ох, хороша девка, пора тебе замуж. Сосватаю тебе паренька хорошего, на лицо пригожего.

И быстрехонько нашла! Приглядела на Горе Алешку Новикова. Жил тот с отцом и матерью. Состоятельный, непьющий, работал в литейном цехе, с разной шантрапой не водился. Познакомились молодые, понравились друг другу, а потом и полюбили. Решили свадьбу сыграть через три месяца, по осени.

Как узнал Васька про их будущую свадьбу, позеленел от злости:

- Ну погоди, найду я на вас управу!

И решил этот пакостной Заяц на кривой кобыле с другой стороны объехать. Не знаю, что он наговорил управляющему заводу, но тот сразу вызвал волостного и приказал:

- Даю срок три дня. Оформи бумаги и определи в рекруты Алешку Новикова! И забрали Алешку в рекруты, и с ним еще двоих заводских парней. Когда уходил в солдаты Алешка, то на прощание сказал:

- Люба ты мне, Марьяша, да не судьба жить нам вместе. Прощай, меня не жди. Выходи замуж, коли кого полюбишь.

Обняла Марьяша Алешу и шепнула сквозь слезы:

- Любимый, буду ждать тебя!

Так они расстались навсегда. Через год в Чермоз прибыл один рекрут, калека на деревянной ноге, Мишка Попов, парень из Запильни. Был он вместе с Алешкой на Кавказкой войне. На дальней стороне, в горах Дагестана, в бою с горцами погиб чермозской паренек Алеша Новиков. На память о нем привез Мишка серебряный крестик. Попросил перед смертью Алешка, чтобы этот крестик он отдал Марьяше. Прижала к груди крестик Алешин Марьяша и горько-горько заплакала:

- Господи, подсажи, что мне теперь делать?

Пришла весна. Кама и пруд сбросили с себя ледяные оковы. Чермозяне посадили в огородах, засеяли пашню. Подошла Троица. В Чермозе у церкви был большой крестный ход. Приехали из Соликамска архиерей Филарет и игуменья женского монастыря матушка Пелагея. Бросилась в ноги архиерею Филарету Марьяша:

- Благослови, батюшка, хочу стать невестой христовой! Перекрестил ее отец Филарет и произнес:

- Благословляю, дочь моя! И, обратившись к Пелагее, добавил:

- Возьми, матушка, девушку к делу определи!

Так ушла из мира житейского Марьяша. Не нашла она в нем ни счастья, ни радости! Сказывали потом, что в Соликамском монастыре успокоила она свою мятежную душу, пришлась ко двору. К сорока годам была посвящена в сан игуменьи. И стали звать ее почтительно монашки матушкой Евлампией.

Лес внезапно окончился, и мы вышли на Чермозские пойменные луга. В ближних кустарниках клубился серый туман. Кузнечики деловито выводили свои песни в траве. Вдали сверкал огнями завод. Он был похож на какое-то огромное сказочное существо, которое тяжело вздыхало, кряхтело, дышало,

издавая неясные звуки. Если внимательно прислушаться, то в неясном хоре звуков и шумов, можно различить монотонные удары молота и ритмичное бормотание машин в механическом цехе.

Вдруг в этот шум ворвался пронзительный гудок заводской трубы. «Двенадцать часов ночи, - мысленно определил я. - Конец второй смене». Мы прибавили шагу. Ведро с ягодами мне уже давно оттянуло правую руку, я его перебрасывал на левую руку, на плечо. С непривычки я замедлял шаг и начинал отставать от своих спутников. Приходилось брать ведро в правую руку и бегом догонять ягодную компанию. Силы мои были на исходе, ноги гудели от непосильного напряжения, ступням было так больно, что каждый шаг вызывал острую боль в пятках и коленях.

- Скорей бы Чермоз, - взмолился я.

Вот уже Подгора. Она нас встретила лаем собак и редкими огоньками в окнах домов. Близость к дому оживили всех: зазвучали снова разговоры, шутки. Прошли заводскую плотину, подъем в гору вдоль Чермозского сада, и мы на Советской улице. Не помню, как я все-таки дотащился до дома. Дверь открыл дед, он уже давно нас подждал, сидя на лавочке. Вот мы и дома. Я плюхнулся на скамейку. Бабушка что-то веселое говорила деду. Я привалился спиной к печке, силы мне изменили, я стал куда-то проваливаться и мгновенно уснул.

Около двенадцати часов дня разбудили меня крики и свист ребят на улице. Выглянул в окно. Витька Новиков призывно махал руками и кричал:

- Игорь, выходи! Чапаевская улица пришла.

Я вспомнил, что сегодня наша уличная футбольная команда встречается с командой Чапаевской улицы. Быстро собрался и выбежал к ребятам.

Меня, как лучшего нападающего улицы, ребята поставили в центр нападения. Но это была самая худшая игра за все время. Мяч ко мне редко попадал, ноги мои медленно двигались за мячом и я постоянно опаздывал к нему. После перерыва меня перевели в защиту, где я тоже не блистал. Этот трудный с чапаевцами матч мы едва свели вничью, забив на последних минутах соперникам гол. Ребята после игры были очень недо-

вольны моей игрой и в резких выражениях высказали мне.

Расстроенный, опустошенный, я приплелся домой. Дед удивился:

- Ты что идешь невеселый с худобойного поля?

Дедушка не одобрял моего увлечения футболом, считая его пустым времяпрепровождением.

- Лучше бы ты дрова поколол или в конюшне навоз убрал.

А футбольное поле, зеленую полянку в нашем переулке, он называл презрительно худобойным полем. Не нравилось соседям, а особенно деду, что часто мяч изменял правильную траекторию и летел в огород. Привыкший к дисциплине и порядку, дед только скрежетал зубами и обрушивался на нас с руганью. И было за что: ребята лезли в огород через забор, топтали грядки, ломали изгородь.

- Деда, ноги у меня почему-то болят, на пятку ступить больно. А в футболе у меня сегодня одни неприятности.

- Так тебе и надо. Спрашивай старших, что не знаешь. Не гордись. В коты надо было сено положить побольше, тогда бы ты ноги не отбил. Век живи, век учишься, - засмеялся дед и погладил ласково меня по голове.

февраль 1995 г.

Правильная женщина

- Знаешь, Игорь, - обратился как-то ко мне Матвей Семенович. - На белый свет мы появляемся одинаково. Спасибо нашим родителям за это. А дальше у каждого жизнь идет по-разному. Один всю дорогу на гребне, другой на дне жизни и не думает оттуда выбираться. Да, не каждый сможет изменить свою судьбу, повернуть ее в другое русло. Преклоняюсь я перед теми, которые свою судьбу лепят своими руками или, по крайней мере, все ее резкие повороты могут затормозить.

После освобождения из Краслага судебные власти определили меня жить в село Покровское, Свердловской области. Село как село. Из достопримечательности можно отметить прекрасный Дом культуры с прославленным народным хором и небольшой литейный завод.

Три месяца поработал в литейке, не понравилось, уволился

и подался в Дом культуры. Дали мне там комнатку и поручили топить печи – это днем, а по ночам охранять имущество и покой храма культуры.

Директор и художественный руководитель Дома культуры были люди прищлые, как и я. Вот о них пойдет дальше мой разговор.

Художественный руководитель Смоленский Александр Михайлович родом из московских дворян. Детство и сознательная жизнь проходили в столице. Работал ведущим артистом во МХАТе.

Во время Отечественной войны 1941-1945 годов с семьей эвакуировался в Свердловск. Продолжил работу в областном драматическом театре. Зеленый змей в годы войны окончательно сгубил его. Жена с двумя детьми уехала обратно в Москву, бросив мужа на произвол судьбы. Смоленский практически не выходил из пьяных загулов. Наконец, его уволили из последнего театра. Куда податься? Директор Дома культуры Подболотова Антонина Андреевна искала для своего театра худрука. Так Смоленский оказался на подмостках Покровского клуба.

Александр Михайлович был исключительно талантлив. Если бы не его пьяный порок, он давно уже был народным артистом СССР. Высокий, стройный красавец-мужчина, 45-ти лет, звучный завораживающий баритон, приятная речь, на голове густая шапка кудрявых волос. В обращении вежлив, к собеседнику внимателен – настоящий аристократ московского разлива. Смоленский был очень требователен к одежде, носил роскошный, тщательно отутюженный шевиотовый костюм, на ногах лакированные туфли, на белоснежной рубашке красовалась ослепительная бабочка.

Жил Александр Михайлович в Доме культуры, в комнатке за сценой. Когда начинался запой, он облачался в рабочую одежду и пребывал в ней, пока «кушал мерзавчиков», т. е. глушил водку. Запой прошел, и Смоленский, засучив рукава, берется за постановку пьес, сочиняет остроумные монологи, проводит репетиции. И так 3-4 месяца - блестящая и бурная сценическая деятельность до следующего пьяного срыва. Зрители села Покровского его обожали: играл артист божественно вдохно-

венно, завораживал своими монологами, конферансом, танцами. Когда любимец зрителей выступал, в клубе был аншлаг. Александр Михайлович, как я убедился, был весьма доволен своей жизнью. «А чего еще надо бедному артисту – игра в театре, а следовательно, есть зарплата – можно на досуге расслабиться. Идеалы мои – эти слова он любил повторять – простые и приземленные: играть, радовать людей и себя, ну и второе – не забывать ее, родимую, сорокаградусную. Она последнее утешение в моей несчастной жизни». Директор Дома культуры Подболотова А. А., жалея его, уважая его редкий талант, старалась создать нормальные жизненные условия артисту.

А теперь об Антонине Андреевне Подболотовой. Это удивительная женщина, умная, жизнерадостная, волевая, целеустремленная. Жизнь ее была много раз, испытывала ее судьбу, но она не сдавалась и выходила с честью и достоинством из многих передряг. Хотя Подболотова А. А. родилась в городе Оренбурге, родовые корни, как и у Смоленского, московские. Она внучка московского князя Григория Долгорукого.

Перенесемся мысленно в 1905 год. Москва, первопрестольная столица охвачена революционными волнениями. Молодая гимназистка Лиза Долгорукая, дочь Григория Долгорукого, идет в народ, помогает восставшим рабочим. На уличных баррикадах знакомится с молодым революционером Андреем Долгих, оренбургским казаком. Андрей – один из организаторов революционных событий в городе, член партии РСДРП. Пламенная страсть и чубатая красота Долгих пленили юную Лизу, она любила Андрея. Родители девушки были против брака революционера-казака и неопытной гимназистки. Но девушка сломала сопротивление родителей: «Люблю Андрея, это моя судьба, дайте согласие, иначе мы поженимся без благословения». Долгорукие, столбовые дворяне, потомки Юрия Долгорукого, дали добро на «мезальянс». После разгрома Московского восстания молодые едут в Оренбург. Все последующие годы Лиза вместе с мужем на революционной работе. Ни арест Андрея, ни трое детей (два мальчика, девочка Тоня) не смогли удерживать Лизу от политической борьбы. Огромное наследство, полученное от отца, почти все ушло на революционные дела.

1917-й, революция. Андрей Долгих – руководитель оренбур-

гских большевиков. Большевики берут власть в городе и области. Грянул белоказацкий мятеж. Гибнет от рук дутовских палачей Андрей Долгих. Лиза с семьей бежит из Оренбурга. В двадцатые годы Елизавета Григорьевна, чтобы прокормить семью, работает учителем музыки в школе, дает частные уроки, воспитывает детей. Дочь, молодая Тоня, пошла по стопам своих родителей. Она активная комсомолка, борец за новую, светлую жизнь. Первая любовь, первое замужество. Жизнь наносит первый удар – гибнет муж от рук бандитов. Через год - второй удар: умирает от инфекционной болезни крошка сын. Тоне 18 лет, и она уже вдова.

Но неожиданный поворот в жизни – она встретила и полюбила молодого курсанта-летчика Оренбургского летного училища Подболотова Петра Дмитриевича, сына воронежского крестьянина.

Опять замужество, кочевая жизнь военной семьи. Родились две дочери, муж делает блестящую карьеру – командир эскадрильи, комбриг, инспектор авиации Южного округа страны. Семейная жизнь устроилась наконец очень удачно: просторная благоустроенная квартира в Воронеже, машина, дача в Крыму. Из Москвы идут сигналы: скоро перевод в генеральный штаб. 1938-й год стал роковым. Петр Дмитриевич уезжает в революционную Испанию. Через 5 месяцев пришла печальная весть: Подболотов Петр погиб в боях за Мадрид. Снова вдова в 28 лет. На руках трехлетняя Инна, четырехмесячная Валя. «Все, - решила твердо Антонина Андреевна, - о любви к мужчине надо забыть навсегда. Хватит испытывать судьбу. Любить и воспитывать только своих дочек». И клятву свою она сдержала до конца жизни.

1941-й год. Фашистская чума нависла над страной. Новые тяжелые жизненные удары - государство конфисковало в начале войны дачу, машину, пропали денежные вклады. Немецкие войска подошли к Воронежу. Лихорадочная эвакуация из города детей детдома, где Антонина Андреевна работала воспитателем. Непрерывные бомбежки фашистских самолетов. Гибнут дети, тяжело ранена Подболотова. С большим трудом, превозмогая боль от ранения, с дочками добирается до деревни Калиновка, родины мужа. Суровые и голодные годы войны про-

шли в Калиновке. Как только немного поправилась, Антонина Андреевна пришла на бригаду – выращивала сахарную свеклу, кукурузу: семью надо кормить. Голодали и родители мужа, и дети.

Закончилась война, и семья Подболотовых переезжает в Свердловскую область, Село Покровское. Антонина Андреевна стала руководителем Дома культуры. Она не кончала театральных институтов, но была высокообразованным и культурным человеком - сказало домашнее воспитание: Елизавета Григорьевна была строгой мамой и вдумчивым учителем.

Смоленский А. М., Подболотова А. А, местные энтузиасты искусства превратили Покровский Дом культуры в один из лучших в Свердловской области. Все было как будто хорошо, но мешали процветать Дому культуры бравые солдаты, которые по субботам и воскресеньям делали набег на танцевальные вечера. Дело в том, что в пяти километрах от села в основном бору находилась воинская часть.

Врывавшись в увольнительную на законных основаниях, а то и в самоволку, солдаты вели спокойно и сдержано. Но была среди них агрессивная группа выходцев с Западной Украины, которых презрительно обзывали «бандерами». Бандеры на танцах вели нагло, цинично, часто завязывали драку с местными парнями. Эти постоянные разборки были головной болью для Антонины Андреевны. Она смело врывалась в толпу дерущихся и решительно разводила противоположные стороны. «Все, директорша,- заверяли бандеры, - мы ведь понимаем, что вы справедливо требуете порядка». Разборка потихоньку перетекала за стены клуба и продолжалась еще с большим ожесточением.

Не раз Антонина Андреевна обращалась к руководству воинской части с требованием обеспечить дисциплину среди солдат. Командир части Петухов И. И. клятвенно обещал разобраться и наказать бузотеров. Проходила неделя, а конфликты и драки продолжались. Потрясла и вывела из себя Антонину Андреевну и всех жителей села грязная и гнусная акция бандеров в одно из летних воскресений. Человек пятнадцать во главе со Степаном Стругалем ворвались в клуб и стали требовать выдачи старлея Кораблева.

Старший лейтенант Кораблев Алексей Алексеевич был переведен в воинскую часть из Сибирского военного округа. Он решительно взялся за наведение порядка в третьей роте. Бандеры возмутились и объявили бойкот. Когда Кораблев пачками стал отправлять нарушителей воинской дисциплины на гауптвахту, главари бандеров пригрозили Кораблеву расправой: «Смотри, старшой, как бы не было плохо тебе. Кончай нас мордовать! Срок даем до воскресенья». Никто не хотел уступать. Подошло воскресенье, и Кораблев, не получив поддержки от руководства части, покинул часть и ушел в село. В погоню за ним бросились солдаты – смутьяны. Так уж получилось, что старший лейтенант забежал в Дом культуры и попросил у Антонины Андреевны спрятать его от разъяренных бандеровцев. Подболотова А. А. завела его в костюмерную и запрятала в потайном шкафу.

Бандеры потребовали выдать Кораблева.

- Идите домой, его у нас нет.

- Ты врешь, директорша, он в клуб забежал. Сейчас мы обыщем твою шаругу, если найдем, то и тебе достанется!

- Ищите, но знайте – это произвол и незаконно.

- Ты, директорша, на нервы нам не дави! Замолкни!

Целый час мат и грязная ругань сотрясали стены Дома культуры. Антонина Андреевна держалась стойко и мужественно. Не найдя Кораблева, хулиганы ушли с угрозами прочь.

- Не найдем в селе, обратно заявимся к тебе, директорша!

Обошла Антонина Андреевна все комнаты клуба и от отчаяния и бессилия заплакала. Все шторы с окон сорваны, брошены на пол, втоптаны в грязь, шкафы и столы перевернуты, пол заплыван, всюду окурки, разбитые винные бутылки; опрокинуто два больших зеркала; на стендах крупными буквами написаны нецензурные слова.

Смоленский А. М., обозревая разорение клуба, с огорчением воскликнул:

- Какое варварство! Прямо Варфоломеевская ночь!

- Я это не оставлю без последствий, - твердо сказала А. А. Подболотова, - Они ещё пожалеют, что натворили здесь. И вышла из клуба. На почте она взяла бланк телеграммы и написала следующий текст:

«Уральский военный округ, Свердловск, маршалу Жукову. Немедленно наведите порядок во вверенных Вам войсках. Подболотова А. А.»

Через 15 минут телеграмма лежала на столе Жукова.

- Что это? - грозно спросил маршал у полковника-адъютанта. Откуда взялась эта Подболотова? Ко мне сам Сталин в такой словесной форме не обращался! Выяснить и доложить.

Через 5 минут Жукову сообщили, что Подболотова - директор Покровского Дома культуры, а почему такая телеграмма, никто не знает.

- Немедленно отправить группу офицеров в село Покровское, разобраться на месте и доложить! Даю вам на это 6 часов. Дожил, мне, прославленному советскому маршалу, герою войны, отдает приказы какая-то баба!

В Покровский сельский совет прибыли два полковника, капитан, военный прокурор в чине подполковника.

- У вас есть гражданка Подболотова А. А.?

- Да, - отвечает председатель совета. - Она директор местного Дома культуры.

- Немедленно вызовите ее сюда!

- Сейчас пошлем нарочного.

Антонина Андреевна прочитала записку и сказала:

- Передай, к ним я не пойду! Пусть осмотрят клуб и убедятся, что за погром учинили доблестные защитники Отечества!

- Идем те, а то хуже Вам будет! Уж больно серьезные начальники к нам прибыли от Жукова.

- Не пугайте меня, жену командира эскадрильи. Не таких видывала, привечала!

Минут через 30 гуськом друг за другом пришли два полковника, подполковник и капитан. Поздоровались очень сдержанно, осмотрели клуб и обратились к Антонине Андреевне:

- Вы что наделали? Как вы додумались давать такую телеграмму самому маршалу Жукову? Он в ярости!

- Если Жуков умный командир и начальник, то меня поймет.

- Давайте подпишем соглашение. Вы в нем заявите, что погорячились. Ничего преступного в клубе не произошло.

- Налицо нарушение воинской дисциплины, хулиганство и

преступность. А кто возместит материальный ущерб?

- Об этом не думайте! Все восстановим, все оплатим и даже больше. Откажитесь от телеграммы!

- Хватит торговаться! Не стыдно вам, военным, высшим офицерам, в таком тоне разговаривать с женщиной, вдовой, муж которой был командиром бригады. Я уверена, он бы не допустил такого беззакония, разложения воинской дисциплины в рядах армии. Обращаюсь к вашей порядочности и офицерской чести!

Полковник Урбанский В. Л, смутившись, слегка поклонился Антонине Андреевне и сказал:

- Мы были неправы. Благодарю за стойкость и принципиальность. Вы преподали хороший урок. Извините нас! Доложим маршалу, как все было. Еще раз благодарю за откровенный разговор! Честь имею! С воинской частью мы разберемся!

Когда Жукову доложили, как было дело, то он, поглядев строго на стоявших по струнке перед ним офицеров, задумчиво произнес:

- Значит, не пошла с вами в сговор. Замечательно, молодец! Правильная женщина! Была бы она мужчиной, сразу произвел бы в полковники и отправил командиром в эту разболтанную часть. Она бы враз навела там порядок!

Да, есть еще на Руси такие мужественные женщины.

От автора: В 1961 году Антонина Андреевна Подболотова приехала в Чермоз с младшей дочерью Валей и прожила почти 20 лет. В 1996 году, на 87-м году жизни, она умерла в г. Калуге.

Орден Ленина

Живет на поселке Новом мой старинный дружок Хайрулин Асхат. Почетный металлург, за работу в годы войны ему Михаил Иванович Калинин лично вручил орден В. И. Ленина. Асхат, как вышел на пенсию, сразу покинул Чермоз и уехал к старшему сыну Ильдару на лесозащитный участок.

Семья раньше у него была большая: шесть дочерей и четыре сына. Все уже взрослые, обженились, замуж повыходили. Жену свою Асхат похоронил два года назад. Остался на

воспитании самый младшенький, Равиль, ему в ту пору шел 13-й год.

Расскажу о забавном случае, в центре которого оказался Хайрулин. Учителя школы поселка Новый, женсовет решили собрать родителей и их детей, с которыми возникли педагогические проблемы: кто учился через пень колоду, кто постоянно прогуливал уроки. В числе неподдающихся оказался шустрый Равиль. Собрание как собрание, все шло своим чередом и подходило к концу. Взорвала сонное течение мероприятия неосторожная фраза, сказанная председателем женсовета Фатимой Незамиевой. Приведу ее дословно: «Равиль Хайрулин бездельник, каких мало, вряд ли что хорошее из него получится». Хайрулин старший, успевший слегка вздремнуть, встрепенулся, вздрогнул и грубо оборвал Фатиму:

- Ты зачем, колючка старая, сына моего позоришь?

- Ты, старая дева, со своим поганым характером всех мужиков от себя отпугнула. 50 лет прожила – ни мужика, ни детей. Что ты понимаешь в воспитании? Я девять детей вырастил, на ноги поставил и Равиля воспитаю.

- Как ты смеешь так говорить с женщиной?

- Настоящие женщины с мужиками по домам сидят, а не по собраниям шастают! И началась между ними жуткая перепалка, никто не хотел уступать. Оба, не замечая, перешли на татарский язык. Что сказал старый сталевар Фатиме – никто не понял. Красная, со слезами на глазах, Низамиева выскочила из президиума и побежала на выход. В дверях она столкнулась с милиционером, местным участковым Иваном Пахоменко

- Кто вас обидел? – спросил участковый.

- Хайрулин оскорбил и обругал при всех, я ему этого не прошу! Разберитесь с ним, я очень прошу!

- Гражданин Хайрулин! Пройдете в соседнюю комнату, я разберусь с вами и Низамиевой.

- Асхат закусил удила:

- Никуда не пойду, я закона не нарушил!

- Еще раз говорю, пройдем в другую комнату!

- Давно ли ты на лесной делянке лес валил, Ивашка! А теперь начальником стал, заважничал. Ведешь себя, как медведь на чужой пасеке. Отстань от меня, Ивашка!

- Гражданин Хайрулин! За оскорбление милиции и неподчинение я вас арестую и увезу в Чермоз.

- Давай, Ивашка, вези, но знай – ты не вся милиция. Есть люди тебя поумнее! Смотри, не пожалей, что делаешь со мной! Когда Асхат сильно волновался, он начинал искажать русскую речь.

- Моя ничего не делала, а ты пришла и меня арестовала. Буду жаловаться твоим начальникам!

Так оказался старый Асхат в КПЗ. Обитатели камеры встретили его радушно:

- Здорово, старина! За что тебя к нам закинули?

- Ни за что! Я только Ивашке участковому сказал: «Отстань, не твое дело! А Ивашка взял и арестовал».

- Менты они такие, лишь бы беззаконие творить! Ничего, ночь отсидишь, утром отпустят, и дуй домой на всех четырех! Вины за тобой нет!

- Я ночь сидеть на нарах не согласен. Буду требовать главного начальника немедленно!

- Ну, папаша, ты загибаешь, не по чину. Кто тебя слушать будет? Они только голимую власть сверху боятся, а с таким, как ты, «нижняком» и разговаривать не захотят!

- А это что не власть? – старик распахнул пиджак, и все увидели на оборотной стороне лацкана Орден Ленина.

Обитатели камеры опешили и минут пять «переваривали» создавшуюся ситуацию.

- А ты, старик, не фраер! Тряси дальше козлов-ментов, а мы тебе поможем, - сказал Алексей Романов, хозяин «хаты». - Вот что, братва! Фартовый случай подвернулся! Можно шухер поднять, ментов потрясти, и старик нам поможет. Старичок-то оказался не простой. Ох потреплем нервы легавым! Сначала организуем кипишь, а затем голодовку! Заключенные взяли чашки и кружки и подняли шум. Вскоре в камеру заскочил дежурный:

- По какому случаю галдеж?

- Освободите старика, иначе начнем голодовку.

- Завтра придет следователь и допросит, кончайте бздить и ложитесь спать!

- Ты разберись, начальник, кого к нам на ночевку заброси-

ли! Не знаешь? Кавалера Ордена Ленина. Его в Москве знают. Лопухнулись вы основательно! Узнают свыше, что тут наворотили, посылают погоны и выгонят из конторы.

Хайрулин подошел к дежурному:

- Издеваетесь надо мной, я стерплю, а Владимира Ильича Ленина за что в КПЗ посадили? И перед изумленным сержантом засверкал, переливаясь разными цветами, орден.

Сержант Петров как ошпаренный выскочил из камеры и бросился к телефону:

- Алло, Иван Петрович! У нас ЧП. В КПЗ засадили орденосца, он грозитя пожаловаться на нас в Москву.

- За что взяли?

- Да так, пустяки, нагрубил участковому.

- Ничего не предпринимай! Жди меня!

Старика привели в кабинет начальника милиции.

- Мы разобрались. Вас арестовали незаконно, - заявил главный милиционер.

- Я ему тоже самое говорил. Не послушал Ивашка. Все кости старика на коляске растряс, болеть буду.

- С Пахоменко мы разберемся, накажем. Извините нас, что с Вами поступили несправедливо.

- Уже ночь, как я домой буду добираться? На мотоцикл я не ногой!

- Не волнуйтесь! Мы вас отправим спецпоездом.

На станции прицепляют к паровозу вагон. Через 20 минут спецпоезд повез орденосца Хайрулина Асхата на лесозащитный вагон Новый.

- Вот как их разобрало, - подумал старик. - Извинились и пообещали, что Ивашка встретит. Удивительно так все повернулось.

В поселке его поджидали Пахоменко, Равиль, соседи.

- Извините меня, гражданин Хайрулин, - обратился к старику участковый. - Я был не прав.

- Я тоже погорячился, когда обругал Фатиму. Пошли, Равилко, домой, очень устал. Спасибо Владимиру Ильичу, защитил он старого стахановца. Правильно твердят по радио: Ленин жив, Ленин будет жить.

Три жизни Родиона Антипина

Как-то вечером, когда за окном моросил осенний дождь, Матвей Семенович спросил меня:

- Знаешь Батин Лог?

- Да.

- Что знаешь о нем?

- Ничего особенного. Большой лог с отрогами, поросший лесом. Такие лога встречаются в Палкино, Удебкино, Усть-Иньве.

- А почему его так прозвали? Не знаешь. И знать не можешь! Вспомнилось мне старинное предание, которое в детстве я услышал от деда своего, Никонора Кузьмича Воронина.

Было это лет 200 назад. По берегам Камы, Обвы, Иньвы, Вишеры, Чермоза, Чусовой проживали разные народы – коми-пермяки, зыряне, татары, башкиры, русские. Русских было больше на севере. Здесь селились новгородские ушкуйники и купцы, раскольники, сбжавшие от притеснений никонианских попов, работные и охочие люди, казаки. Вокруг Усолья, Соли камской началось освоение природных ископаемых. В Чердыни осели государственные людишки. Раскольники облюбовали таежные и глухие места по берегам реки Колвы, в деревнях Тулпан, Корепиной. Самые непримиримые ушли на север, в леса, где образовали скиты.

Тулпанские кержаки был темный и суеверный народ. Они были глубоко убеждены, что наступило царство Антихриста. Слуги дьявола всюду: в лесу – леший, в реке - водяной, в бане – банный, в доме – домовый. Только зазеваешься, и попадешь к ним на крючок. Попал под их влияние – не быть тебе, грешнику, в раю. Гореть вечным пламенем в аду. От всех напастей нечистой силы спасет только молитва со старинным перстосложением. Щепотью пусть молятся люди дьявола. Вся жизнь тулпанцев от рождения до смерти - ожидание беды, проделок Антихриста. Тулпанец всегда рождался в бане, повивальная бабка крестит его в холодной воде и дает имя. Но по убеждению многих, креститься надо перед смертью в воде, чтобы смыть все жизненные грехи. Летом понятно – принесли к реке, окунули, унесли. А зимой вырубали две проруби, умирающего заворачивали в холстину, опускали в одну прорубь и протаски-

вали подо льдом в другую. Человек «смывал» все грехи.

Родион Антипин родился в кержацкой семье в деревне Раската. Семья небольшая: отец, мать, сестра Ульяна 14-ти лет. Родион ее моложе на два года. Всю домашнюю работу справляли женщины. Мужчины занимались охотой, рыбной ловлей. В зимнюю пору жили 3-4 месяца в лесу – били зверя, заготавливали пушнину. Мальчик с 10 лет уходил в тайгу с отцом. Если бы не дикий случай с сестрой, вся жизнь Родиона прошла бы на берегах таежной реки Колвы. Дикая случай с нашей точки зрения, а для кержацкого сознания рядовой. Уля захворала очень тяжело. На дворе глубокая осень. На реке Колве шуга. Мать и отец были уверены, что Уля умрет. Поэтому, как добрые «христиане», решили очистить девочку от грехов. Раздели, трижды окунули в холодной реке. А так как после «крещения» человек становился чистым, в дом ему путь запрещен: Уля в доме опять примет на себя скверну от грешников. Больную раздетую девочку положили на солому в пустом амбаре и двери заперли. Настала ночь, Уля очнулась, подползла к двери, кричала, просила, чтобы ее взяли в теплый дом. Родители и религиозные старцы строго наказали всем: к амбару не подходить. Пусть господь сам решит: жить ей или нет.

Родя, нарушив все запреты, открыл дверь амбара, помог Уле одеться – одежду он принес тайно из дома.

Боясь гнева и расправы, подростки ночью ушли навсегда из родного гнезда. Уля выжила. Под Чердынью, в доме сердобольной старушки Агафьи, ребята пережили студеную зиму. Весной Родион и Уля надели на себя холщовые сумки и отправились по деревням просить милостыню. Они стали нищими.

Через три года в Усолье им очень повезло. Улю взял в домовые девки купец Лопатин Архип, 15 летний Родион нашел работу на соляных варницах.

Прошло еще три года. Восемнадцатилетний Родя вырос, возмужал, раздался в плечах. Ростом его бог не обидел - почти три аршина. В руках сила немереная. В этом же году Антипин пошел на повышение. Стал старшим в строительной артели. Старые и молодые артельщики ценили ум, смекалку старшего. Любили Родиона за веселый нрав, жизнерадостный характер. Антипина приметил главный приказчик Степан Уфим-

цев, приблизил к себе. А когда Строгановы надумали строить завод в Чермозе и послали туда Уфимцева, то он прихватил с собой и Родиона. Так Антипин оказался в Чермозе. Работы было много для строителей. Здесь развернулся во всю организаторский талант Родиона. Про него многие говорили: «Молодой да ранний!» Но зависти не было. Антипин скучал по сестре. Когда были построены основные здания завода и плотина, он вызвал Улю в Чермоз, срубил дом на горе. И стали они жить да поживать.

Прошло две зимы и два лета. Уля вышла замуж за Сыкулева Михаила, рабочего завода. Прошло еще два года. Михаил, и Уля жили счастливо. Печалило их только, что не было детей. Однажды в ночную смену Михаил поскользнулся у доменной печи, упал в канавку с горячим металлом, обгорел и через сутки умер. О гибели Михаила Родион узнал только через полгода. Из Чермоза он уехал в Усолье вместе с Уфимцевым Степаном. Почтовая связь между Усолем и Чермозом была нерегулярной.

Прошло еще несколько лет. Родион Антипин вернулся в Чермоз. Пришло на его имя письмо в Усолье, в котором сообщалось, что его любимая сестра Уля наложила на себя руки. Причина – «насильственные действия» приказчика завода Ивана Черепанова. Приказчик, охочий до девок и женщин, караулил по ночам. Когда муж в ночную смену на завод, Черепанов врывается в дом и занимается с девушками и женщинами плотскими утехами. Мужья обиженных жен роптали, но боялись жаловаться на Черепановых, так как за него заступалось все заводское начальство.

Родион выехал в Чермоз, побывал на могиле сестры, осмотрел заколоченный и заброшенный дом и решил: приказчика надо наказать!

Осенней ночью с тремя молодыми рабочими они вызвали Черепанова из квартиры и увели на берег чермозского пруда. Там его сильно избили и приказали броситься в воду.

- Прыгай в воду, насильник! Утони, зараза!

Но Черепанов выжил, наутро появился в конторе завода. Антипина и троих рабочих арестовали, надели на них рогатки. Эта скандальная история всколыхнула все заводское население.

ние. Все сочувствовали бунтовщикам, жалели их. За день до суда бунтовщики, сломав замки и решетки на окнах и дверях, освободившись от ненавистных рогаток, скрылись в неизвестном направлении. С арестантами ушло еще восемь парней.

Через полгода, по весне, на Каме появилась шайка разбойников. Они на лодках брали штурмом речные суда, грабили богатых, бедных не обижали. Прошел слух, что главарь этой шайки Родя Антипин и с ним чермозские беглецы. Родион отпустил бороду, выглядел весьма внушительно и грозно. Подчиненные к нему обращались со словами «Батя». Прошло лето, и Батя исчез. И 15 лет о нем ни духу, ни слуху. Наверное, с товарищами спустился по Каме на Волгу и пристал к казакам.

Второе появление Бати было оглушительным. На Каме, Чусовой, Иньве, Обве постоянно проверялись все суда. Все что можно было взять, бралось разбойниками в открытую и смелую. В отряде у Бати было около ста человек, два есаула, Кудряш и Черномор. Разбойники, разбившись на небольшие отряды, держали в страхе все Прикамье. На поимку Бати были брошены большие силы. Но атаман был неуловим. Летом разбойники хозяйничали на реках, зимой на дорогах, проверяя почту, очищая сумки и карманы у заезжих купцов и государственных чиновников. Так продолжалось 2 года. И вдруг по Чермозу пополз слухок: Батя смертельно ранен, скрывается в окрестных лесах у завода. С ним несколько чермозян и несметное награбленное богатство. Наступила зима, и о разбойниках стали забывать. Из шайки Бати в руки властей попали два чермозянина. Быстро организовали суд и отправили бунтовщиков в Сибирь на каторжные работы. Один из них, Николай Нечаев, через 25 лет вернулся домой.

Вот что он рассказал о последних днях атамана Бати.

- Около Висима, в тумане, на трех лодках остановили судно купца Комарова. Добычи было мало, спустились к острову напротив Слудки. Ожидания наши были напрасны.

- Уходим на Косьву, - приказал Батя. - Там отдохнем и пойдем на Орел-городок. Зашли в низовья Косьвы и нарвались на засаду. С берега ударили пищальями. С Иньвы показалось пять лодок с солдатами.

- Плыдем на Чермоз, - скомандовал Антипин. В последнем

бою многих артельщиков потеряли. К Чермозу подходили только на одной лодке.

Раненые и здоровые отчаянно налегали на весла – никому не хотелось класть голову под топор палача.

Причалили к берегу у деревни Палкино, логами и лесом уходили от погони. Атаман был очень плох: грудь прострелена в двух местах, хромал на правую ногу, при ходьбе Родиона бросало в разные стороны. Мы подхватили его под руки и потащили в лес.

В логах, что у Чермоза, недавно добывали медную руду для завода. Здесь в заброшенных штатах была потайная пещера нашего атамана.

Добрались до нее к вечеру. Перед нами на небольшой рёлке зияла черная дыра, уходящая в глубь шахты. Вокруг глухо шумел лес, с обеих сторон рёлки тянулись глубокие овраги.

- Кто со мной готов принять смерть? – прошептал Батя. - Айда, братаны мои родные!

С ним спустились два моих друга-земляка - Афоня Меньшов и Степан Механошин. Они решили умереть вместе со своим атаманом. Я с Ваней Аликиным договорился на время спрятаться в лесах, а как все утихнет, покинуть навсегда чермозскую сторону. Выполнили последний приказ Бати: закидали лаз в подземелье глинистой землей.

Место это я хорошо запомнил. Думка у меня была тайная: прийти когда-нибудь сюда обратно и узнать, что случилось с моими братанами и атаманом Батей.

Второе лето хожу по лугу, пещеру никак не обнаружу. Наверное, вода с двух оврагов, которые образовались вдоль рёлки, вёснами замыла и рёлку, и Батину пещеру. Ушел от людей Батя, с побратимами и богатством, в глубь земли и навсегда остался погребенным в своем подземелье.

2004 год.

P.S. Рёлка – небольшое ровное место.

Нина Петровна БЕЛКИНА

26 лет назад судьба привела Нину Петровну Белкину из города Березников в поселок Ильинский, где она устроилась на работу в районный Дом культуры хормейстером после окончания Пермского культуросветучилища. Привела и оставила здесь на долгие годы, о чем Нина Петровна нисколько не жалеет. Потому что ей очень понравилось это старинное селение. Здесь она нашла дело по душе, обрела друзей, познакомилась с интересными людьми. Общительная, веселая, она стала душой народного хора, коллектива, которым руководит.

«Работа, дом и семья» – вот три кита, на которых стояла и стоит ее жизнь. Нина Петровна заочно окончила Челябинский институт культуры по своей специальности. Хор, которым руководит Нина Петровна, - неперенный участник всех районных праздников, мероприятий, выезжает в населенные пункты района, в областной центр – на конкурсы самодеятельного искусства.

Человек творческий, эмоциональный, Нина Петровна очень любит музыкальное искусство и сумела повлиять на выбор профессии своих дочерей - Насти и Анюты. Они учились в школе искусств, после продолжили музыкальное образование.

Свою любовь к Ильинскому краю, который стал второй родиной, Нина Петровна сумела выразить всем своим творчеством. Во-первых, активной профессиональной деятельностью, во-вторых, репертуаром хора, в-третьих, она сочиняет музыку к песням местных авторов, и сама пишет стихи.

Вернись, детство

Со-со ко-ко-е го детство ты умчалось куда-то
по тропе неизвестной, в край не знаю какой.
Уж давно стали дедами озорные ребята,
что все дни проводили над Обвой рекой.
Мы е ре-де-таю, что все дни прово-ди-ли
над об-вой ре-кой / кой /

Слова Ст. Чепурина,
музыка Н. Белкиной

1. Босоногое детство, ты умчалось куда-то
По тропе неизвестной, в край не знаю какой.
Уж давно стали дедами озорные ребята,
Что все дни проводили над Обвой рекой.
2. Беззаботное детство, мы тебя торопили,
Так хотелось скорее взрослыми стать.
Как отцы воевали, трудились, любили,
Мы спешили все это на себе испытать.
3. А теперь, когда старость стоит у порога,
О другом мы мечтаем в ночной тишине.
Ах, как хочется в детстве
Побывать хоть немного,
Босиком пробежаться по росистой тропе.

Поселок Ильинский – частица России

Ни мал, ни велик
 наш поселок стоит,
 На обвинский глядя простор.
 Годами уж стар,
 но крепок как сталь,
 Лаская и радуя взор.
 Поселку не много, ему и не мало -
 Четыреста с четвертью лет.
 Частица России в предгорье Урала,
 Родней и красивее нет.

Слова Н. Теплоуховой,
 музыка Н. Белкиной

1. Ни мал, ни велик
 Наш поселок стоит,
 На обвинский глядя простор.
 Годами уж стар, но крепок как сталь,
 Лаская и радуя взор.
2. Поселку не много, ему и не мало -
 Четыреста с четвертью лет.
 Частица России в предгорье Урала,
 Родней и красивее нет.

3. У каждого дома, у каждой калитки
Сирени, рябины цветут.
И хочется верить, поселок Ильинский
Навеки стоять будет тут.

Это Родина наша

Помним с детства картины - поле все в васильках - мы, васьки как - вы, бьет струя родника - шепчут сон навевая, под окном тополя, алой лентой пылая, догорает заря. ра ет за ра = рт /

Слова Ст. Чепурина,
музыка Н. Белкиной

1. Помним с детства картины:
Поле все в васильках,
Из-под старой осины бьет струя родника,
Шепчут, сон навевая, под окном тополя,
Алой лентой пылая, догорает заря.
2. Васильковое поле, ромашковый луг -
Все знакомо до боли, все родное вокруг.
Величавая Обва, вековые леса -
Это наша природа, это наша краса.
3. Мы растем и взрослеем, покидая свой край,
Где и кто, как сумеем, ищем сказочный край.

Но зовут нас и манят родные места,
Там вода родников, как слезинка, чиста.

4. Васильковое поле, ромашковый луг -
Все родное такое, все мы любим вокруг.
Величавую Обву, вековые леса -
Это Родина наша, наша боль и краса!

Сердцу дорог этот край

на ро-дной ильинской сто-ро-не - где же
го-дим мы жи-вем с то-бой вьют-ся
птицы в синей вы-шине - зре-ет
рожь - кача-я го-ло-ву. Сердцу
до-ро-го - в этот край, сердцу здесь вдва-йне теп-
лей - да-леко не улетай - от род-ных сво-их кор-
ней. / лей.

Слова Н. Паршаковой,
музыка Н. Белкиной.

1. На родной ильинской стороне
Год за годом мы живем с тобой.
Вьются птицы в синей вышине,
Зреет рожь, качая головой.
Припев: Сердцу дорог этот край,
Сердцу здесь вдвойне теплей,
Далеко не улетай
От родных своих корней.

2. Вековые хвойные леса
 Радуют наш взор порой любовью,
 Обвы величавая краса
 Наполняет сердце добротою.

Припев:

3. Сбереги историю свою -
 Край родной трудом подняли люди.
 В каждодневном творческом бою
 Верили, что он прекрасней будет.

Припев:

Наш поселок

Над просторами Обвы безбрежной,
 где как чайка-ракета летит
 утробно-топкой в зелени нежной
 наш поселок стоит. Любим мы наш
 поселок трудовой и веселый,
 и о нем эту песню мы с душою поем.

Слова Ст. Чепурина,
 музыка Н. Белкиной.

1. Над просторами Обвы безбрежной,
 Где, как чайка, ракета летит,
 Утопающий в зелени нежной
 Наш поселок любимый стоит.

Припев: Любим мы наш поселок,

Трудовой и веселый,

И о нем эту песню мы с душою поем.

2 раза

- Старых зданий колонны белеют,
Сосны древней Кузьминки стоят
И пшеница в полях зеленеет,
И нефтяников вышки стоят.

Привет:

- Не смущайтесь, что путь к нам не близкий.
Трудный путь по плечу молодым.
Приезжайте в поселок Ильинский,
Будем рады гостям дорогим!

Над рекою Обвою

1. Над рекою Обвою тихим вечером
Мы впервые рядышком, милый мой, идем.
Сонно клонит травушка голову свою,
От тебя напрасно я любовь таю.

*Слова Н. Паршаковой,
музыка Н. Белкиной.*

- Над рекою Обвою тихим вечером
Мы впервые рядышком, милый мой, идем.
Сонно клонит травушка голову свою,
От тебя напрасно я любовь таю.

Припев: Глаза расскажут все без слов,
 А губы подтвердят:
 Виновник всех тревожных снов, 2 раза
 Пьянит меня твой взгляд.

2. Загляделись звездочки в водяную гладь,
 Обещал мне миленький звездочку достать.
 Говорил мне нежные, медовые слова,
 От которых кружится сладко голова.

Припев:

3. На заре, на зореньке в росах вся земля,
 О тебе печалиться буду, милый, я.
 Долгим днем всю думушку передумаю:
 Ох, пришел надолго ли ты в судьбу мою?

Припев:

Славный наш Ильинский край

Музыкальный фрагмент с нотами и русскими словами: *Иль-ин-че над Об-вин-ским за-ливом, дует в по-ле легкий ве-терок. Слав-ный наш Ильинский край - лю-бимый*

Музыкальный фрагмент с нотами и русскими словами: *лю-бимый по-лю-бить себя ты нам по-мог.*

Слова Вл. Ошева,
 музыка Н. Белкиной

1. Тишина над Обвинским заливом,
 Дует в поле легкий ветерок.
 Славный наш Ильинский край любимый,
 Полюбить себя ты нам помог.

2. Пышный лес и нивы колосятся,
Все навеки: реки и поля.
Хороша сторонushка Ильинская,
Дорога нам русская земля.
3. Аромат цветов медовый, сладостный,
Стая птиц щебечет на заре,
И на сердце сразу станет радостно,
Что живу в Ильинской стороне.

Так, видно, судьба повелела

Ког-да-то не так уж да-вно де-вчо- мой ве-се-лой и сме-лой в кра-си-во-е это се-ло на прак-ти-ку я при-ле-те-ла и в До-ме куль-тур-ы то-гда на-шла по ду-ше се-бе де-ло. Же-на-шев-я зде-ся на-всег-да так ви-дно су-дь-ба по-ве-ле-ла.

Слова и музыка Н. Белкиной

1. Когда-то не так уж давно
Девчонкой веселой и смелой
В красивое это село
На практику я прилетела.
И в Доме культуры тогда
Нашла по душе себе дело.
Осталась я здесь навсегда,
Так видно судьба повелела.
2. Как птицы летели года:
Работа, дом и семья.
И радость была, и беда,
Но не отчаялась я.

Среди интересных людей
Стала мудрей и добрей.
Край этот очень люблю,
О нем эти песни пою.

Содержание

К читателям	2
Вадим Афанасьевич БЕРЕСНЕВ	4
Из автобиографии	4
Как лечили у нас	5
Канатная фабрика в Ильинском	9
Ода самовару	10
Илья Илларионович БУКИН	13
Гимн женщине	14
Дочке Лене	15
Черёмуха	16
Снежинки	16
Иван Андреевич ВАВИЛИН	17
Елена Борисовна ВЛАСОВА	21
Летний вечер	22
Посвящается моему деду	22
Виталий Владимирович ГОРШКОВ	24
ИЛЬИНСКИЕ МАСТЕРОВЫЕ	25
Бондарь из племени бондарей	25
На лесоповале	26
Династия	26
Послевоенное казарменное... ..	27
Соль ремесла	28
В стране чудес	29
Дом у причала	29
Медвежатник	30
Вторая, иная, жизнь... ..	31
Дом, украшенный «пенсионерами»	32
Страна, где нет бунтовщиков	32
Мотив творчества	34
Гимн	35
Золушке посвящается	36
Татьяна Александровна ГУЛЯЕВА	37
Ильинский храм	38
Непокоренные	39
Колдовство	39
Балагур	39
Природа жаждала дождя	40
Осень	40

По законам любви.....	41
Сон.....	42
По ступеням жизни.....	42
Отлюбила.....	43
Виктор Васильевич ДЖУЛИНСКИЙ.....	47
Маме.....	47
Поэт.....	48
Внучке.....	49
Посвящается отцу.....	50
Елена КАТАЕВА.....	50
Гроза.....	51
Общение с Богом.....	52
Наталья Афанасьевна ПАРШАКОВА.....	54
Ильинская земля.....	55
Осенние мотивы.....	57
Зима, в душе метель... ..	59
Сыну.....	61
Молитвы матерей.....	62
На гибель пермских омовцев.....	62
Дари добро.....	62
После просмотра спектакля «Голубые олени».....	63
Вышла в круг девчонка.....	63
Посиделки.....	64
Дочки-матери.....	66
Первой учительнице.....	69
На уроке.....	69
А школа есть, была и будет!.....	70
Разведу беду руками... ..	70
Сердцу дорог этот край.....	76
Я здесь, с тобой.....	79
Маме.....	81
В. Ладыжникову.....	82
Памяти В. Г. Ершову.....	83
Сергей Николаевич Плотников.....	86
La vie immediate.....	87
Предстояние.....	87
Юлия Поносова.....	88
Священная война.....	89
Оборотень.....	90
Старый дом.....	90

<i>Людмила Васильевна Ревенко</i>	91
<i>Отец</i>	92
<i>Ю.Н. Дружковой</i>	93
<i>Обращение к сверстникам</i>	96
Анна САЛЫКИНА	96
<i>Россия</i>	97
<i>Огонь сердца</i>	98
<i>Анне Ахматовой</i>	98
<i>Новая жизнь</i>	99
<i>Мост</i>	99
<i>Благодарность</i>	100
Юлия СОЛОВЬЕВА	101
<i>В последний раз звенит звонок,</i>	101
<i>Просто... так надо</i>	102
Нелли Николаевна ТЕПЛОУХОВА	111
<i>Солнышко</i>	112
<i>Суть</i>	113
<i>В краю родном</i>	113
<i>Ворона</i>	114
Станислав Иванович ЧЕПУРИН	115
<i>Журавли летят на юг</i>	116
<i>Ильинская лирическая</i>	116
<i>Сочинять – не дрова рубить</i>	117
<i>Вернись, детство!</i>	117
Ольга Валентиновна ЮДИНА	119
<i>О женской красоте</i>	120
<i>Сестренка</i>	121
Ольга Николаевна ЯКОВКИНА	123
<i>Осень</i>	123
<i>Весна</i>	124
<i>Что нужно для счастья?</i>	124
Игорь Владимирович ЮРКЕВИЧ	126
<i>Графские луга</i>	127
<i>Орден Ленина</i>	150
<i>Три жизни Родиона Антипина</i>	154
Нина Петровна БЕЛКИНА	159
<i>Вернись, детство</i>	160
<i>Поселок Ильинский – частица России</i>	161
<i>Это Родина наша</i>	162
<i>Сердцу дорог этот край</i>	163

<i>Наш поселок</i>	<i>164</i>
<i>Над рекою Обвою</i>	<i>165</i>
<i>Славный наш Ильинский край</i>	<i>166</i>
<i>Так, видно, судьба повелела.....</i>	<i>167</i>

Ильинский мой, ты песня и легенда!

Сборник стихов, очерков, рассказов, повестей,
песен поэтов и прозаиков Ильинского района.

Составители:

Гилева Нина Алексеевна,

Елькина Тамара Николаевна

Автор вступительных статей

Соловьева Нина Ивановна.

Редактор

Симонов Валерий Иванович.

Корректор

Коробова Галина Анатольевна

Фотографии Симонова В.И.

Отпечатано в ООО «Печатник», г. Верещагино,
ул. Энергетиков, 3.
Тираж 1000 экз.